

Валерий Столыпин

Любовь - игра

В которой всё серьёзно

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

Любовь – игра, в которой всё серьёзно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63953241

SelfPub; 2021

Аннотация

Человечество существует миллионы лет, но до сих пор не удосужилось написать чёткий и ясный учебник любви, свод незыблемых правил, изучив который можно жить счастливо. Мало того: мамы и папы, педагоги и воспитатели – никто не может дать рекомендаций, как любить правильно. Получается – прожитые годы тоже мало чему учат. Потому и судьбы у большинства людей корявые, неказистые. Про то и рассказы: кидаемся в чувства как в омут и барахтаемся, надеясь на авось и небось. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Последняя электричка	4
Не женитесь, мужики	19
Мужчина её мечты Часть 1	39
Мужчина её мечты Часть 2	48
За пять минут до Нового года	71
Просто отпусти	82
Любовь – игра, в которой всё серьёзно Часть 1	101
Любовь – игра, в которой всё серьёзно Часть 2	122
Любовь с испытательным сроком	147
Как просто стать счастливым Часть 1	170
Как просто стать счастливым Часть 2	182
Застенчивый романтик Часть 1	196
Застенчивый романтик Часть 2	212
Застенчивый романтик Часть 3	228
Всё могло быть иначе Часть 1	251
Всё могло быть иначе Часть 2	267

Валерий Столыпин

Любовь – игра, в которой всё серьёзно

Последняя электричка

На последней электричке Денис ехал в дачный посёлок, чтобы увидеть её, Софью Витальевну, женщину-мечту, с которой не виделся бесконечно долгие десять лет.

Честно говоря, мужчина ужасно боялся опоздать.

Глядя на мелькающие огоньки и смутные силуэты, проплывающие за окном, он представлял себе пьяняще-загораживающий облик, пробуждающий прекрасные воспоминания и сладкую истому, пытался угадать, как она выглядит, как отреагирует на его появление.

Что с того, что тогда ему было семнадцать, а ей двадцать восемь, если любое напоминание, будь то болотная трава под цвет глаз, капелька воды на оконном стекле, аромат спелых персиков, рассветное пение жаворонка, первый луч солнца, грозная туча или густой туман до сих пор оживляют ро-

мантический облик этой необыкновенной женщины.

В тот год Денис лишь изредка приезжал в дачный посёлок, чтобы побродить по перелескам, посидеть с удочкой в скрытой кустарником заводи, накупаться вдоволь. Мальчишкой, даже юношей, он не любил шумные компании, черпая жизненную энергию в уединении.

Жизнь и пристрастия радикально изменились, когда Денис увидел Софью Витальевну, соседку по даче, стыдно сказать – купающуюся на песчаном мелководе, окружённом тростником и ивовым кустарником, голышом.

Было настолько раннее утро, можно сказать первые проблески зари, когда даже птицы не подают ещё своего голоса, когда лепестки ромашек усыпаны бисером серебряных капель, когда стрекозы и бабочки, отяжелевшие от обильной росы, дожидаются пробуждения, притаившись на травяных стебельках.

Денис шёл босиком сквозь туманное марево на прикормленное для рыбалки место под раскидистой ракитой, свисающие ветви которой любовались своим отражением в зеркале тихой заводи, когда слышал плеск воды и еле слышное пение.

Желание посмотреть на источник звуков, точнее подсмотреть, поскольку мелодичные вибрации явно принадлежали молодой женщине, родилось внезапно.

Дальше Денис крался, пока не разглядел в молочной пелене подвижный силуэт, при виде которого юноша забыл, за чем шёл.

Скрывшегося за корявым ивовым стволом наблюдателя купальщица не видела, потому вела себя непринуждённо, свободно.

Проплыв десяток метров Софья Витальевна вернулась на песчаную отмель, встала во весь рост. Вода скрывала обворожительное тело до пояса, но того, что было открыто взору, хватало, чтобы у Дениса перехватило дыхание. Живую девичью наготу он видел впервые.

Туманное утро с зарождающимся солнечным светом нежным шёлком струилось по прекрасным изгибам. Восхитительно запретное зрелище изумило, очаровало, поразило, шокировало.

Он понимал, что подглядывать украдкой равносильно краже, но оторвать взор от бесстыдных движений бережно ласкающей себя женщины был бессилён.

Когда нимфа вышла на берег, обнажив скрытое прежде великолепие плавных линий, принялась обтираться, прыгать на одной ножке, чтобы освободиться от капель, попавших в уши, Денис чуть не застонал, настолько сладострастным было греховное зрелище.

О рыбалке пришлось забыть: его лихорадило. Кипящая кровь пульсировала в возбуждённом теле, рождая удивительно приятные, но постыдные желания.

Отныне Денис стал хранителем чужой тайны, забыть которую было невозможно: она будоражила воображение, превращая мелькающие мысли в зримые образы и чувствительные эмоции, пульсирующие в теле как сама жизнь.

Софья Витальевна отправлялась на речку почти каждое утро. Денис ждал её на берегу в тщательно скрытом от глаз, специально для этой цели оборудованном тайнике, решив, что городскую суету и мелкие проблемы можно забыть на время ради такого наслаждения.

Теперь он был предельно осторожен.

Так продолжалось довольно долго, пока юноша не понял, насколько несправедно его поведение относительно женщи-

ны, которая из объекта наблюдения превратилась в романтическую мечту.

Однажды Денис не стал скрываться и скрадывать соседку как дичь: встретил её утром у калитки и признался во всём.

Софья, так они в тот день договорились, покраснела, выдав тем самым смущение и растерянность, но справилась с эмоциями, только пожурила шутливо, – поклянись, что больше никогда так не поступишь, проказник.

Денис дал зарок, даже всплакнул, поскольку считал себя авантюристом, даже мошенником. В то утро Софья купалась в одежде и не одна.

Соседка жила на своей даче постоянно: свободная профессия и мобильные средства коммуникации позволяли не контактировать с внешним миром месяцами, творческий потенциал не нуждался в подпитке извне.

Дениса с его юношескими проблемами и романтическими комплексами Софья Витальевна приняла легко: он не мог повлиять на мировоззрение, разрушить гармонию связи с природой, распорядок дня и творческие цели.

Она была сформированной духовно и физически лично-

стью, прошедшей в своё время через долину любви, через дебри семейной жизни, через предательство и боль, могла себе позволить бесхитростные отношения с восторженным мальчишкой.

Что с того, что он грезит о любви и пылает страстью? Пока не созрела дерзкая циничная похоть, не получен опыт развратного тщеславия, пока вождение и жажда новизны не превратили его в ненасытного монстра, юный мужчина остаётся ребёнком, из которого можно вылепить что угодно.

Софья была права лишь частично: Денис был способен грезить лишь о том, что уже испытал, а ведь он даже не целовался ни разу, разве что в щёчку, представления не имел о том, что и как происходит при прикосновениях, объятиях, нежных физических ласках.

Бояться, что он сходу превратится в мужчину, не было повода, но химия любви уже проникла в кровь и плоть, наполнила мозг флюидами желания, концентрированными маркерами, способными замкнуть цепь, посылающую импульсы любви.

Мысли и желания Дениса замкнулись на образе Софьи, который расширялся день ото дня, пока не сравнялся в объёме с размером Вселенной.

Утром он провожал соседку на пляж, днём добывал букеты полевых цветов, которыми украшал окна её домика, до вечера сидел в тени, наблюдая за окнами и дверью в предвкушении прогулки с ней вдоль пшеничного поля и берёзовой рощи, мечтая, что Софья выйдет за колодезной водой или в сельский магазин за продуктами.

А как хотелось юноше побывать в таинственном доме, увидеть скрытую жизнь женщины-мечты. Сколько раз Денис порывался прокрасться, заглянуть в окна, но вспоминал о данном Софье Витальевне слове и останавливался, ограничившись виртуальным путешествием по недоступным pokojам.

Времени на фантазии было предостаточно. Юноша сочинил целый мир, в котором жила та, кого он боготворил.

– Я люблю тебя, – как-то раз выдавил он из себя на прогулке, пылая лицом от признания.

– Дурашка, я гожусь тебе в мамки.

– Пусть так, всё равно люблю, – сказал немного увереннее и убежал на берег.

Софья Витальевна отыскала его, вытерла с лица слёзы, расцеловала, как когда-то давно делала мама, обняла, села рядом.

– Думаешь, я тебя не понимаю, Денис? Ещё как понимаю. Первая любовь, это такая... это такое... не знаю, как сказать. Этим нужно переболеть. Мне сейчас двадцать восемь, тебе семнадцать. Через десять лет я стану старушкой, ты превратишься в настоящего мужчину. Не думай, я тебя не гоню. Пойми, слово люблю – лишь слово. Скажи, мой юный друг, чего именно ты ожидал от меня, делая такое серьёзное признание?

– Хочу любить тебя, видеть каждый день. Целовать, обнимать, дарить цветы.

– Замечательно. Так делай это: дари, обнимай, люби...

– Хочу жить рядом, вместе: помогать, гулять, прибираться, готовить, спать.

– Давай помечтаем. Предположим, сейчас идём к твоим родителям и сообщаем, что любим друг друга. Представил? Что скажет твоя мама, ведь тебе семнадцать? Начнёт кричать, топтать ногами, грозить судом за соvrращение несовершеннолетнего ребёнка. Как тебе такой расклад? Вот, люби-

мый... мне почему-то не хочется в тюрьму.

– Мы никому не скажем.

– Предлагаешь играть в любовь тайком? Мечтаем дальше: кто-то увидел, что мы целуемся. Сплетники разнесут эту весть на весь мир. Меня объявят извращенкой, преступницей. Опять тюрьма. Давай не будем рисковать: ведь ты меня любишь, так? Подождём, пока подрастёшь, потом вернёмся к серьёзному разговору. А пока будем купаться, загорать, ловить рыбу, собирать грибы, гулять. Зимой будем писать письма, фантазировать, записывать в дневники свои эмоции. Согласен?

– Ты сказала, что обнимать можно, так?

– Поймал-таки на слове. Да, можно... только не как мужчина и женщина, как мама и сын.

Разговоры и прогулки занимали всё больше времени, рождая новые желания, новые сомнения и вопросы.

Денис под влиянием старшей подружки взрослел, становился мудрее и терпимее, хотя по ночам его распирало от неосознанных желаний, сновидения заканчивались сердцебиением и поллюциями.

В позитивном направлении менялась и Софья, слыша ежедневно слова любви, ловя восхищённые взгляды, вздрагивая от случайных прикосновений, загораясь и плаваясь от как бы отеческих поцелуев, которые вихрем закручивали мысли, вызывая столь активный отклик в жаждущем нежности теле, что порой готова была не просто отдаться – изнасиловать Дениса.

Признаться себе в том, что влюбилась в ребёнка, было немыслимо.

Внезапное завершение лета, начало учёбы, заставившее мальчишку вернуться в город, принесло временное успокоение, только процесс зарождения любви остановить оказалось невозможно.

Купаться теперь было холодно, но Софья продолжала утром ходить на берег. Днём она невольно искала на подоконниках букеты ромашек и лютиков, вечером проходила маршрут, по которому гуляла с любимым.

Да, именно так: теперь она не стеснялась признаться в том, что давно забытые чувства вновь поселились в душе и теле.

Одинокими бессонными ночами Софья делилась эмоциями с дневником, писала стихи (боже, какая глупость – накручивать себя романтическими ритмами) и письма, которые некуда было отправить, мечтала и грезила.

Послания от Дениса приходили регулярно: сначала каждый день, позже – раз в неделю. В них было столько тоски и боли, эротизма и чувственности, сладострастия и соблазнов, что сердце разлеталось на мелкие кусочки как хрупкая хрустальная посуда. Сладкая истома терзала возбуждённую плоть, наполняя окружающее пространство и её саму чем-то воздушным, горячим, лёгким, отчего вкусно кружилась голова, потрясающе чувственно пульсировало и таяло между ног.

Софья собрала волю в кулак, дала себе слово, что забудет, поскольку этот плод недосыгаем и горек, сожгла дневники и свои письма, но оставила его весточки, притворно убедив себя, что нельзя распорядиться чужими чувствами.

Оказалось, что закатать в асфальт забвения живой росток совсем непросто: душа или некий неизвестный орган, хоть и был ампутирован, болел.

Софья осунулась, исхудала, перестала читать письма Дениса.

В апреле он неожиданно приехал: возмужавший, румяный, весёлый. Женщина пыталась отрезать его как сухую ветвь, но увидела и поняла, что бессильна убить живое.

– Здравствуй, любимая, – воскликнул мальчишка и обнял, но не как мать – чувственно, нежно, отчего сердечко её затрепетало, выпрыгнуло наружу, породило в теле живую пульсацию, вызвало поток слёз.

– Что же ты плачешь, родная, я приехал. Мне исполнилось восемнадцать, меня теперь можно сколько угодно любить. Ты рада?

Софья не понимала, что делать. Она была в отчаянии.

Денис начал выкладывать на стол снедь, завалил деликатесами весь стол.

– Сегодня наш день, Софочка, ты ведь меня не прогонишь?

В этот вечер они не пошли гулять: столько всего нужно было рассказать друг другу, столько передать прикосновениями и поцелуями.

Три дня Денис пробыл с любимой. Три дня.

После школьных экзаменов и выпускного вечера Дениса забрали в армию. Война. Потом он подписал контракт, участвовал в боевых действиях за границей, раненый попал в плен.

По возвращении на родину его обвинили в измене, шпионаже, позже обнаружили ошибочность улик, реабилитировали.

Теперь ему было двадцать восемь лет, как когда-то Софье. Значит ей теперь тридцать девять.

Люди стареют неодинаково: есть те, кто в пятьдесят выглядит на тридцать, другие в тридцать – на пятьдесят. Денис не мог представить любимую иначе, чем в тот год, не знал, ждёт или нет, обрадуется или прогонит: ведь она ничего о нём не знала.

Ночь вступила в свои права. Дом стоял на прежнем месте. В окнах горел свет. В кухне за занавесками двигалась пара теней.

– Не дождалась, – огорчился Денис, – наверно правильно. Ну и пусть, я уже не тот застенчивый мальчик. Загляну, по-

радуюсь за неё, посмотрюсь вдоволь и исчезну... с глаз долой, из сердца вон. И всё же жаль.

Мужчина постучал в окно, подошёл к двери.

– Денис, – удивилась Софья, – вот кого не ожидала увидеть. Как ты... какими судьбами. В тот год вашу дачу продали, о тебе ни слуху, ни духу.

– Пустишь?

– Дай насмотрюсь. Заматерел, возмужал, тоска в глазах. Проходи.

– Кто у тебя, замужем?

– Вовсе нет. Ребёнок, сын, Виталий. В честь моего папы назвала. Твой сын, Денис... твой.

Софья прильнула к мужчине, обняла, пустила слезу.

– А ты... женился, нет... дети. Почему молчишь? Я ждала тебя, понимаешь, ждала... а ты! Ладно, чего уж там. По пути заглянул или ностальгия замучила? Проходи уж, бродяга. С сыном познакомлю.

– Софья, погоди. Про жизнь позже поговорим. Сейчас признаться хочу. Помнил я, все годы только о тебе и помнил. Люблю я тебя. Нет, не так. Я тебя люблю! Прости меня и выходи замуж.

– Дурашка! Я и так замужем. Виталику девять лет уже. Как же я соскучилась.

Не женитесь, мужики

С некоторых пор жизнь Егора Веретенникова уверенно и шустро полетела под откос. Неприятности валились на его семью косяком, ломая сложившиеся отношения, круша привычный уклад налаженной с большим трудом жизни, выбивая из накатанной колеи.

Полгода назад от коклюша умерла пятилетняя дочка. С этого дня в доме прочно обосновались зелёная тоска и минорное настроение.

Супруга впала в беспросветное уныние, перестала есть. Время и врачи, увы, были бессильны излечить затянувшуюся депрессию. Истерзанная меланхолией Верочка осунулась, ослабла и вскоре вслед за дочкой отправилась к праотцам, оставив мужа и совершеннолетнего сына без женского догляда.

Егор – мужчина самостоятельный, цельный: погоревал и взял управление хозяйством на себя, преодолев хандру без посторонней помощи и крепкого алкоголя, обучая попутно по мере возможности самообслуживанию взрослеющего Вадима.

Дома у них было уютно, чисто, разве что без сугубо женской аккуратности, предполагающей маниакальное стремление к совершенству (образцовому глянцу Егор предпочитал творческий беспорядок, в котором проще ориентироваться).

Со своей Верочкой, единственной и любимой, Егор прожил почти двадцать лет. Хотя был мужчина ещё достаточно молодым, связать судьбу с другой женщиной считал неприемлемым вариантом.

Зато Вадик, обнаружив образовавшуюся в доме без женской заботы пустоту, соблазнился появившейся возможностью привести в дом невесту.

Особенно влюбчивым юноша не был: менял подружек с завидным постоянством, но, так было прежде, пока мама – хранительница семейного очага, твёрдой рукой управляла уютным хозяйством. Теперь обстоятельства вынуждали искать замену заботливой хлопотунье.

Вадик, уверенный в своей неотразимости, приучен был доминировать и иметь всё, что захочется по первому требованию (слепая материнская любовь предполагает избыточную опеку), не желал смиренно выполнять домашние обязанности, которые считал женскими.

Выбор невест был довольно внушительный, но список объективных требований к потенциальным претенденткам сократил его до трёх кандидатур.

Леночка, миниатюрная блондинка, набрала по пятибалльной шкале самую высокую оценку. Признание в любви она приняла с восторженным визгом, но замуж выйти отказалась, во всяком случае, до окончания института.

Портить с подругой отношения Вадик не стал, тем более что она абсолютно не комплексовала по поводу целомудренности. Лишиться толики искренней нежности и возможности покувыркаться в постели с юной шалуньей было бы глупо: как запасной вариант Леночка подходила идеально.

Юля Кирсанова, дочка спортивного тренера, обладательница идеальной фигуры и танцующей походки, устраивала во всём, но тоже отказалась от предложения руки и сердца, сославшись на нелестное мнение о его кандидатуре как потенциального жениха своего папы, считающего, что юноша, не занимающийся спортом, не мужчина.

Это фиаско Вадик пережил особенно болезненно, поскольку девочка напоминала его маму: обладала похожим ароматом, была мила, безотказна и приятна на ощупь.

Зато Жанна Абросимова, бойкая улыбочивая девчонка с прекрасными вокальными данными и выдающимися способностями быть в центре любых событий, обещающих веселье, согласилась мгновенно, причём радовалась предложению как ребёнок.

Девочка с невиданным энтузиазмом бродила по квартире Вадика: планировала грандиозную трансформацию всей имеющейся в наличии обстановки, составила список гостей и всего необходимого для предстоящей свадьбы.

– А твой папа, где он-то будет жить?

– Конечно с нами, любимая.

– Ладно, этот вопрос мы позже уладим. Пока врежь в нашу комнату замок, так будет правильно.

Жанночка не стала тянуть с началом семейной жизни: сразу позвонила маме, танцуя и хихикая, сообщила, – Вадик Веретенников сделал мне предложение, завтра подадим заявление, а сегодня я остаюсь у него. Мамочка, я такая счастливая!

После звонка маме невеста сообщила о замужестве по секрету всему свету, затем они долго целовались и вальсировали.

ли, если так можно назвать переступание с ноги на ногу в обнимку, медленно сбрасывая с себя покровы.

Отметив помолвку бурным сексом, молодые отправились в магазин, накупили там деликатесов, по большей части нарезку (чтобы не отвлекаться на готовку), вина и яркой мишуры, символизирующей праздник.

До папиного прихода оставался почти час, который восторженная парочка провела в постели, с наслаждением проникаясь торжественностью момента.

К приходу Егора воздух помещения был густо пропитан запахом разврата, кухню разукрасили цветами и блёстками, красиво сервировали покупными закусками стол.

Встретили родителя радостными воплями и хлопком неумело открытой бутылки Шампанского.

– Папа, мы женимся, ура-а-а!

Егор недоумевал, но решил не препятствовать. Дом – не корабль: женская рука необходима.

Жанночка была в ударе: её соблазнительный ротик не закрывался ни на минуту. Девочка резвилась: искрила остро-

умием и юмором, заразительно смеялась, танцевала, пела, одновременно давая понять своим мужикам, кто теперь будет комендантом крепости.

Папа слегка охренел от такого напора, но досмотрел спектакль до конца, лишь в финале отозвав сына для частного разговора.

– Вадичка, сынок, ты в своём уме, на кого рот раззявил, неужели не видишь: её кредо – тусить и веселиться? Она же нас за Можай загонит, сожрёт и не подавится. Повремени, подумай хорошенько.

– Мы всё решили, батя. Не бухти. Ещё спасибо скажешь. Сам что ли молодым не был? Знаешь, какая она горячая!

– Догадываюсь.

Фестиваль продолжался часа два, после чего Жанночка заскучала, принялась демонстративно зевать, приложила руку к груди и удалилась со словами, – я тебя жду, любимый.

– Усёк, недоросль, посуду девочка мыть не будет. Значит, этим займёшься ты. И вообще, не пора ли гостье домой?

– Папа, это моя невеста. Она живёт теперь с нами.

– Невеста без места... а я, кем я буду в вашем борделе – лакеем, прислугой? Увольте, господа!

Вадим посмотрел на него укоризненно, но со стола прибираться не стал.

Егор поворчал и принялся мыть посуду.

Висевшая повсюду мишура раздражала. Пришлось сорвать эту пошлость.

На следующий день молодые подали заявление на регистрацию брака, принесли в дом Жанкино барахло в немислимом количестве, которое будущая невестка расквартировала по всему объёму жилища, значительно уплотнив хозяев.

Её вещи поселились яркими пятнами повсюду. Квартира моментально превратилась в подобие будуара.

Вадик взял на работе отгулы. Процесс подготовки к свадьбе ему явно нравился, тем более, что теперь в любое время можно было получить сколько угодно вкуснейшей интимной экзотики, не тратя силы и время на добычу щедрых эротических яств.

Невеста оказалась любвеобильной, изобретательной, темпераментной, неутомимой и страстной.

Жанночка называла Егора папочкой, целовала в щёку, загадочно улыбалась ему и стреляла глазками, словно пыталась соблазнить.

– Вадичка, солнышко, протри мои туфельки. Не забудь взять деньги, в гости с пустыми руками не ходят. Посмотри, я хорошо выгляжу? Нет, любимый, это явно не то. Завтра пойдём покупать мне новое платье. Невеста должна выглядеть безупречно. Папа, собирайся, пойдём с родителями знакомиться.

– Я устал. Как-нибудь в другой раз.

– Не обсуждается. Свадьба – мероприятие слишком серьёзное, чтобы пренебрегать ритуалом. Необходимо получить одобрение родителей невесты. Мы приглашены.

Заявление о том, что свата ждали, оказалось профанацией. Правда мама была в свежей причёске, одетая в яркое театральное платье и блестела свежим маникюром кислотного цвета.

– Семён, душечка, накрой нам в зале. Мария Леонтьевна, – представилась манерная дородная дама с тремя подбородками и сунула Егору длань с пальцами-сосисками, требуя этикетного поцелуя.

– Не томи гостей, Машенька, зови, я живо справлюсь. Что вы там принесли? Ага, балычок из сёмужки, икорочка, окорочёк... а хлеб... Жанночка, как ты могла забыть – мама не может есть без хлеба.

– Вадичка, котичка, сбегай, пока мы тут знакомимся, купи батон. Ещё чего-нибудь нужно? Да, туфельки мои протри влажной салфеткой. Запылились. Знакомься, пап, Егор Иванович, отец Вадима, пришёл сватать вашу очаровательную доченьку.

– Как же так, как же так, – запричитала маменька, – молодая она совсем, кто же за нашей ягодкой приглядывать будет? Готовить-то умеете? Жанночке без горячего никак нельзя, у неё гастрит.

– Мама! У нас рядом с домом кулинария. И живём мы недалеко от вас. Папа, если что, придёт и сготовит.

– Папа, – удивился Егор, но посмотрел на маникюр хозяйки и всё понял.

Семён Леонидович был радушен и словоохотлив. Через час Егор знал всю его биографию, через два – про домочадцев, соседей, сослуживцев и дальних родственников.

Будущий сват ловко ухаживал за женой и гостями без отрыва от повествования. Женщины сидели с прямыми спинами в позах манекенщиц, отхлёбывая из огромных бокалов на тонких ножках красное вино, кокетливо строя гостю глазки.

– Закусывайте, Егор Иванович, не стесняйтесь. Что можете сказать про мою девочку, правда, она душечка?

– Не разглядел покудова. Так-то она сочная, румяная, но супружеские способности пока не проявила. Мы ведь с Вадиком холостякуем, нам хозяйка надобна.

– Сёмочка, подавай горячее. Не для того мама ягодку растила, чтобы в домработницах у чужих людей прозябать. Её ждёт карьера певицы.

Семён Леонидович засуетился.

– Ты бы помогла отцу, Жанночка, – намекнул Вадим.

– Я же одета в вечернее, ты что, ослеп. Иди и помоги!

Невеста так искренне возмутилась, что жениху стало стыдно: женщины были одеты как мотыльки – дунь и пыльца, украшающая крылышки, осыплется.

Егор с укоризной посмотрел на сына, но сделал вид, что ничего не произошло. Он не привык пасовать перед трудностями, – был бы лес, а соловьи прилетят. Воспитаю как-нибудь. Что делать, если мой отпрыск – дурень.

Одно Егор знал твёрдо – жить, как родители невесты, он не сможет, потому начал обмозговывать сценарий дрессировки снохи.

С Вадиком он несколько раз разговаривал, основательно объясняя, в чём секрет семейного счастья, но сына захлестнула волна эйфории: он купался в эмоциях страсти, не замечая ничего, кроме соприкосновения тел.

Блаженное опьянение туманило мальчишке голову. От свалившегося на него счастья не было спасения: так обычно ведут себя токующие глухари, когда инстинкт размножения становится для них важнее самой жизни.

Рассчитывать на адекватные действия сына, тем более на содействие, не приходилось.

Егор собрал волю в кулак и пошёл в наступление.

– Посуда, – рычал он, когда невестка пыталась улизнуть после ужина.

– Папа!

– Я уже двадцать лет твой папа. Мой сам. Мне без разницы, кто будет вести домашнее хозяйство, разбирайтесь без меня. Жанна, шмотки свои из коридора и моей комнаты убери немедленно. Да приберись, свинарник развела! Пора взрослеть.

– Будете меня шпынять – к маме уйду!

– Скатертью дорожка. Не велика потеря.

– Папа!

– Не хнычь! Первым делом, сын – чистота, уют и здоровое питание. Любовь – удовольствие, развлечение, экзотика. В конце концов, мой дом – мои правила. Не согласны – ищите съёмную квартиру.

– Я столько не зарабатываю, Жанна вообще студентка.

– Вот! Нормальные люди сначала думают и считают – потом действуют. Что я говорил, когда ты женихался – не торопись. Послушал? Черпай теперь что есть ложками и не ворчи. Или учи уму-разуму свою ненаглядную, пока не получилась копия маменьки – бегемотика с маникюром и замашками принцессы крови.

– Если бы мама была жива...

– Продула бы тебе ноздри ещё до свадьбы. Несносный характер твоей фифы торчал как иголки из спины ёжика.

– С тобой не договоришься.

– Потому, что я прав.

Егор доблестно боролся с привычками снохи, но преодолеть барьер природной лени был бессилён. Мало того – вскоре Жанна забеременела, стала раздражительной, капризной, плаксивой.

Она постоянно чего-то хотела, но исполненные желания лишь умножали недовольство, которое давало и её мамочке повод для претензий и скандалов, пока вконец не разругалась со всеми, в том числе и дочерью.

Жанна рыдала и ела, скулила и закусывала, после чего заваливалась на кровать или диван, погружаясь в неподвижную меланхолию.

Вадик испугался: почти так же вела себя мама. Чем это закончилось, было известно.

Начались походы по врачам, которые диагностировали у Жанны целый список хронических заболеваний, включая наследственные, генетические, перешедшие к ней по линии матери.

Исследования показали – вероятность того, что ребёнок родится инвалидом, весьма высок. Доктора настаивали на срочном оперативном прекращении беременности.

Жанночка встала на дыбы, – делайте что хотите, я буду рожать.

Когда начался токсикоз, невестка и вовсе слегла, наливаясь, тем не менее, как арбуз на бахче, потому, что аппетит взнуздать было невозможно.

Егор стал задерживаться на работе, не в силах терпеть жалобы и стоны раздавшейся в стороны, как дрожжевая опара,

невестки, ни днём, ни ночью не отпускающей от себя мужа.

Вадим взвыл. Не так он представлял себе счастливую семейную жизнь, тем более что от самого сладкого и желанного его отлучили.

Выход интимной неудовлетворённости он вскоре нашёл, встретив однажды Леночку, которая всё ещё неровно дышала в его сторону, тем более что девочка тоже испытывала голод на эмоции страсти.

Вадик купил снотворные, добавлял их в сок, когда удавалось совместить своё желание со свободным временем Леночки.

Жанна тем временем окончательно отяжелела. Врачи ужасались от стремительного прироста её веса.

Ребёнок, как ни странно, родился здоровый, хотя врачебный консилиум сделал вывод, что сюрпризы в дальнейшем не исключены.

Зато серьёзно занедужила сама Жанна: от избыточного веса у неё обострилась астма, которая прежде не давала о себе знать, поднялся сахар в крови, начались проблемы с кровеносными сосудами и суставами, участились гипертониче-

ские кризисы.

Кормить дочку грудью мама отказалась через неделю, когда Катенька до крови прикусила ей сосок, на плач ребёнка не реагировала, стала как две капли воды похожа на маму, хотя была вдвое моложе её.

Заниматься внучкой, да и невесткой тоже, пришлось Егору, поскольку Вадиму такой расклад событий не понравился.

От проблем семьи он открестился полностью, переключив внимание на запасную подружку, Леночку, от которой в свою очередь скрывал романтические визиты к Юле Кирсановой и ещё к одной девушке, отношения с которой только начали развиваться.

Дома Вадим только ночевал, причём на кухне, чтобы беспокойная малышка не мешала спать.

Егор тщетно пытался до него достучаться.

– Свою жизнь просохатил, мамку похоронил, теперь за меня хочешь взяться? Фигушки. Пусть эта корова к мамаше возвращается. Я на принцессе женился, тонкой и звонкой, а не на сосиске в тесте.

– Будь мужиком, разруливай ситуацию сам. Жанка день и ночь в постели валяется. Твоя, между прочим, законная супруга. Честно говоря, я её понимаю – ты же предателем оказался: семя кинул и в кусты. Иришка орёт, вам до этого дела нет. Не нужна дочь – отдайте в детский приют. Я бы усыновил: девчонка-то замечательная, но при живых родителях это выглядит дико и гадко.

– Бать, поговори с Жанкой сам. Не хочу нервы себе мотать. На развод я уже подал, ей повестку должны прислать. Я в суде показал фотографии до и после родов, сказали, что разведут. Сам-то стал бы с такой коровой жить? А из дома я уйду, мне комнату в общежитии выделили.

– Не знаю, сын, не знаю. Жена – она и в Африке жена. Займись, заставь ребёнка, хозяйством заниматься. В её возрасте похудеть – раз плюнуть.

– Вот я и плюнул. У меня теперь другая невеста. Если хочешь – бери эту квашню себе, больше она никому не нужна.

– Что ты такое говоришь, сын!

– А чё, ты ещё в самом соку, мужчина в полном расцвете лет. Хочешь ведь бабу, сознайся. Дочку в качестве бонуса дарю.

– Когда же ты стал таким циничным, тому ли я тебя учил?

Как бы там ни было, Иришка была не виновата, что у неё ущербные родители. Егор это понимал, потому за внучкой по мере сил ухаживал, подгоняя, где пинками, где уговорами, Жанку заниматься домом и дочерью.

Жанна не стала уговаривать Вадима вернуться в лоно семьи, узнав, что у него целый букет временных невест.

Развод состоялся.

Вадиму назначили платить алименты.

Возвращаться к родителям она не захотела. Когда немного пришла в себя слёзно молила Егора, который окончательно запутался в отношениях с бывшей снохой, от которой открестился не только муж, но и родители, не выгонять из дому.

Тогда Егор вспомнил слова сына, – забирай себе.

– И заберу! Сама напросилась. Хочет остаться – пусть учится жить по-человечески: хозяйство блюсти, ребёнка обихаживать, мужа улаживать.

Так Жанке и сказал.

Та проплакала целый день, пока Егор на работе был, а вечером, не говоря ни слова, залезла к нему под бочок.

Вот когда Егор вспомнил разговор с сыном, его, – не бухти. Ещё спасибо скажешь. Знаешь, какая она горячая!

Притираться долго не пришлось: прожили ведь вместе почти два года, изучили друг друга вдоль и поперёк.

Жанна только теперь почувствовала, что такое родство, любовь и забота.

Егор стал для неё отцом и мужем, для дочки, которую усыновил-таки, отцом и дедом.

Жизнь постепенно наладилась, лишний вес испарился. Жанна, почувствовав вкус жизни, опять превратилась в молодую симпатичную женщину, восстановилась в институте, снова начала петь.

А Вадим...

У Вадима всё сложно: теперь-то он окончательно уяс-

нил, – все бабы б**ди.

Мужчина её мечты Часть 1

Что же ты выстраивала всю свою жизнь, Жанна Эдуардовна, волшебный замок или лабиринт, из которого нет выхода? Какая чудовищная нелепость, так исковеркать судьбу, так обмануться, так запутаться!

Бред! Казалось бы, имею всё, но главного, того, что делает счастливым, нет. Кто, как и чем может заполнить гнетущую пустоту одиночества? Ведь я всё ещё красива, стройна, привлекаю мужчин. Сорок лет... Это ничтожно мало и в то же время чудовищно много. Не настолько, конечно, чтобы поставить на себе крест. Не настолько!

Если разобраться, именно я сценарист, режиссёр и создатель разрушения своей же судьбы. Стою, смотрю на саму себя, загнанную в зазеркалье. Посмеяться бы над собой, над глупостью, которую упорно считала счастьем и безмерной свободой.

Наслаждайся! Гроби блаженство абсолютного рая хоть лопатой, ешь, пока не лопнешь от злости.

Что, не хочется? Аппетит пропал? Так тебе и надо!

Наперсник и вдохновитель, единственный в жизни любовник и муж, взял и переобулся, изменил, походя своим же жизненным установкам и принципам.

Терпеть не мог детей, меня убедил, заставил поверить в то, что они не могут приносить счастья, что мешают карьере.

Когда случайно забеременела, уговорил сделать аборт, чтобы не прерывать блаженную сладость беспечной жизни исключительно для себя.

Какие сказочные перспективы он мне рисовал, дух захватывало, сам же и разрушил идею счастливой жизни без детей. Было удобно – жил так, теперь решил стать папой, а меня, как напоминание о глупости, списал в утиль. Надо же, нежданно-негаданно воспылал страстным желанием оставить после себя потомство, но не от меня. Я уже вышла в тираж, утратила для него былую привлекательность.

И ведь получилось, в лучшем виде воплотил в жизнь задуманное злодейство. Взял и забыл годы, прожитые вместе в любви и согласии, возвёл вокруг меня забор, выставил часовых. Теперь счастлив. И ведь не икается ему.

Нашёл себе премиленькую сучку, лёгкую как тростиночка, почти невесомую девчущку с запахом молока на устах,

наивным детским личиком, упругой грудью размером чуть больше яблочка.

Да, простушка, да, глупышка. Девушка без изюминки, без жизненного опыта: угловатая, прыщавая, бледная, бесцветная, как моль, но молодая, полная сил и готовности безоговорочно подчиняться в обмен на возможность жить в комфорте и достатке.

Взяла и родила ему прелестного малыша. Не я, с кем половину жизни муж строил планы, добивался материального благополучия, транжирил молодость, а она, обыкновенная самка, молодая плодовитая особь, единственным достоинством которой является фертильность, способность приносить потомство.

Пришла на всё готовенькое, присвоила разом всё то, на что у нас ушли годы усилий. За что он так со мной? Ведь всю жизнь говорил, что ненавидит женщин, которые рожают, презрительно называл их свиноматками.

А ведь это мой муж... да-да, теперь бывший, ныне законный супруг этой неприметной тли, испускающей сладкие для стареющего мужика возбуждающие соки, дающие ему надежду на вторую молодость, на продолжение себя любимого, на сохранения в потомстве уникального генетического кода.

На мои чувства ему плевать. И ведь не считает это предательством. Говорит, что по-прежнему любит, что вынужденно прекращает общение, чтобы девочку свою не волновать. Молока, мол, не будет. Это как?

Стою перед зеркалом, люблюсь остатками привлекательности, переживаю, боюсь не понравиться, готовлюсь к его приходу, жду, надеюсь. На что, интересно?

Неужели всё ещё люблю, хочу близости, мечтаю возбудить, ожидаю привычной страсти, безудержной ласки, даже этих лживых признаний в любви?

Да-да, именно так. Выдаёт дрожь во всём теле, ускоренное биение сердца, томление в груди, пульсирующее тепло внизу живота, навязчивые мысли о нём, не дающие покоя и равновесия, несмотря на коварное предательство и измену, которую не скрывает.

Эта мышка тебя не стоит, любимый. Жаль, что я постарела, что не способна дать тебе то, чем с лёгкостью необыкновенной делится эта сучка. Рожать мне уже поздно, я очень жалею о том, что всю жизнь не позволяла себе иметь собственное мнение.

Откуда она взялась, эта вертихвостка? Ах, да... бабочки всегда летят на огонь. Эта, не исключение. Она ещё не знает, на какое коварство способен её мужчина, что считать его своим она будет лишь до тех пор, пока будет позволено.

Не удивлюсь, если выкормив дитя, девочка получит расчёт. Кто предал однажды... Подлость даётся с трудом лишь в первый раз. Позднее мерзость воспринимается иначе, как необходимые действия.

Не мы такие, любит говорить он, жизнь такая. Мол, я вообще не причём, обстоятельства сложились подобным образом, заставили лгать и лицемерить.

Ему легко удаётся убедить себя в необходимости быть циником. Так лучше. Убедительный довод, не правда ли? А как эффективно он успокаивает совесть и нервы.

Увы, вопреки элементарной логике, наперекор ревности и брезгливости. Ведь этот мужчина целует меня после того, как недавно пил сок другой женщины, когда тело ещё помнит её интимное тепло, сохраняет аромат другого тела.

Бывший муж ласкает меня, проникает в моё лоно, не испытывая отвращения. Люблю и презираю его, хочу и ненавижу, жду очередного свидания, сгораю от неудовлетворён-

ной страсти. Это ненормально, неправильно. Скорее всего, я больна.

Надо же, когда он сообщил, что хочет встретиться, я чуть не сошла с ума от счастья, сама не веря в то, что такое возможно.

К этому нелепому свиданию я готовилась с самого утра: парилась в ароматической ванне, делала маникюр, педикюр, эпиляцию, придирчиво выбирала комплект белья, делала причёску, купила за баснословные деньги это замечательное платье от кутюр... тьфу!

Как можно так низко пасть? Разве мало вокруг хороших и разных мужчин?

Есть. И что с того? Других, кроме Андрея, Андрея Константиновича Круглова... круглого как колобок, такого же лживого и изворотливого, для меня просто не существует.

И от бабушки ушёл...

Вот именно, от бабушки. К внучке.

Полюбила монстра себе на погибель, за что и расплачиваюсь.

За всё, за всё приходится платить, Жанна Эдуардовна, в моём случае одиночеством и неприкаянностью. Кстати, я ведь тоже Круглова, теперь, считай родственница разлучнице по её нынешней фамилии.

Нет, Андрюша меня не выбросил, благородно дал расчёт, обеспечил материально. Полный, так сказать, пансион. Что есть, то есть. Песни из слова не выкинешь.

Благородно. Обозначил степень порядочности размером отступных, превратил предательство в благодеяние. Иногда посещает. Правда, на жизнь жалуется. Но, это по привычке. Всегда так было.

Славно-то как! Сделать человека калекой, чуть-чуть, слегка, причём намеренно, осознанно, затем купить ему инвалидную коляску на электроприводе и открыть счёт, чтобы ни в чем себе не отказывал.

Всё же я хороша до сих пор. Куда уж до меня его костлявой пассии, не имеющей ни попы, ни талии...

Неужели она действительно ему понравится?

Сегодня тебе, Жанна, тоже достанется толика удоволь-

ствия от его щедрот. Должно же хоть что-то в жизни радовать. Запаздывает, однако, любовничек.

Интересно сегодня, от него Андреем будет пахнуть или Инной?

Не важно! Для порядка наморщю носик и отправлю мыться. Хоть чем-то попытаюсь ущемить его властную маскулинность, поколебать самоуверенную спесь.

Что бы ни предлагал, буду гнуть свою линию: сначала секс, потом ужин, если на застолье время останется. Уж я сумею выжать его до капли. Он ведь к сыночку, к жёнушке торопиться будет, но не факт, что это желание осуществится. Есть идея.

Забавно, что он своей Инночке говорит, когда ко мне бежит, или реально исповедуется? Врёт наверно, как мне брехал, когда с Инкой подпольно кобелировал. Чем она его взяла, чем?

А ведь он и её предаёт, негодяй! Но мне не должно до этого быть дела.

Бред, почему я его жду, по-че-му?

Потому что сама его выбрала, позволила судьбой своей единолично распоряжаться. Одного ведь на всю жизнь выбрала, не изменила ни разу, дура!

Что же получается, на этом жизнь закончилась? Зажилась, выходит, пора уступать место молодым?

Ну, нет, не дождёшься Андрюшенька, дудки! Я ещё сумею хлопнуть дверью, так закручу, что Инка твоя слезами умоется, про сына забудет.

Жанночка, милая, очнись же ты, наконец, найди достойную пару, влюбись по уши, окунись в омут неподдельных чувств. Эх, кто бы научил...

Не способна я перелюбить. Разве что когда-нибудь потом...

Дежавю. Такое уже было. Аборт, любовь: всё потом.

Как же всё сложно, грубо, жестоко, несправедливо, неправильно.

Только не реветь! Ты сильная, Жанна, ты справишься!

Мужчина её мечты Часть 2

В дверь постучали. Жанна Эдуардовна вздрогнула.

Насколько бы ни был ожидаем визит Андрея, она была смущена, что моментально отразилось безобразными красно-белыми пятнами на груди и шее.

Женщина еще раз придирчиво осмотрела себя в зеркало, послала своему двойнику воздушный поцелуй, подмигнула, подобралась, распрямила спину, вытянула шейку и степенно двинулась, стараясь успокоиться, чтобы Андрей не сумел понять, насколько она возбуждена и взбудоражена.

На спокойном внешне лице застыла наигранная благожелательная улыбка с напускной наивностью. Жанна пыталась изобразить равнодушие.

Андрей не должен заметить, насколько она раздражена, как ей одиноко и плохо.

– Всё-всё. Сосредоточилась, напряглась, слёзы и сопли потом, для этого будет достаточно времени, ещё настрадаюсь вдоволь. Изображаю праздник плоти, показываю, на что способна.

Пусть испытает душевный восторг, экстаз от слияния, блаженство и трепет. Может, поймёт, кто для него я и кто эта скороспелая выскочка Инка. Хотя, про восторг весьма сомнительно. Он уже не в том возрасте, когда от хорошего секса теряют голову.

Всё равно нужно постараться.

В створе открытых дверей стоял импозантный, довольно дорого и стильно одетый мужчина с распростёртыми объятиями. На его лице светилась то ли блаженная, то ли похотливая улыбка. Жанна последнее время перестала различать оттенки страсти, наверно слишком много думала про Андрея.

Тяжёлый букет из множества тёмно-бордовых роз не помешал бывшему мужу тесно прижаться, обнять одной рукой и нежно прикоснуться губами.

Три лёгких поцелуя в щёку обожгли кожу. Жанна задрожала, прикрыла глаза.

Андрей слегка отстранился, показал выражением лица и жестом желание избавиться от букета.

Жанна засуетилась, её трясло.

Мужчина небрежно бросил цветы на тумбочку, избавился от пальто. Просто расстегнул его и скинул на пол.

Терпкий аромат Андрея, родной и в то же время совсем незнакомый, вызвал мгновенное возбуждение, настолько сильное, что Жанна готова была отдаться ему немедленно, прямо здесь, в прихожей на тумбочке.

Андрей зарылся лицом в её волосы, провёл губами по шее, уверенно отыскал самую чувствительную эрогенную точку и целовал, целовал, именно так, как она мечтала. Было невыносимо приятно, немного щёкотно. Совсем как прежде!

Жанна поплыла, растворилась в нахлынувших эмоциях, позволила Андрею самому выбирать, что и как произойдёт дальше.

Любимый шумно, с наслаждением вдыхал аромат её тела, нетерпеливо, совершенно бесстыдным образом ласкал спину, плечи, живот, бёдра, отчего Жанне стало невыносимо жарко.

Прошло лишь несколько мгновений долгожданного свидания, а женщина чувствовала, что вот-вот наступит разрядка. Хотелось остановить волшебство момента, растянуть его

навсегда, желательно до конца жизни.

Насладившись запахом и вкусом нежной кожи на шее, Андрей продолжил облизывать лицо, уши. Жанна сжалась, зажмурилась, едва не потеряла сознание. Андрей подхватил безвольное тело на руки, впился сладким поцелуем в губы и понёс. Легко, как пушинку. Женщина обхватила его за шею. Любовник был неотразимо красив, во всяком случае, для неё.

Мужчина знал, куда и зачем увлекает Жанну. Он тоже завёлся не на шутку, тоже ничего не соображал. Единственным желанием любовников было немедленное слияние.

Женщина ждала немедленного продолжения. Парочке не нужна была прелюдия, изощрённые ласки, чтобы довести себя до иступления и оргазма. Они уже впали в сладостный транс.

Ещё бы, ведь они прожили вместе почти двадцать лет, вынашивали и упорно реализовали общие планы, которым, увы, не суждено было сбыться.

А причина... основание для того, чтобы расстаться, была немыслимо банальна: Жанна не способна была родить после нескольких аборт.

Когда Жанне было двадцать, а Андрею на год больше, она забеременела первый раз. Это было так естественно, так прекрасно, ведь они были отчаянно, неудержимо влюблены.

Она не понимала, хочет ребёнка или нет. Материнский инстинкт не успел возрасти в её юном организме. Девочка была беспредельно счастлива, безоговорочно доверяла любимому, готова была на всё, чтобы быть всегда вместе.

Андрей был несказанно рад... внешне.

Вряд ли он не притворялся. Спонтанная реакция юноши на отцовство, восторженное движение души, влюблённость, романтические переживания, радость единения вызвали бурю эмоций.

Андрей кружил любимую по комнате, шептал нежности. Потом было шампанское, целые сутки страстного слияния.

Протрезвев от первого возбуждения, юноша задумался: попытался разложить все “за и против” по полочкам. Андрей сумел тогда обстоятельно доказать любимой, что иметь детей слишком рано, что сначала нужно пожить для себя, воплотить в жизнь мечты, осуществить задуманное, попробовать всё, что можно и что нельзя.

Поначалу Жанна сопротивлялась, пыталась разобраться в своих желаниях, приводила аргументы.

Андрей был настойчив и упрям.

Жанну он любил беззаветно, был верен ей и не мог представить раздельной жизни. Если бы она настояла, если бы проявила настойчивость и волю, всё могло получиться иначе.

Могло, но стало.

Девчонка не обладала даром предвидения, способностью убеждать, не могла просчитать последствия безответственных действий. Зато была искренняя, наивная и до чёртиков влюблена в Андрея, первого и единственного мужчину в своей жизни.

Она видела события в ярких позитивных красках.

Кому, если не Андрею, можно довериться, когда весь мир сосредоточен в объятиях этого обожаемого человека?

Пусть весь Мир подождёт! Счастье, его так много, хватит на всех! Какая разница, когда она станет мамой: немедленно

или через десять лет? Когда бы это радостное событие ни произошло, оно непременно случится.

– А ребёнок, Жанка, зачем он нам именно сейчас, когда у меня есть ты, а у тебя я? Жизнь щедра и бесконечна. Давай наслаждаться тем, что имеем!!!

– Но... разве дети мешают испытывать радость. Наши дети, Андрей. А!

– Разве возможно расти как личность и радоваться жизни в полной мере, когда ты намертво прикован к пелёнкам, к детской кроватке, кричащему младенцу. Где взять столько энергии? Существует принцип приоритета. Необходимо уметь выбирать самое важное. Всё прочее может подождать. Если расплыть силы и возможности, отвлекаться на второстепенные цели, невозможно чего-то существенного достичь.

– Но ведь мы обсуждаем судьбу нашего будущего, которое живёт во мне. Уже живёт. Разве тебе не страшно избавиться от собственного сына, или дочки? Может даже двух сразу. Если вдуматься, мы решаем, убить или помиловать нашего ребёнка.

– Ты бредишь Жанна. Какой ребёнок, какой человек. Это

всего лишь горстка клеток, эмбрион, зародыш. Можно сказать, что его нет вовсе, потому, что даже он сам не догадывается о своём существовании. Забудь! Его не было, и нет. Завтра проснёшься и не вспомнишь.

– Заметь Андрей, ты сказал он. Тем самым признаёшь, что внутри меня живое. Не имеет значения, как ты назовёшь зачатый плод: это крохотная живая частичка меня. И эту жизнь мы хотим уничтожить, обнулить возможность беззащитной жизни стать человеком.

Разве не так, любимый? Я в панике. Согласна, мы слишком молоды, пока не научились нести ответственность даже за себя. Мои папа и мама тоже были молодые, когда у них появилась, ведь они тоже могли испугаться, передумать, появилась микроскопическая я.

Тогда жизнь была намного труднее, а возможностей преуспеть меньше. Они тоже решали и выбирали. Вот она я, можешь потрогать. Андрей ты же любишь меня, разве можешь не полюбить общее дитя?

Ты отец, можешь гордиться. У тебя всё получилось, ты мужчина на все сто процентов. А я женщина. Тебе и мне дана привилегия, создавать новую жизнь. Магия, волшебство. Как это происходит, любимый?

Мы говорим о нашем ребёнке, который может никогда не родиться, если мы решим, что карьера, комфорт, удовольствия и свобода важнее.

– Представляешь, какое блестящее будущее ожидало твоих родителей, если бы они не совершили глупость, когда сами ещё были никем?

– Андрей, ты меня пугаешь. А я, неужели непонятно, что меня не было бы. Никогда.

– Ну и что? Родился бы кто-то другой, у кого детство могло стать сплошным праздником. У него было бы всё. Представляешь, всё? Чтобы получить образование тебе приходится тяжело трудиться, иногда по ночам. Мы с тобой молодые, способные, жизнерадостные. Зачем нам дети?

Скажи, Жанна, ты реально любишь детей, их капризы, крики, согласна не спать ночами, рисковать здоровьем? Роды, между прочим, опасны для женщины. Они портят эстетику тела, искажают формы, растягивают кожу, ослабляют мышцы, убивают нервную систему.

Скажу больше, после родов вагина становится растянутой и менее чувствительной. Ты забудешь про оргазм. Для муж-

чины это очень неприятные трансформации. И вообще, рожать, между прочим, больно.

– Хочешь сказать, что аборт – сплошное удовольствие?

– Во всяком случае, организм не успеет перестроиться под ребёнка, навредить тебе. Мы поженимся, заработаем денег, посмотрим Мир, съездим за границу. У меня от перспектив дух захватывает. Во всяком случае, до сорока точно нужно подождать. Дальше, как срастётся.

В крайнем случае, возьмём чужого ребёнка на воспитание. Или... учёные не дремлют, мало ли чего к тому времени придумают. Всего и дел-то, аборт сделать. Нам наука, впредь предохраняться нужно. Ну, не дураки же мы, право слово... Ну, Жан! Я тебе шубу куплю. Честно-честно. У меня есть деньги. Нисколько не вру.

– Я подумаю. Честно говоря, мне не по себе. Плакать хочется.

– Не о чем горевать. Во мне сомневаешься? Давай распишемся завтра. Я тебя так люблю, не представляешь!

– Да, конечно. В смысле, я тоже тебя люблю. Я согласна. Проводи меня домой. Что-то голова разболелась. Нужно по-

быть одной.

Люди в современном Мире стремительно теряют желание и навыки иметь детей. Они склонны подолгу и часто заниматься чистой любовью, не обременяя себя заботами. Секс в его бескрайнем разнообразии, свобода во всём, наслаждение и конечно деньги...

Как без них?

Жить в своё удовольствие, жадно, без меры прожигать жизнь, оставаясь при этом независимым, вот чего хотел Андрей.

Скажете, эгоизм? Конечно он, что же ещё. А кто сказал, что любить себя плохо? Человек рождается в одиночестве и неотвратно уходит в небытие, тоже один. Разве смысл состоит жизни лишь в продолжении рода?

Вскоре после аборта сыграли свадьбу, скромную, но в ресторане.

Андрей не обманул, купил невесте шикарную норковую шубку.

Родители жениха подарили молодым двухкомнатную

квартиру. Немного погодя появилась машина, затем дача.

Жизнь как жизнь. Ничего особенного: не лучше, но и не хуже, чем у других.

Забот и хлопот было предостаточно. Много, о чём мечтали, так и не сложилось. В Европу съездили. Один раз. Несколько раз отдыхали в Болгарии, Польше, Венгрии по путёвкам молодёжного бюро туризма "Спутник".

О праздничных вечеринках и встречах с друзьями надолго пришлось забыть: на первом месте в списке приоритетов стояли работа и карьера, забирающие время и силы без остатка.

Их считали успешной и счастливой семейной парой.

Жизнь постепенно превратилась в рутину, растворила в однообразных буднях вдохновение и чувства, которые незаметно превращались в раздражение и усталость. Андрей привык к размеренной жизни, но она перестала радовать. Чего-то очень важного не хватало.

Одно он знал точно, что не хочет детей. Беременные женщины и мамочки с детьми раздражали его безмерно. Андрей презрительно называл их свиноматками.

Жанна много раз пыталась настоять на материнстве. Муж был непреклонен.

– Считаешь, что без спиногрызов мы несчастны? Жанночка, радость моя, зачем тебе такая обуза? Радуйся жизни, у тебя есть всё.

– Мне одиноко.

– Не выдумывай. Сходи в театр, заведи любовника.

– Ты серьёзно?

Мужчина ценит женщину как сокровище лишь до тех пор, пока не совсем уверен в том, что она принадлежит исключительно ему, пока она сохраняет ореол загадок и тайн.

Когда все карты раскрыты, право собственности подтверждено, запретные плоды надкушены, а чувства испытаны, стоимость драгоценности становится призрачной: за неё теперь не нужно платить.

Но всегда найдётся поблизости некто или нечто уникальное, чем захочется обладать.

Это уже зрелый, сформированный опытом эгоизм сытой личности.

В близких отношениях необходим баланс интересов, наработанная система сдержек и противовесов. Уступать и договариваться жизненно необходимо, но отнюдь не потакать желаниям и прихотям партнёра.

Получая больше, чем отдаёт, он требует увеличивать дозу, считая удовлетворение е прихотей исконным правом. Рано или поздно его перестает устраивать даже полная самоотдача супруга.

Неудовлетворённость, привычка брать без меры, толкает на поиск нового счастья. Ведь общение и близость не обещают больше никаких открытий. Совместная жизнь превращается в пресную обыденность.

Вместе с тем боль, чувства и желания спутника, предательство и измена ему, больше не причиняют неудобств.

Можно абстрагироваться, отодвинуть потребности и чаяния партнёра в дальний угол, смотреть как бы со стороны: безучастно, равнодушно, отчуждённо.

Чтобы заглушить позывные совести, можно убедить себя в том, что она сама во всё виновата. Нечего было...

– Ничего страшного, она сильная, переживёт. Опыт имеется. В конце концов, не под дулом пистолета Жанна сделала аборт.

Когда прятать больше нечего и лень, когда вывернул перед супругой гнилое нутро наизнанку, а ненасытная натура требует новизны, неожиданно приходит прозрение.

– Ребёнок, наследник! Вот что мне нужно, чего не хватает. Хочется оставить свой след на Земле. Я же мужчина.

Когда Жанна принимала гормональные препараты для предохранения от беременности, у неё были серьёзные осложнения. Она советовалась с Андреем, просила перевязать семенные протоки, раз уж решил навсегда отказаться от рождения детей.

Муж отказался, сослался на то, что не желает быть евнухом. Мол, мужчина должен до гробовой доски оставаться мужчиной.

– Отчего всё вышло так мерзко? Получается, он уже тогда допускал мысль о потомстве. Возможно, переживал по этому

поводу или даже строил планы. Ведь знал, что после пяти абортов я потеряла возможность стать матерью.

Контрацептивы, несмотря на эффективность, тоже не всегда работают, случались сбои. Любимый снова и снова отправлял меня под нож мясника, который кромсал живую плоть не рождённых мной младенцев.

Андрей не считался ни с чем.

Понятно, что моя вина не меньше, значительно больше. Чего не сделаешь ради любви?

А он загорелся вдруг. В глазах появился охотничий азарт, воодушевление, возбуждение, одержимость. Мужчина может стать отцом практически в любом возрасте. Разве возможно остановить поезд, когда он разогнался и мчится на всех парах?

Я видела, как он мучается, понимала, чем это может закончиться для меня.

Тогда материализовалась Инка. У него похоть, деньги и желание получить наследника, у неё молодость и алчность. Меня Андрей вычеркнул из своей жизни сразу.

Вычеркнул? Тогда для чего приходит?

К сорока годам Андрей неожиданно и вдруг изменился, начал интересоваться детьми своих друзей, дарить им подарки, разговаривать с ними, брать на руки.

Жанна глядела на него с изумлением. Она-то уже давно распрощалась с мыслями о детях, погасила в себе материнский инстинкт, приучила себя к мысли о несбыточности желания иметь полноценную семью и вот...

– Андрей, может быть нам взять приёмша?

– Я об этом не думал. Давай, оставим этот разговор.

– Как скажешь. Просто мне показалось...

– Не бери в голову. Это наверно возраст. Становлюсь сентиментальным, только и всего.

– А если...

– Оставь, Жанночка. Нам ведь с тобой и так хорошо. Какие дети, зачем они нам? Тем более приёмные, с неизвестной наследственностью. Я как-то интересовался, с приёмшами бывают такие неприятные сюрпризы. Плюс психологическая

совместимость. Если нет своих детей, никаких не нужно.

– Значит, всё-таки думал? Поговори со мной, не держи в себе. Мы ведь семья, единое целое.

– Да нет. Просто на глаза случайно попался сайт, побродил. Обыкновенное любопытство.

– Так я и говорю...

– Оставь, любимая. Ты же знаешь, как я не люблю, когда лезут в душу. Дети, это не моё.

Жанна уже стала забывать о том коротком разговоре, когда некая доброжелательница, не без ехидства, поведала о том, что видела Андрея в дорогой гостинице, где встречалась с партнёрами, с некрасивой, плохо одетой, но весьма молодой леди.

– Не может быть! Наверняка ты ошиблась. Это не мог быть Андрей. Когда, говоришь, это случилось?

– Неделю назад. Кажется... да, точно, в пятницу.

– Ну вот, так и знала. В этот день он летал в Тольятти по делам бизнеса.

– Дело твоё. Можешь не верить. Но это точно был он, я уверена. Мы поздоровались. Андрей тогда сильно смутился.

Спустя несколько месяцев сведения подтвердились. Андрей сам признался, что несколько раз встречался с девушкой по имени Инна, с которой якобы договорился о суррогатном материнстве.

– Зачем нам ребёнок с неизвестной наследственностью, если я сам способен оплодотворить женщину. Прости, прости, родная! Конечно, тебе неприятно, но этот ребёнок точно будет мой.

Извини, так получилось, Инна уже беременна. Я с ней обо всём договорился. Она родит, выкормит малыша до трёх месяцев и передаст нам. Правда, здорово?

– Но почему нужно было делать из этого секрет? Ты с ней спал. Это обидно, унижительно. Ставишь меня перед фактом, когда дело сделано. Скажи ещё, что у вас чисто деловые отношения, что трахался с ней по необходимости, исключительно в целях производства эмбриона.

Почему бы в таком случае не сделать ЭКО? Ребёнок был бы твой и мой. У тебя будет ребёнок, а у меня никого не

будет. Тебе не кажется, что это предательство, измена?

Андрей, ты решил от меня избавиться?

– Ну что ты, Жанночка! Я переживал, сомневался в результате. Всё получилось как нельзя лучше. Не ревнуй. Инна тебе не конкурентка. Девочка совсем не красавица, хотя миленькая. Зато физически и генетически безупречно здорова. Я проверил. У нас с тобой будут замечательные дети.

– Ты сказал дети?

– Оговорился. Не представляешь как я рад. Сама понимаешь, волнуюсь.

– Ты был в восторге и тогда, когда мы могли иметь общее дитя. Но передумал, испугался трудностей. Отчего так?

– Не будь букой. Порадуйся вместе со мной. Я без пяти минут отец. Это так здорово!

– Всю жизнь ты убеждал меня, что не любишь и не желаешь иметь детей. Я тебе верила. Что изменилось? Я стала другая или ты изменился? Считаешь меня безнадёжной старухой?

– Вовсе нет. Хочу сделать тебя счастливой.

– Да уж, сюрприз однозначно удался, чего нельзя сказать о счастье, в которое отчего-то совсем не верится.

Весь период беременности Андрей пребывал в эйфории: ежедневно ходил к Инне, возил её на обследования, переживал, радовался, накупил тысячу мелочей для новорожденного и для будущей мамы.

Родилась девочка, которую назвали Регина. Мнение Жанны в выборе имени не участвовало. Она старалась не показывать вида, но интуиция подсказывала – надвигается нечто трагическое.

Жанна оказалась права.

В один из дней Андрей, отводя в сторону взгляд, сказал, что у дочки должны быть оба родителя, что он решил жить с Инной.

– Так будет правильно, Жанночка, извини!

Квартиру Андрей оставил Жанне, приобрёл для неё биз-

нес: маленький, но жизнеспособный, раскрученный салон красоты.

Несмотря на то, что развод состоялся и был оформлен, раз или два в неделю Андрей посещал Жанну, иногда даже оставаясь у неё до утра.

Бывший муж признавался ей в вечной любви, пенял на непреодолимые обстоятельства, иногда пускал слёзы...

И неистово любил.

Теперь как любовницу: нежно, страстно, азартно.

Иногда Жанна ловила себя на мысли, что таких бурных соитий она не помнила со времён медового месяца и конфетно-букетного периода.

Женщина страдала и летала от чувственного восторга одновременно, не понимая себя. Кляла и ненавидела Андрея и Инну, мечтала о праведной мести, а когда приходил Андрей, вновь впадала в некий чувственный анабиоз, завидуя сама себе.

Была ли она счастлива? Ну, это вряд ли.

Есть любовь необходимая, которая предназначена жене, матери детей и страсть, которую дарят любовнице и тут же о ней забывают.

После сеанса безудержного секса с Жанной Андрей неизменно спешил домой, к дочери и своей серой мышке, оставляя разгорячённую подружку остывать в одинокой постели и давиться слезами.

За пять минут до Нового года

Зима выдалась на удивление снежная и морозная. В последний день года снегопад особенно разошёлся.

Витька Шаповалов работал в радио такси. Ездить по занесённым полуметровым слоем снега районным дорогам было невыносимо сложно.

Как назло почти все заказы поступали из пригорода или в направлении дальних населённых пунктов, где дороги не чистили даже при хорошей погоде.

То и дело он попадал в неприятные ситуации, выбираться из которых приходилось без посторонней помощи. О заработке можно было не мечтать, а деньги нужны были как никогда: Витька копил на предстоящую свадьбу.

Сегодня, именно в новогоднюю ночь, романтически настроенный юноша хотел преподнести любимой девушке вместе с дорогими подарками предложение руки и сердца.

От мысли о том, как это случится, как отреагирует на известие Ксюха, становилось радостно, настолько, что хотелось обнять любимую немедленно.

Воображение и чувствительный организм незамедлительно отреагировали на фантазию, вызвав прилив нежных чувств и сонм видений.

Витька принимал заказы, крутил баранку, беседовал с пассажирами, но мысленно находился на свидании с любимой в состоянии райского блаженства.

Ему не было дела до снежных заносов, обледеневших дворников, наледи на стекле и прочих профессиональных неприятностях. Счастливый человек не замечает трудностей.

Можно было сделать предложение заранее или отложить на время, но Витька мечтал увидеть счастье во взоре будущей невесты именно в этот знаменательный день, когда яркая атмосфера любимого праздника заражала оптимизмом, когда даже самые стойкие материалисты немножечко верили в сказку.

Юноша ни минуты не сомневался, что невеста воспримет желание создать семью с воодушевлением. О свадьбе они никогда не заговаривали, но мысли о совместной жизни витали в воздухе.

Ни для кого не было секретом, что Ксения чаще живёт в Витькиной квартире, чем у себя, что там у неё есть одежда на любой случай, личные вещи и свои полки в бельевых шкафчиках.

Выходные водителям не дали, но обещали отпустить на три часа, с половины двенадцатого, чтобы встретить Новый год в семье.

Почти всё для замечательного сюрприза было готово, даже праздничные блюда заранее приготовлены заботливой маминой рукой и дожидались желанной минуты.

Следующий заказ поступил из травмпункта. Везти пассажиров следовало в Соколки, маленький населённый пункт в самой отдалённой точке района.

От неприятного предчувствия в груди тревожно кольнуло, но хорошее настроение не позволило беспричинному ощущению отменить радужные переживания. Витька знал, опыт позволит справиться с любой задачей. Невыполнимых миссий для таксиста не существует.

Диспетчер попросил зайти в помещение клиники, помочь пассажиру добраться до машины. Такие просьбы не редкость.

В больнице его ждали, не по погоде одетые пассажиры – мужчина и женщина.

Дама была в домашнем халатике без нижних пуговиц, в разрезе которого бессовестно выглядывали байковые розовые панталоны не первой свежести, и тапочках с помпоном. Мужик с гипсом на всю ногу был в шапке с опущенными ушами, свитере и шортах с босыми ногами.

В голове мелькнула мысль о материальном положении странной парочки, но наличие травмы и беспомощность пострадавших в канун праздника не дали этой мысли оформиться.

Мужика пришлось уложить на заднее сиденье. Сидя он не вмещался. Запах перегара от парочки не мог заглушить даже сильный фруктовый дезодорант.

– Виолетта, – кокетливо представилась дама, – успеем до Нового года?

Витька посмотрел на неё, не совсем понимая, что та имеет в виду. За это время можно туда и обратно пять раз съездить. Наивный, он не имел представления, на что подписался.

Пассажир всю дорогу стонал и охал, дама без стеснения предпринимала попытки соблазнить Витьку.

Перетерпев довольно спокойно притязания Виолетты некоторое время, пока грёзы о предстоящем приятном мероприятии доминировали в сознании, Витька не выдержал, когда дама ловким движением принялась расстёгивать ширинку на его брюках.

Резко нажав на тормоз, он выскочил из машины, рывком открыл пассажирскую дверь и вытащил бесстыжую стерву на снег.

– Ты чего себе позволяешь! Всё, приехали. Убирайтесь вон!

– Не имеешь права, я плачу!

– Чего ты... платишь... ну-ну! А я тебе сейчас сдачу дам, по мусалам, чтобы неповадно было.

– Если мы замёрзнем, тебя посадят. Тоже мне, Отелло, хотела приятно сделать.

– У тебя свой мужик, им и займись. В сугробе мягко, тебе должно понравится.

– Шутник. Не выдумывай, вези. Больше приставать не буду.

– Ладно, садись. Я тебя предупредил. Ещё одна выходка и вышвырну, как кусок дерьма. Дорогу показывай, через километр Соколки.

– Так нам не туда. Не знала, как объяснить диспетчеру. От Соколков километров двадцать, сначала через лес, потом по полям. Там раньше деревня была, Топляки, теперь коттеджи строим. Муж у меня строитель, я у них в бригаде кухарка, только на праздники на неделю все уехали.

– Ты чего, дура, совсем не в себе, как я туда доберусь по целине?

– Меня это не касается. Тебя послали, сам и думай.

– Так! Ну-ка деньги покажи. Не собой ли ты расплатиться надумала? Мне такого добра не то, что даром, если много-много заплатят не надо.

– Какие мы капризные. До сих пор никто не отказывался, ты первый разборчивый такой. Деньги на месте, сначала заказ выполни.

– Перебьёшься. Такая наглость, ни в какие ворота не лезет. Теперь точно не повезу.

– Предлагаешь ему ползком добираться? Он же раздетый и босиком. Совесть замучает.

– Бред! Откуда вы такие взялись?

– С Воронежу приехали, деньги робыть. Вы тут с жиру беситесь, а нам жрать нечего.

– Верю. Водка – продукт дорогой. Никакой зарплаты не хватит.

– Мы же не каждый день. Праздники ведь. Отвези, Христом Богом молю. У нас на родине ребятёнок остался.

Куда деваться? Пришлось заводить мотор.

Баба больше не брыкалась, но настроение уже было испорчено.

Как ни тужился Витька, вернуть приятное ощущение предстоящего сватовства не удавалось.

После Выселков дорога закончилась совсем, даже колеи не было видно. Виолетта то и дело путала направление, приходилось возвращаться и искать. На приличной скорости колёса справлялись с толстым слоем снега. Стоило затормозить, как машина начинала буксовать.

Несколько раз уже толкали и откапывали машину.

Как назло поднялся ветер, колючие льдинки остервенело били в стекло, усилился мороз. Сумеречная размытость ландшафта погрузилась в полную темноту. Стрелки часов неумолимо приближались к началу Нового года, но никаких Соколков не было видно.

Настроение, стремившееся последний час к нолю, опустилось ниже даже этой отметки.

Ехали молча. Витька про себя ругал пассажиров семиэтажными матюгами. Теперь он точно знал, что никакой помолвки сегодня не будет. Неизвестно, как отреагирует Ксюха на то, что оставил её в такой знаменательный день одну.

Дорога окончательно вымотала. Тут ещё пассажир начал орать благим матом, когда машину подбросило на скрытой под слоем снега ухабине.

Всё когда-то кончается, даже самое ужасное. Виолетта вдруг разглядела знакомые приметы. Через десяток минут показался недостроенный дом.

Чтобы развернуться, пришлось минут двадцать орудовать лопатой. Пока чистил разворот, колею, по которой приехал, совсем занесло. Пассажира пришлось тащить до дома на брезенте.

Виолетта долго что-то искала в сумках, но, ни копейки не обнаружила. В качестве компенсации предложила бутылку водки.

Желания и сил скандалить больше не было. Витька вышел из негостеприимного дома, завёл мотор и двинулся обратно.

Проехать удалось метров пятнадцать. Машина намертво зарылась в сугробе.

Следующие полчаса Витька с Виолеттой копали и толкали, раскатали для разгона метров пять пути. Юноша перекрестился и рванул. Надежда успеть к Новому году ещё теплилась.

Как ни странно, дальше всё пошло, как по маслу. Машина мягко шла по целине на приличной скорости. Витька инту-

итивно угадывал ориентиры, чудом не сбился с пути. Дорога до Выселков заняла у него не больше двадцати минут.

До боя курантов оставалось больше часа. Дальше дорогу он знал. Голова болела лишь о том, чтобы хватило бензина до дома или хотя бы до заправки.

Настроение начало выравниваться. В конце концов, если немного опоздает, есть шанс оправдаться.

Дорога была совсем пустынна. Все сидели за накрытыми столами, провожали старый год.

За пять минут до боя курантов запыхавшийся Витька влетел в квартиру. Не раздеваясь, рухнул он перед Ксюхой на колени, протянул колечко на раскрытой ладони...

– Я, ты, короче... Ксюха, я тебя люблю, ты согласна...

Новоявленная невеста от ожидаемого, но всё равно ставшего неожиданным счастья залилась слезами, попыталась обнять жениха, поскользнулась в лужице растаявшего снега и завалилась вместе с ним на пол.

Неловкое падение закончилось травмой. Подбородком Ксюха с размаха угодила Витьке в глаз, отчего тот полностью

заплыл через пару минут. Челюсть девушки хрустнула, от переднего зуба больно отломилась половинка.

Несмотря ни на что оба были счастливы.

Жених позвонил диспетчеру, соврал, что подрался с пассажирами и несколько дней теперь не сможет выйти на работу.

До праздничного стола обручённая парочка так и не добралась, не до этого было. Помолвку они отмечали более энергично.

Сладкая, скажу я вам, была неделя: то ли медовая, то ли пряничная. Во всяком случае, в конце января влюблённые точно знали, что их стало трое.

Просто отпусти

В маленьком, очень красивом и уютном городке, где жила Линда Вершинина, всё было необычно. Тенистые улицы с фруктовыми и цветочными названиями, засаженные каштанами, грецким орехом и яблонями расходились concentрическими кругами от площади, где был поселковый совет, дом культуры и универмаг.

Центр города был полностью одноэтажный, с одинаковыми палисадниками и низкими весёленькими заборчиками из раскрашенного во все цвета радуги штакетника.

Несмотря на наличие центрального водопровода, здесь было много деревянных колодцев с журавлями и скамейками, с любовью оформленных резными деталями. Нет смысла говорить о том, что цвело и радовало глаз буквально всё.

Приезжие с удовольствием бродили по улочкам, мечтая пожить здесь хотя бы недельку. Но, то туристы и гости, Линда здесь родилась и выросла.

Когда-то, даже вспомнить сложно когда, она с девчонками и мальчишками рисовала на асфальте классики, играла в резиночку, вышибалу, пряталась во дворах, купалась вместе

с мальчишками голышом в речной заводи.

Теперь Линда взрослая. Настолько, что недавно пришлось тайком избавляться от неожиданного плода девичьей страсти.

Она этого не хотела. Родители настояли.

Было обидно и больно, когда самый дорогой человек, Игорь Калина, в которого была влюблена до головокружений, истерик и обмороков, которому безоглядно доверяла, струсил, узнав, какой сюрприз созрел у неё внутри от ночных свиданий на совхозном сеновале.

Девочка, воспитанная в родительской любви и неге, была очаровательно мила, стройна, умна, развита духовно и физически, но любопытна, романтична, наивна и чересчур доверчива.

Мальчишки влюблялись в Линду на раз, водили в кино и на танцы, ухаживали, даже целовали несколько раз. Но раскрылась девочка только перед Игорем.

Лишь он сумел разбудить в ней дремавшую женственность, помог преодолеть неуверенность и страх, поселил в ликующей душе восторг единения, радугой чарующих чувств,

подарил разноцветье сладостных переживаний и волшебных эмоций.

Игорь стал для Линды всем: печалью и радостью, мечтой, судьбой, эликсиром жизни.

С ним Линда чувствовала себя, как бы это сказать... нет, не принцессой, скорее единственной, самой счастливой на небосклоне судьбы, самой яркой звездой, которую Игорь нежно и трепетно держит в сильных ладонях и целует, целует, целует.

Линда растворилась в мистическом очаровании юного обаяния юноши, родного и близкого, превратившись в малюсенькую частичку его души, поселившуюся в пылающем сердце, которое щедро делилось теплотой и радостью.

А потом он просто замолчал, потемнев лицом, и трусливо спрятался в своём дворе за спинами влиятельных родителей. Папа Линды тоже был человеком авторитетным, но за дочку не вступился, даже не объяснил ей, почему.

Родители долго шептались на закрытой кухне, периодически срывались на крик, но невинному малышу, требовательно заявляющему о себе в чреве девушки, вынесли однозначный, злой и жестокий приговор.

Сердце Линды остановилось, окаменело, стало холодным, потом с хрустальным звоном разлетелось на мелкие кусочки. Острые осколки больно впились в тело души и терзали.

Долго, очень долго, несколько мучительных лет прожила девочка в дурмане меланхолии, уныния и скорби.

Ночная бессонница приносила страдания. Она не могла забыть минуты счастья, казавшиеся теперь вечностью.

Линде снилось, как Игорь просит прощение, как дарит охапки ярких цветов. Девочка представляла миллионы свиданий, проживала в грёзах ненастоящую волшебную жизнь, нянчила малюсенькую дочку.

Потом просыпалась и горько плакала.

Поначалу Линда ждала, что Игорь одумается, поймёт, что так, как она никто не сможет его полюбить. Девочка всё ещё верила возлюбленному. Она жила и бредила ожиданием чуда.

Время томительно тянулось, мираж рассеялся, но боль не унималась. Теперь Линде было страшно, что кошмар затянулся и может никогда не закончиться.

Леденящие душу видения, сопровождающие их панические страхи, перемежались депрессиями, затяжными приступами чёрной меланхолии и сентиментальной грусти.

Слёзы лились рекой безо всякой причины, лишь оттого, что ассоциации с чем-то из прежней жизни напомнили о нём.

Линда разговаривала сама с собой, всерьёз обдумывала способы уйти из жизни, вполне могла бы воплотить один из таких проектов, но то, как некрасиво она будет выглядеть мёртвой, вызывало отторжение.

Ей стало интересно записывать переживания и видения. Эта творческая деятельность поглотила со временем, превратилась в единственную причину жить дальше.

Родители показывали Линду психиатру, невропатологу, но те не находили патологий.

– Это не болезнь, – говорили они, – всё указывает на утрату желаний, на летаргический сон души. Её можно разбудить, но сделать это может только тот или то, что ввело девочку в эмоциональный ступор.

Теперь родители шептались и кричали на кухне каждый

вечер. Папа пытался поговорить с Игорем, просил его хотя бы сделать вид, что всё ещё любит Линду.

Повзрослевший юноша наговорил папе грубостей и сказал, что Линда сумасшедшая, что она попросту б***дь, за что разгневанный родитель сломал ему переносицу.

Несколько месяцев между папами Линды и Игоря с переменным успехом длился поединок возможностей высокого социального статуса. Победителей не оказалось, а нос Игоря зажил.

Для того, чтобы у сыночка не было в дальнейшем соблазнов, его решили женить на дочке директора овощной базы, которая наставила ему рога с лучшим другом жениха, Антоном Аверченко, сыном начальника милиции, прямо на свадьбе.

Мальчики серьёзно повздорили, творчески разукрасили друг другу лица, потом долго с чувством мирились, выпив ради сохранения мужского братства по бутылке коньяка.

Для закрепления дружбы, поднятия настроения и просто потому, что подвернулась под руку, грубо отымели по очереди в подсобке хорошенькую свидетельницу невесты, Анечку Феклистову, которая неожиданно для друзей оказалась дев-

ственницей.

Останавливаться было поздно, вернуть невинность на место нельзя, поэтому решили идти до конца. Чтобы дама окончательно поняла, с кем имеет дело, запугали девчонку до полусмерти и заставили воплощать в жизнь извращённые фантазии.

Чтобы не орала и не брыкалась, связали руки. Когда насытились и устали, закрыли в холодильной камере, обещая отпустить, когда разойдутся гости.

Позже окончательно окосевший Игорь воспылал любовью к жене, потребовал от неё немедленного выполнения супружеского долга.

Возражение жены взбесило его. Раздосадованный её поведением супруг на глазах у гостей с треском оборвал подол подвенечного платья до самого лифа, рывком сдёрнул ажурные трусики, завалил на праздничный стол, даже успел пристроиться.

Молодуха верещала, отчаянно отбивалась ногами, за что чувствительно получила в глаз, моментально налившийся синевой.

На выручку ей ринулся папочка, затем в драку вязались родственники жениха и начальник милиции.

Трещали чубы, переворачивались столы, жалобно звенела разбитая посуда и окна, закусками декорировали костюмы и причёски.

В пылу молодецкого гулянья оппоненты отчаянно рвали друг на друге одежду, ломали пальцы, выворачивали руки и ноги, разбивали лица и головы. Кому-то воткнули в мягкие ткани приличного размера осколки бутылок и тарелок.

Вызванный кем-то наряд милиции лихо расправился со всеми участниками баталии, запихивали их в автобус и везли в отделение милиции.

Родители жениха и невесты вместе с начальником милиции по завершении баталии были похожи на бойцов без правил после проигранного боя.

Вскоре все заинтересованные лица сидели в отдельном накуренном кабинете ночного бара, разрабатывали стратегию умиротворения.

В намеченном заранее сценарии медового месяца для молодожёнов ничего не изменилось, кроме того, что кризис по

средиземноморью перенесли на месяц, до полного заживления слишком заметных следов разудалого хмельного гулянья, для чего новоявленным супругам сняли элитный номер в престижном загородном пансионате.

Наутро близкие родственники и друзья продолжили ярмарку тщеславия в честь новобрачных в другом ресторане. Молодые, как ни в чём не бывало, целовались, старательно изображая любящую пару.

Последствия праздника ловко разрулили, практически без последствий, на радость всем: помещение кафе отремонтировали, купили новую мебель и посуду взамен испорченной, арестованных выпустили, гостям компенсировали стоимость нарядов, от кого нужно откупились.

Изнасилованной, едва не замёрзшей в холодильнике на смерть свидетельнице подарили небольшой меблированный домик с участком почти в центре города по согласию сторон. Возражать она не решилась.

Новости в маленьких городах распространяются стремительно, утаить и скрыть происшествия невозможно. Линда днём уже знала подробности в деталях.

Предшествующую свадьбе любимого ночь девушка не

могла уснуть, до утра просидела на подоконнике и горько плакала, окончательно прощаясь с мечтой.

Едва забрезжил рассвет, она упала на колени перед образами и иступлённо молилась, хотя в Бога не верила и в церковь не ходила.

Неожиданно ей захотелось излить растревоженные чувства на бумагу. Поначалу она представила, что пишет последнее послание, чтобы Игорь прочитал его и понял...

“ Знаешь, любимый... не поверишь, но я всё ещё не могу тебя забыть. Не могу передать, как жила и что чувствовала, когда ты меня предал. Дни и ночи без тебя вместили столько страданий и горя, сколько невозможно вместить в одну человеческую жизнь

Я не сержусь, ты не виноват. Причина, скорее всего во мне.

Всю ночь, предшествующую твоей свадьбе с Юлей Котовой, я просидела на подоконнике и ревела. Я смотрела в звёздное небо и ничегошеньки не видела, кроме размытых слезами сверкающих искорок. Искала ответы на вопросы, как и почему, но не нашла.

Самые глубокие, саднящие раны, изуродовавшие мою чувствительную душу, почти зажили, но остались фантомные боли, усиливающиеся, стоит только памяти соприкоснуться с чем-то, напоминающим о тебе и о не рождённом ребёночке.

Меня до тошноты и истерики выворачивает наизнанку, когда слышу похожие на твой голоса. Меня возбуждают обрывки милых сердцу фраз, которыми ты так красиво выражал чувства, люди, которые принимали участие, были рядом, когда рождалась наша любовь.

Запахи и звуки, напоминающие события тех дней, предметы, которые окружали нас, места, где мы были счастливы или просто были, всё это напоминает о тебе.

А ты, ты чего-нибудь помнишь, чувствуешь?

Наверно ты не можешь себе представить, сколько всего вокруг связано с тобой. Закаты и рассветы, тени, лунный свет, искры в капельках дождя на оконном стекле, снежинки, названия улиц, цветы.

Я не забыла ту звёздную ночь, когда, обнявшись, сидели на берегу реки, молчали до самого утра, понимая друг друга без слов. Мы смотрели на лунную дорожку, проложившую

путь по глади реки до противоположного берега и знали точно всё о нашем светлом будущем.

Я слышала, как ты сдерживал дыхание, как размерено, но гулко трепещет сердце, вдыхала запах волос, чувствовала родное тепло. Нам было восхитительно хорошо. Ты был моей судьбой, целым миром.

Та ночь пахла цветущей черёмухой и любовью.

Помнишь, ты подарил мне букет ландышей? Я до сих пор падаю в обморок от запаха этих цветов. В тот день мы целовались впервые в жизни. Сладость того поцелуя я буду помнить вечно.

Стоит только представить земляничную поляну в знойный полдень, запах прелой земли, цветущего разнотравья, сок ягод на губах, как у меня замирает всё внутри. В тот день мы разделись до пояса. Как ты меня ласкал!

Ещё запал в душу пряный запах свежего сена. Был тёплый солнечный день. День, когда я прощалась с детством. Ты был ласков, нетерпелив и очень нежен. Я сама позволила тебе быть мужчиной, моим мужчиной.

Мне было немножко больно и очень страшно, но жела-

ние доставить любимому безграничную радость не позволило девичьим сомнениям испортить наслаждение, которое ты испытал. Не думай, я тоже была счастлива.

Тогда я уже не могла думать и чувствовать отдельно от тебя. Мне казалось, что мы единое целое, что всегда будем вместе.

Столько счастливых минут и часов, сколько ты подарил мне, многим может не достаться, даже если им суждено прожить не одну, а несколько жизней.

Помню, как я обрадовалась, поняв, что внутри меня появилась новая жизнь. Мне в голову не могла прийти мысль, что желанная беременность может стать поводом для расставания, для предательства и подлости.

Как же мне было больно!

Представь, что тебя публично унижают на глазах у злорадных зрителей, безжалостно и грубо втыкают под ногти раскалённые иглы, при этом не позволяют дышать, походя отнимают любовь, запрещая надеяться на пощаду, при этом заставляют смотреть на казнь родного дитя.

Сомневаюсь, что подобное можно прочувствовать, не ис-

пытав в реальности.

Ты обрёк меня на адовы муки, но не смутился, не ужаснулся: отвернулся и забыл.

Наверно я должна тебя ненавидеть, обязана вырвать с корнем из глубин памяти любые напоминания о тех днях, проститься с прошлым, чтобы снова начать жить.

Должна, да, обязана, но не могу, не умею, и нет рядом со мной никого, кто может этому научить. Душа и сердце по-прежнему обливаются кровью, омываются слезами, заставляя вновь и вновь возвращаться мысленно в счастливое прошлое, которое давно не принадлежит ни мне, ни тебе.

Я устала вздрагивать от новостей, боюсь услышать что-то о тебе, не важно, плохое или хорошее. Как дальтоник не различает оттенки цветов, так и моя душа не видит разницы, когда слышу твоё имя.

Я вновь и вновь хожу по замкнутому кругу, не в силах поверить, что тебя больше нет в моей жизни, что ты сегодняшний, это совсем не тот человек, который любил меня, которого я любила.

Последний раз обращаюсь к тебе, ни на что не надеясь. У

меня нет желания вернуть любовь. Просто опусти. Признайся, что никогда не любил“

Линду вновь сотряс приступ рыдающих спазмов, сердце сжалось в комок. Она заснула прямо на коленях, утомлённая до предела потоком молитв, мыслей и чувств. В эту ночь девушку не тревожили видения.

Утром весь город гудел, обсуждая странную свадьбу.

Линда слышала подробности от родителей. Возможно, они пересказывали события вечера и ночи слишком эмоционально. Передавая сплетни, каждый рассказчик что-либо творчески изменяет, добавляет выдуманные для остроты сюжета подробности.

Не важно, почему, но лицо девочки внезапно просветлело.

– Мама, ты действительно веришь, что так и было?

– Возможно чуточку иначе, но основные события рассказывают одинаково. Такое невозможно выдумать. Понять не могу, зачем им нужно жениться. Ведь ясно, как божий день, что любовью там не пахнет. Похоже, так родители устраивают свои делишки.

– Говоришь, невеста прямо на свадьбе изменила Игорю, а ему хоть бы хны?

– Не я, люди говорят. Ты же знаешь Юльку, у неё ещё в школе коллекция женихов была. Про неё много чего рассказывали. Теперь ещё это... Игорь твой ещё тогда под каждую юбку заглядывал. Тебе говорили об этом, слышать не хотела.

– Мама, не выдумывай. Игорь был верный.

– Ага! Принц на белом коне. А ничего, что они с Антохой Аверченко Анечку Феклистову изнасиловали, да как. Девка ни сесть, ни встать не может. Вот тебе и верный. Не был он никогда человеком. Подонок он. Знала бы ты, что он батьке нашему про тебя сказал. Б***дь, мол, давалка. Сама на меня запрыгнула. А ты говоришь!

– Вы с папкой и соврать про него можете.

– Хорошо, допустим. А что жену молодую этот кобель опозорил, нагишом перед людьми выставил, чуть не снасилчал на глазах у всех, да ещё и побил за это. Тоже вру? А потом целовал опозоренную супругу в губы, словно так и нужно, это как? Чёрного кобеля не отмоешь добела. Без разницы ему, доченька, куда елду свою пристроить. Удивля-

юсь, как ты до сих пор раскусить не можешь сущность его поганую.

– Мама! Мало ли чего люди наговорят. Завидуют, вот и выдумывают всякое.

– Мама-мама! Сорок с лишком лет уже мама. Не любил этот деспот, трус и бабник никого и никогда. Потому, не умеет. Дурой будешь, если продолжишь по нему сохнуть. Плюнь и разотри.

– Тебе легко говорить.

– Сложно, дочка, очень сложно. Я всё понимаю. Любовь зла, полюбишь и козла. Прости, что заставила сделать аборт. Наверно не о тебе, о себе думала. Простишь? А о нём забудь. Не твоя судьба. Игорю девки не для любви и семейного счастья нужны, для забавы, чтобы семя лишнее сбросить да похоть ублажить. У всех бабников особое зрение, то, что на виду, они в упор не видят, зато за пазухой и под юбкой всё могут разглядеть, потому, у них у самих мозг в штанах.

– Не знаю, мама. Простить не сложно, а дитя не вернуть. Я теперь ничего не знаю. Вчера письмо ему написала слёзное, хотела на свадьбу идти, там отдать и в глаза глянуть. Сочиняла, душу изливала, думала, успокоюсь. Нет, мамоч-

ка, только растревожила сердце пуще прежнего, чуть с ума не сошла от избытка чувств. Хочешь, прочту?

– Не нужно, пусть та боль будет твоей тайной. Спрячь и забудь навеки. А лучше сожги записочку вместе с памятью и пепел по ветру развей. Выжги его, супостата, из души калёным железом, разлюби, Христом Богом молю. Ты же у нас умница, красавица, всем на загляденье, а женишку радость. На что угодно готова спорить, как только успокоишься, из головы выкинешь, сразу и полюбишь. Будет у тебя и свадьба шикарная, и фата, и платье кипенной белизны, да без этого всего... без штучек разных, без пошлостей.

– Наверно ты права, но сердцу не прикажешь. Не могу я любить и ненавидеть по чьему-то велению. Повод задуматься и правда есть, ты права. Лучше оставь. Не трогай до поры.

– Да когда же та пора придёт? Я к тому времени состариться успею.

– Не успеешь. Я поняла, что Игорь никогда меня не любил. Честно, поняла. Использовал. Правда, красиво, изобретательно, как хороший рыбак. Наживка, крючок, снасть и всё такое. А я клюнула. Теперь понимаю – не могла не клевать. Так несправедливо жизнь устроена. Впредь осторожнее буду. Как же я была счастлива, словами не передать. Не его я

любила и люблю, мама, любовь свою трепетную, которая никогда не предавала. Оставь меня одну, поплачу.

– Да сколько можно-то! Весь дом в соплях. На танцы лучше сходи. Приоденься и ножками. Неужто психануть не можёшь! А хочешь, так и я с тобой пойду. А что, мне тоже любви и ласки хочется. Да не зыркай так. В сорок пять бабы ягодки, а я пока цветочек. Меня ещё любить да любить. Ну, соглашайся!

– Мама!

– Будешь мамкать, заставлю письмо вслух читать. Вместех тогда и поплачем. А может это, дочунь, водочки, пока бати нет? Жахнем и пойдём твою Игорёху уму-разуму учить. У меня на такой случай сковорода с длинной ручкой под печкой имеется. Давно её в дело не пускала.

– А давай, мама. Умерла, так умерла. Поминки по безвременно усопшей любви. Чтобы не оглядываться. Убедила ты меня, родительница. Кобель он. Между прочим, Игорь и целоваться-то по-человечески не умел.

Любовь – игра, в которой всё серьёзно Часть 1

Ни остаться с тобой, ни заснуть без тебя. Никак.

Мысли серой гурьбой у полога кровати толются.

В потолок не глядеть. Темнота в голове. Пустяк.

И опять надо мысленно, тихо с тобой прощаться.

Тутсиния Сотникова

На просторах нашей необъятной страны есть суровые климатические регионы, где три сезона года: весна, лето и осень укладываются в один, иногда в два месяца. Там шутят, если их кто-либо спрашивает, какое было лето, что их в этот день там не было.

Нечто подобное происходит зачастую с любовью: ждёшь её, ждешь... потом, бац, вторая смена.

А была ли та самая любовь на самом деле или пригрезилось?

Зато какую обильную пищу для воображения порождают мимолётные лукавые романы у любящей стороны, сколько пылких эмоций, необузданной страсти, странного свойства восторгов, иллюзий и переживаний оставляет им.

Наивные пылкие романтики, прожив в состоянии любовного обморока неделю или месяц, впоследствии пишут романы с продолжением десятками томов.

Потом Ромео и Джульетты, оставшиеся в живых, многократно переживают мельчайшие подробности нескольких счастливых минут, годами доводят себя до оргазмов и обмороков.

Они старательно превращают нюансы и оттенки якобы происходившего с такой тщательностью и детализацией, словно сгорая в огне эмоций и чувств, ни на секунду не выпускали из рук блокнота, где регистрировали каждую неуловимую интонацию ощущений и переживаний.

Каждый штрих скоротечного романа вырастает в остро-сюжетное повествование, способное выдавить слезу у любого, кто имеет представление о настоящей любви. Чего уж говорить о том, кто живёт подобными обманчивыми переживаниями. Они буквально сходят с ума от призрачных чувств.

Реальная любовь, увы и ах, чаще всего вырастает из банальной физиологии и ей же заканчивается, приблизительно как Вселенная в результате Большого взрыва. Она появляется из ничего, практически из пустоты, разрастается, обретает немыслимую потенцию, отнюдь не бесконечную, а устав принимается растрчивать накопленный потенциал, охлаждаясь и сворачивая избыточные функции, превращаясь со временем в ничтожно малую величину.

В обозримом пространстве бессмертия не существует.

Настоящие чувства не бурлят и не плещут через край. Их экономят.

Витька Снегирёв из тех мальчишек, которых отношения с девочками застают врасплох. Книжки, фотоаппарат, подвижные игры с мальчишками и бесконечные приключения составляли суть его стремлений и жизненных интересов.

В дворовой команде были и девчонки, например, Катя и Юлия Стрельниковы, две замечательные сестрёнки из пятидесят пятой квартиры, которая находилась двумя этажами выше. С ними Витя рос и играл с шести лет, но воспринимал их пацанами.

Когда случалась плохая погода, они играли в больницу или магазин, иногда в семью. Витька соглашался на правила игры, которые непрерывно выдумывали и меняли девчонки.

Дружба с ними продолжалась до окончания школы в неизменном виде. Витька не воспринимал их девочками, половые отличия его не интересовали.

Но на вступительных экзаменах в институт Снегирёв встретил Олю Рушницкую и правила игры стали стремительно изменяться.

Если быть точным, Оля сама его заметила и сама познакомилась.

О чём девушка думала неизвестно, но заставить Витьку обратить на себя внимание не составило труда.

О таком парне: симпатичном, сильном, наивном, романтическом, мягком и податливом как пластилин, мечтала она ещё дома.

Долгими зимними вечерами в маленьком провинциальном городке, где родилась и выросла Оля, её маленькую головку постоянно занимали мысли о страстной любви, выросшие из волшебных сказок и приключенческих романов, ко-

торых подробно, едва ни поминутно описывали последовательность и подробности страсти.

В маленьком рабочем посёлке бал правили беспробудное пьянство и воровская романтика. Повальная нищета, бытовые склоки, серая безрадостная обыденность, вот и всё, что могла предложить ей жизнь в семье родителей.

Мало того, даже за такую малость приходилось платить сбившимся в хищные стаи головорезам деньгами и невинностью.

Оля представляла свою судьбу иначе, считала, что нужно научиться устраиваться. Она готова была толкаться локтями, если придётся хитрить, приспособливаться и изворачиваться, но непременно вылезти из болота безрадостного существования.

Витьку и его безвольный характер она оценила сразу, заметив, как он неловко смущается по каждому поводу, что совсем не умеет возражать, что готов предложить помощь любому. То, что он не приезжий, было заметно по одежде и поведению.

Наряд у юноши скромный, но одежда новая, с претензией на столичную моду. Вдохновил и обрадовал Олю его от-

крытый взгляд, добродушная эмоциональность и отсутствие сального интереса к девочкам.

Судя по манерам и разговорам, Витька был классический маменькин сынок, но развитый интеллектуально и ответственный. Именно то, что нужно, если только он не хитрец.

Оленьке был хорошо знаком хищный взгляд сексуально озабоченных юношей из рабочего посёлка, начинающих пускать похотливые слюни и раздевать глазами, когда задолго до начала их агрессивных действий начинаешь ощущать кожей, будто грубая пятерня уже залезла в трусы.

Подобные отношения Олю не интересовали. Она была скороспелая, давно созрела, как эмоционально, так и физически, пользовалась повышенным вниманием мальчиков, но считала красоту и невинность единственным своим капиталом, которым следует распорядиться с умом.

Витька женские прелести глазами не мусолил, не пытался разглядывать и оценивать соблазнительные девичьи фигуры на предмет их использования. Его отличали открытый доброжелательный взгляд и смущённая улыбка человека, который стесняется даже того, что могут уличить в разглядывании лица.

Юноша явно пришёл в институт, чтобы получить образование и профессию. Экзамены сдавал легко, значит, будет рыть землю рогами и копытами.

Случайная мысль о рогах показалась Оле забавной. Такой парень в случае чего не поймёт и не заметит, что его банально употребляют. От подобной мысли ей стало немного неловко, но это ощущение быстро прошло.

– На всякий случай нужно застолбить , – подумала она.

–Кто знает каким боком жизнь повернётся. Если ничего интереснее не подвернётся, придётся довольствоваться малым. Мужики ради любви и секса способны на настоящие чудеса. Придётся делать из него человека. Надеюсь, что справлюсь.

Оля не была расчётливой хищницей или искательницей приключений, просто поставила перед собой цель вырваться из капкана обстоятельств. Нормальное в принципе желание. Все хотят жить лучше, почему не она?

Девушка уже знала, что фамилия юноши, Снегирёв. Она невольно примерила её к себе и осталась довольна.

– Ольга Владимировна Снегирёва. Звучит не плохо. Плюс

столичная прописка. Не шоколад, но совсем неплохо. Всё лучше, чем выйти замуж за алкаша, пахать на него всю жизнь, улаживать, получая в качестве бонуса оскорбления и побои.

Последний экзамен решающий дальнейшую судьбу сдан, пришло время знакомиться.

– Сейчас, или...

Не вопрос жизни и смерти, лишь первая шаткая ступенька на лестнице мечты. На всякий случай следует на неё забраться, чтобы потом не пришлось жалеть о том, что упустила возможный шанс изменить судьбу к лучшему.

Мальчишек в институте полно, есть гораздо интереснее Витьки, но женская интуиция выбрала его. Чутью Оля привыкла доверять.

Девушка ловко продемонстрировала Снегирёву томную фирменную улыбку с искоркой интереса, многократно усиленного чёрными глазами в половину лица и тут же изобразила застенчивость, потупив очи долу.

Соблазнительно-томная наивность, наигранная скромность и молчаливое обещание любви моментально достигли

цели. Витька вострепнулся и поплыл, почувствовав жгучий интерес симпатичной однокурсницы.

Ласковый взгляд, заманчиво-чувственная поза, ловкая демонстрация приятных особенностей соблазнительной девичьей фигуры, мягкие, по-кошачьи плавные жесты – всё было адресовано ему.

Разве можно такое волшебство не заметить?

Витька увидел и оценил.

Ещё бы! Оленька так старалась...

– Оля. Моё имя Оля, фамилия Рушницкая. Вас не смущает, если обращусь с просьбой? Кажется мы поступили. Я так счастлива, так рада! А вы? Впрочем, какая глупость спрашивать такое. Хочется запомнить этот день, отметить, а я совсем никого не знаю. Давайте отпразднуем вместе. Как вам такая идея? Деньги у меня есть, если что. За меня платить не придётся. Не бросайте меня, а... пожалуйста.

Девушка сократила расстояние до минимума, едва не коснувшись его упругой грудью, схватила его ладонь двумя руками, просительно заглядывала в глаза, эмоционально пританцовывала, не в силах сдержать возбуждение, как обычно

это делают дети, выпрашивая что-то у мамы.

Виктор смутился. Отказывать потенциальной подружке в такой малости было глупо, тем более девушка ему понравилась. Себе он в этом признаться не мог, но Оля сама его выбрала.

Сердце сигналило учащённым пульсом, кожа пунцовым цветом пылающих щёк, лёгкие сбившимся дыханием, мышцы мелкой дрожью.

– Отказываться нельзя. Что с того, что дома за накрытым столом ждут родители? Будем дружить. В конце концов я уже не школьник, – думал он.

– С удовольствием. Правда, отметить сколько-нибудь серьёзно, не выйдет. Деньги меня не любят. Могу осилить кафе мороженое, но лучше просто погулять. В парке, например.

– В парке так в парке. А музыка там есть?

– Только по выходным.

– Ну и ладно. Наедемся мороженого, наговоримся. Ты дома живёшь или в общежитии?

– С родителями. Только не здесь, в Подмосковье. В общежитии мне отказали, придётся квартиру снимать. Ничего, справлюсь. Я уже работу нашёл. Только одному жильё снимать дорого, нужно будет напарника найти.

– А со мной не хочешь квартиру разделить? Я тоже работу найду, чтобы комнату оплачивать. Ты как? Соглашайся!

– Извини, не могу. Ты же девушка. Так нельзя. Понимаю, если бы невеста была, но у меня любовь и семья в планы не вписываются.

– Я же не предлагаю спать вместе и детей рожать. Можно между кроватями ширму поставить, будет две комнаты. Готовить вместе будем. Кто первый придёт, с того ужин. Ты чего, девчонок боишься? Так я не кусаюсь.

– Еще чего. Просто это неправильно. Представляешь, что о нас могут подумать? К тебе же ни один жених на пушечный выстрел не подойдёт, будут думать, что ты... сама понимаешь.

– Ой, ой, ой! А тебе, не всё ли равно, кто чего думает? Твоя жизнь – твои правила. Уроки вместе учить будем, к зачётам готовиться. Ты мне поможешь, я тебе. Один ум хоро-

шо, а два лучше. Не понравится – разбежимся. Просто эксперимент, без обязательств и целей. От учёбы отвлекать никто не будет. У нас и времени-то свободного не будет: учиться, работать, спать. Главное, обо всем сразу договориться, чтобы не было поводов для ссор и разногласий.

– Хорошо, я подумаю. Только не очень надейся, что соглашусь. С парнями надёжнее. Я ведь учиться хочу, а не жениться.

– Ну и ладно. Мне и в общежитии неплохо. Зато работать не придётся. Назло тебе отличницей стану. А ты со своими парнями в свинарнике будешь жить, злой и голодный. Прибавь сюда пьянки, девочек-подружек в кровати соседа, вечеринки. Хотела как лучше... Испугался, да? Так и скажи. Понимаю, мамочка ругать будет, по попке настучит.

– Не знаю я как лучше. Мама ничего не скажет, она у меня женщина продвинутая. На отношения полов смотрит нормально. Считает, что без любви жизнь становится пресной и бесполезной. Но у меня сейчас другая задача: образование, профессия, карьера. Минимум лет на десять. В плане романтики антракт. По крайней мере, до диплома. Институт закончу – там видно будет.

– Намекаешь, что у меня совсем другая задача, что кадрю

тебя? Какая же у меня цель, по-твоему?

– Ничего плохого про тебя не думаю. Можем просто встречаться, для этого не обязательно вместе жить. В кино будем ходить, на танцы. Иногда.

Через месяц, получив первую зарплату, жильё Витька снял. Не квартиру, как хотел, комнату в коммуналке, зато близко от института. Поселился всё-таки вместе с Олей.

Пока решал и думал, как правильнее будет, из ушей валил перегретый пар, мозги от сомнений и ожиданий закипали.

Подобного свойства авантюра не укладывалась в голове, казалась рискованной и даже преступной, но странного свойства азарт, предвкушение заманчиво увлекательных ощущений и нового опыта разрушали на корню резонные сомнения.

Начать жить самостоятельно, по-взрослому, было интересно. Настораживала пикантность ситуации, её необычность. О подобных предложениях Витька никогда прежде не слышал.

Оля становится соседкой, однокурсницей и другом. Нормальный ход. Но она девушка, скорее всего девочка-недо-

трога, симпатичная, привлекательная, к тому же, определенно нравится.

Подобное обстоятельство может запросто перечеркнуть дружбу, превратить её в нечто иное, заманчиво прекрасное, но рискованное. Не хватает только влюбиться, тронуться умом, превратиться в послушного ослика, следующего за сладкой морковкой.

Для посторонних подобное сожителство равносильно созданию семьи. Ещё мама, она может не понять и не принять такой экстравагантный двусмысленный ход. Не хочется остаться без поддержки родителей ради блажи.

Витька довольно долго не мог преодолеть неуверенность и робость, миллион с хвостиком аргументов и сомнений, но в итоге решился.

Оля приняла новость без смущения, обрадовалась, трогательно чмокнула Витьку в нос, выкрасив помадой, потом с удовольствием оттирала её, всеми доступными средствами показывая, что не в силах сдержать восторг.

Неискушенная в любви и отношениях девушка не видела, не могла почувствовать неоднозначность подобного шага, её увлекало заманчивое состояние беспредельной свобо-

ды и позитивного опыта.

Мысли в её кудрявой головке выпирали во все стороны, как солома у Страшилы Мудрого. Жизнь и судьба перекраивались налету, не считаясь с обстоятельствами. Кажущиеся перспективы и возможности увлекали, захватывали. Оля была уверена, что ухватила за хвост Птицу Счастья.

В комнате сразу смастерили перегородку, разделившую её на три части: две спальни и кухню. Не очень удобно, позже придётся перестраивать, пока так сойдёт.

С воодушевлением наводили порядок, готовили ужин, эмоционально делились впечатлениями.

Оля переделалась в лёгкое, воздушное, свисающее невесомыми складками платье, не скрывающее, скорее демонстрирующее, насколько она хороша.

Девочка то и дело прикасалась к Витьке, изображая из себя взрослую женщину, старательно, но бездумно вызывая у него возбуждение.

Эффект получился не совсем такой, какой девочка ожидала: первой на чувственную удочку попала именно она, испытав не вполне осознанное, но интенсивное желание бли-

зости.

Комнату заполнил концентрированный запах взволнованного страстью молодого женского тела, её чувственный голос и избыточная сексуальная энергия. Игнорировать опознавательные знаки любви, условные сигналы неожиданного возбуждения и визуальные эффекты неожиданной страсти было попросту невозможно.

Соседи по комнате чувствовали себя неловко, старались скрыть эмоции и обоюдную готовность начать игру.

Когда закончили ужинать, мальчишку трясло от неведомого желания, которое было направлено именно на Олю.

Витька не предполагал, что просто подруга способна в один миг перевернуть прежние представления о себе, о девушках, о сути дружбы с ними с ног на голову, превратить жизнь рядом и вместе в мучительное предприятие.

– Зачем, зачем я согласился с ней жить? Какая преступная наивность! Разве можно не возбудиться от всего этого великолепия? Как дальше жить? Оля сведёт меня с ума и что тогда? При ней я совсем не способен думать о занятиях. Какой же я дурак! Как научиться жить, не замечая очевидного стремления наслаждаться и обладать? Что это, если не лю-

бовь? Чёрт возьми, только бы она не заметила моё идиотское состояние.

Себя Витька мог уговаривать сколько угодно, внушая, будто сладкие ощущения и волнующие эмоции – ошибка сознания, самообман, тело об этом не догадывалось. Оно не умело себя обманывать, посылало и посылало в мозг одну за другой волны постыдных желаний и нежных грёз, парализующих сознание.

– Легко сказать, не замечать, не чувствовать, не хотеть. Как, если рядом, стоит только направить взгляд, протянуть руку, вдохнуть наполненный соблазнительно-пикантными запахами воздух, находится неиссякаемый источник щекотливых мыслей и пламенных чувств? Чёрт бы подрал эту с Оленьку с её рюшечками, воланчиками, милыми забавными кудряшками, соблазнительными коленками, манящими губами.

Было странно сознавать, что сам заманил себя в западню, сам залез в сети.

– Стонать и сожалеть об опрометчивом поступке поздно. Нужно как-то приспособливаться. Если бы я мог предположить, как тяжело жить с девчонкой под одной крышей. Говорил же ей, что это неправильно! Интуиция подсказыва-

ла отказаться от подобной авантюры. Не послушал внутренний голос, который знал о последствиях. Интересно, сколько Оленьке лет? Господи, причём тут её возраст, какое это имеет значение? О чём я сейчас подумал? Не может быть, только не я! Что за тягостные, распирающие плоть ощущения не дают мне покоя? Попал, так попал. Экспериментатор хренов!

Олю тоже донимали сомнения и волнения. Нахлынувшие ощущения и навязчивые мысли стали неожиданным, не сказать приятным сюрпризом. Возмутительно-непристойные переживания развеяли уверенность в том, что она хочет продолжать совместное проживание на одной территории с Виктором.

Если бы волнующими, запретными и сладкими были только грёзы, можно было бы не переживать. Видения и иллюзии того, что с ней наяву происходят невероятные события, которых нет, и пока не может быть в реальной жизни, посещали давно. Оля была знакома с возбуждением и страстью в сновидениях и фантазиях.

То, что она чувствовала сейчас, причём постоянно, даже когда Виктора не было рядом, вызывало растерянность и тревогу.

Оля сильно нервничала. У неё набухли и отвердели соски, словно внезапно напала аллергия. К низу живота прилиwała кровь, вызывая непонятное томление и спазмы. Её трясло, непонятно отчего кружилась голова. В мозгу происходило нечто невероятное. Пришлось скрыться за ширмой, чтобы не привлекать внимание к своему пикантному состоянию.

Такого результата девочка не ожидала. Возбуждение было приятным, но несвоевременным сюрпризом.

– Добилась, твою маму, влюбиться заставила. Интересно, кого? Кажется, моё глупое тело перепутало объект внимания. Зачем мне эта странная лихорадка, я её не заказывала. Что со мной! Идиотка, мечтала о любви, как средстве вырваться их капкана нищеты, теперь сосредоточена на единственном желании, чтобы Витька... чтобы поцеловал и... да-да, именно это бесстыдное желание высверливает сознание. Как же я хочу, чтобы он оказался во мне! Бред!!! Навязчивый психоз. Уж не накапал ли мне чего-нибудь Витька в чай?

Оля представляла вновь и вновь, как Витька целует, как нежно и страстно ласкает, как медленно раздевает, как бережно, но властно дотрагивается до восставших сосков, как...

Она чуть не закричала от ощущений, которые наполни-

ли всё существо, вызывая конвульсии и опьяняющее наслаждение. Восторг и чувство планирующего полёта заставили забыть обо всём, кроме желания предельной близости. Она мечтала, чтобы это сладостное состояние продолжалось вечно.

Потом пришло отрезвление, чувство беспомощности, утраты чего-то очень важного, непонятное восприятие себя и своего непослушного тела, смешанное с чувством ответственности, вины и страха.

– Что я про него знаю? Симпатичный, здоровый, во всяком случае, внешне. Не хам (пока не проявился), общительный, самостоятельный, добрый. Это всё. А характер: привычки, мысли, реакции, действия, планы на жизнь, на меня и мою судьбу планы? Что, если я ему нужна только для того, чтобы... или вообще не нужна?

Оле стало не по себе, захотелось плакать, собрать пожитки и тихо, по-английски скрыться в ночи.

– Куда? Из общежития я опрометчиво, самонадеянно, чересчур смело выписалась. Теперь точно не поселят, слишком много иногородних желающих. Что, если вдруг случится то, о чём грезила, если это приведёт к беременности, если придётся родить?

Оле стало нестерпимо жалко наивную себя, девочку, которая заигралась во взрослую женщину.

– Какой ещё ребёночек, зачем он мне нужен? Разве для этого уговаривала я Витьку жить вместе? На кой чёрт мне нужна такая обуза? Хотела как лучше, а получается непонятно что.

Может ни я, ни дети, всё, что сочинило моё больное воображение, нафиг ему не нужны. Витька чётко и ясно дал понять, что девушки и женщины могут не беспокоиться следующие десять лет.

Узнает о моих болезненных фантазиях и исчезнет навсегда, а я буду одна расхлёбывать неприятные последствия глупой выходки, вместо того, чтобы с удовольствием наслаждаться заманчивыми преимуществами обеспеченной столичной жизни. С головой дружить нужно, девочка! О чём я только думала!

Любовь – игра, в которой всё серьёзно Часть 2

Мысли Оленьки стремительно раскручивались в другую сторону, возвращали в опустылевший родительский дом, где жизнь вообще теряла смысл, где любовь и страсть полностью утрачивали ценность, где нет места красивым мечтам о счастливом будущем.

Наивное желание вырваться из нищеты соблазнив и охмурив Витьку, такого же неприкаянного и нищего мальчишку, как сама, теперь не казалось хорошей идеей, тем более, что не смогла предусмотреть даже то, что сама угодит в расставленные силки.

– Похоже, заварила я эту несъедобную кашу по недомыслию. Ладно бы серьёзно влюбилась, жить без него не могла, сохла и страдала, так нет же, ничего подобного не чувствую, кроме непреодолимого желания близости. Накрутила эмоции, вызвала внутри ураган Катрина, чуть не умерла от вожделения и нахлынувшей страсти. Несерьёзно это всё, несерьёзно и глупо! Нужно заканчивать неудачный эксперимент.

Как бы ни так! Если бы всё обстояло настолько просто: за-

хотел – полюбил, передумал – разлюбил: включил – выключил.

Желания и мысли Оленьки рвались одновременно в противоположные стороны, не желали подчиняться рассудку, показывали, кто или что на самом деле руководит телом.

Оля приводила себе убедительные аргументы, отчаянно спорила с непокорным мозгом, посылающим интригующие сигналы, заставляющие тело поступать больше чем странно: оно требовало нежности, вынуждало действовать вопреки логике, настойчиво и властно толкало на опасную близость.

Нежданные, непредсказуемые, ненужные во вновь открывшихся обстоятельствах романтические чувства наполняли организм безумными переживаниями, толкали к духовному и физическому слиянию, которого нельзя было допустить.

Девушка не заметила, как вновь принялась грезить. Сознание всё ещё пыталось убедить себя не делать глупостей, забыть про соблазнительные фантазии, но сердце уже стучало в висках, заставляя быстрее перекачивать кровь, переполненную гормонами.

Оля всё ещё пыталась сопротивляться, дискутировала с

внутренним собеседником, который молчал, в то время как её вновь сотрясали волны сладострастия.

– Зачем он мне? Умный, сильный, наивный москвич... ну, почти москвич, у родителей квартира имеется. Всё, никаких реальных достоинств, кроме того, что мужчина. Хочу с ним секса? Кто знает, отчего это желание посещает меня ни с того, ни с сего. Наверно от свободы и любопытства ошалела.

Думать нужно, серьёзно думать. Со всем этим придётся жить, если пойти на поводу у гормонов. Да, с инстинктами не поспоришь: вон как разобрало. Отдаться без обязательств готова, практически первому встречному, причём сразу и даром.

Ещё немного и умолять начну, чтобы всё по-взрослому. Сколько раз спала с братом в обнимку в одной кровати и ничего, совсем ничего подобного не чувствовала, а тут... Навяждение какое-то, психоз, припадок, помешательство.

Оля за своей перегородкой елозила, извивалась от непомерного желания на кровати, чувствуя, как намокают трусики, как набухают и сладко ноют соски, как подступают неминуемые уже конвульсии страсти.

Она переживала, кляла себя за то, что не умеет гасить на-

хлынувшие эмоции, но почти готова была улечься под Витькино одеяло.

Несколько чувствительных, взрывающих сознание и тело мгновений, и наступила бурная разрядка. Кажется, она стояла. Или показалось? А ведь это лишь начало, один из первых совместно прожитых дней.

– Нужно купить что-нибудь успокаивающее, реже бывать дома. Или уходить.

Вечер заставил обоих нервничать ещё сильнее. Оба тщетно пытались читать конспекты и учебники, но видели перед собой лишь расплывающиеся пятна.

Разговаривали мало. Оля придиралась к Витьке, использовала в репликах едкий сарказм.

Не сговариваясь, рано выключили свет и улеглись за ширмы. Каждый думал о своём, однако фантазии, эмоции и не до конца осознанные желания у них совпадали в главном: взаимный интерес неудержимо нарастал.

Витька не спал. Было отчётливо слышно, как парень ворочается, шурша одеялом, и вздыхает.

Его видения были менее реалистичны, поскольку всё, что находится у девочек под одеждой, для него являлось загадкой. У Витьки не было сестры, он никогда не влюблялся, почти ничего не читал про любовь.

Взрослая физиология юноши ещё не была разбужена. Он не испытывал серьёзного физического страдания, непреодолимого желания совокупиться. Всё же эмоционально Витька был серьёзно возбуждён и потревожен неведомыми прежде переживаниями.

Близость Оленьки представлялась юноше манящей, окрыляющей, невыносимо приятной, размыто-туманной реальностью.

Его сердечко трепетало в груди, томилось от неведомых желаний, смысла которых он не способен был постичь и осмыслить. Ясно было одно – причина всех этих переживаний находится в паре метров за тоненькой матерчатой перегородкой.

Витька слышал её прерывистое дыхание, скрип кроватных пружин, неясные, но волнующие звуки, словно девочка стонет во сне.

– Наверно чего-то приснилось. Душно. Может, открыть форточку?

Около месяца ребята ходили полусонные, однако попыток выяснить отношения, признаться в том, что испытывают странно волнующие чувства, сблизиться, не предпринимали, принимая происходящее за искажённое восприятия новых условий жизни.

Витька старательно отводил взгляд и нервничал по пустякам, Оля огрызалась, но завтрак и обед готовила, прибиралась.

Как и договаривались вначале, оба устроились работать. Оля трудилась два-три часа в день, Виктор брал полноценные смены, в основном по ночам. Приходил измотанный, уставший, иногда засыпал с открытым учебником, на лекциях клевал носом.

На Олю юноша смотрел лишь украдкой, старался не тревожить, не раздражать, переживал, когда она начинала нервничать. Считал, что именно он виноват в её возбуждённом состоянии.

Девушка неизменно готовила ужины и завтраки, с удовольствием наблюдала, как он торопливо закидывает в рот

любую стряпню. Ей нравилась Витькина забота, его удивительная щедрость, желание выполнять маленькие женские прихоти.

– А парень-то Витька ничего, хороший. Можно такого любить, даже нужно.

К неудобствам совместного проживания потихоньку привыкли, хотя нет-нет, да снова случается некий казус, вызывающий волну непредсказуемого возбуждения. Вчера, например, Витя, внезапно, зашёл на Олину территорию что-то по учёбе спросить, а та нижнее бельё переодеть готовилась, сидела на стуле нагишом, лицом к нему, широко раздвинув ноги...

Его лицо в то мгновение нужно было видеть.

Витька отвернулся, принялся сбивчиво извиняться, говорил, что без предупреждения больше ни ногой, у Оли случилась истерика.

Она опять всю ночь не спала, увлечённо следуя за видениями, где Витьке было позволено всё. Откровенно-бесстыдные ласки не прекращались ни на минуту, дарили блаженство, но его было утомительно много. Хотелось остановиться, поспать.

Принять снотворное Оля не решилась, скоро вставать, идти на лекции. Успокоиться иначе не получалось. Девушка чувствовала нервное напряжение и лихорадочно соображала, что в такой ситуации можно предпринять.

Витька тоже неприкаянно маялся, понимая, что просто жить вместе, не выходит.

У него ещё доставало выдержки, не выходить за рамки дружеских отношений. Другой на его месте не задумываясь о приличиях, деликатности и морали настоял бы на близости или взял подругу силой, а Витька всё ещё пытался играть по правилам, в которых невинность имела неприкосновенный статус.

Оля мечтала, что в Витьке проснётся, наконец, мужчина, ждала его настойчивых действий, надеялась на наркотическое действие тестостерона, но стоило ему приблизиться, как у неё начиналась паника.

Девушка никак не могла определиться, чего хочет на самом деле. Её тяготило раздвоение личности, лихорадочная перемена настроений и избыток желаний, которые утомляли до дрожи в мышцах, тошноты и спазмов в животе.

Оля пыталась принять взвешенное решение. Бесплодный эксперимент, не имеющий видимой цели и логического продолжения, надоел, утомил. Испытывать силу воли, способность месяцами жить в непрекращающемся ни на минуту возбуждении было бессмысленно. Было бы для чего.

Девушка непрерывно беседовала сама с собой, иногда забывалась. Выражала мысли вслух. Нужно было решаться на конкретный исход: или-или.

В тот день Витя пришёл с работы около одиннадцати часов. Горячий ужин на столе был заботливо накрыт двумя одеялами, чтобы не остыл. Запах чего-то вкусного завис в замкнутом пространстве комнаты.

Оля подождала, пока юноша разденется. Она отчетливо слышала каждое его движение. Вот он снял ботинки, повесил куртку, надел тапочки...

– Витя, подойди, пожалуйста. Я заболела. Можешь поставить мне горчичники?

– Сейчас, Оленька, только руки вымою. Они у меня совсем холодные.

Через несколько минут он подошёл к ширме, – Можно?

Я захожу.

– Угу.

Виктор вошёл. Оленька лежала на кровати полностью раздетая, лицом вниз.

– Ой, извини!

– Ты же горчичники собрался делать, не извиняйся. Большая для врача не женщина, а пациент.

– Можно я тебя накрою?

– Нельзя. Начинай.

– Честно говоря, я не умею.

– А целовать, целовать умеешь? Какой же ты телёнок! Нельзя же так. Обними хотя бы, если помочь не можешь. Видишь же, девушка страдает, мается. По тебе, между прочим, сохну. Скажешь, не знал, не видел? А чего ты вообще замечаешь? Думала, догадаешься, подойдёшь, прижмёшь к сердцу. Ага! Жди. Так и помру девственницей. Ну почему ты такой недогадливый, робкий!

– У тебя, похоже, температура высокая. Наверно воспаление лёгких. Сейчас скорую вызову. Потерпи, Оленька!

Виктор трогал её кожу губами, как обычно это делала мама, проверяя, есть ли жар. Тело действительно горело.

Оленька перевернулась, обхватила Витькину шею руками, принялась расстёгивать пуговицы на его рубашке.

Юноша моментально впал в протрацию, закрыл глаза, перестал дышать.

Подчиняясь гипнозу извне и врождённому инстинкту охотника, Витька неловко прикоснулся к обнажённой груди, которая тут же откликнулась набухшими сосками.

Кожа упругих округлостей обожгла пальцы неведомой энергией, настойчиво требующей исследовать каждый миллиметр обнажённого тела.

Внутри грудной клетки лопнула и разогнулась некая пружина, заставившая немедленно действовать. Юноша схватил Олю в охапку, прижал к себе, начал лихорадочно целовать. Бесстыдная нагота требовала реализации задуманного природой процесса, последовательность которого не вызывала сомнений.

Казалось, что Витька всегда знал, как будет происходить близкое знакомство возбуждённых тел.

На какое-то мгновение к нему вернулось сознание. Витька испугался, пытался накрыть Олю одеялом. Её нагота и доступность не были очевидно дозволенным обстоятельством. Она девушка, значит всё, что находится под одеждой, под запретом.

Юноша осознал, что совершает нечто недозволенное, безнравственное по отношению к девственнице, греховное.

Витька на автомате завернул Оленьку, совершая спонтанные, необдуманные действия и тут же впился в её рот губами, испытывая неземное наслаждение.

Он целовал глаза, нос, шею, волосы, уши, в то время как руки лихорадочно путешествовали по возвышенностям и впадинам.

Витька чувствовал экзотический, несравнимый ни с чем вкус, который воспламенял внезапно разбуженную похоть .

Как долго он мечтал, забыв про запреты ласкать Оленьку.

Оба моментально улетели в страну грёз, в иную вселен-

ную, где не было его и её, где тела и души сливались в единое целое, представляющее из себя концентрат наслаждения и блаженства.

Всё, что случилось после не оставило иных воспоминаний, кроме бесконечного состояния эйфории.

Когда ребята очнулись и отдышались, Оля, приходя частично в сознание, поняла, что стала взрослой, о чём свидетельствовали следы на простыне и на теле, что не подумали о возможных последствиях.

– Дурак! Дурак! Дурак! Как ты мог, ведь я тебе доверяла! Что я теперь маме скажу? – Оля зарыдала, уткнулась в Виткину грудь, стучала по его плечам маленькими кулачками.

Витя гладил голову девочки, прижимал к себе. Сегодня и он стал мужчиной, следовательно, Оля – его женщина, его жена.

Теперь он в ответе за неё. Наверно это и есть любовь.

– всё, девочка, к чёрту все эти перегородки. Теперь мы семья и спать будем на одной кровати. Милая. Как я рад, что наконец-то мы решились! Не представляешь, как я устал от тревожных мыслей и неразделённых чувств.

А Оля плакала. Уже тише, закапываясь носом в Витькину грудь, всхлипывая время от времени, почти засыпая. В кудрявой головке мелькала странная мысль, что добившись, чего хотела, воплотив чувственные грёзы в реальность, дойдя до заветной цели, ощутила вдруг в душе гнетущую пустоту.

Чего она в сущности добилась? Продегустировала вкус настоящего секса? Определённо ничего особенного. Было состояние планирования, приятного опьянения, безграничная радость, эйфория и много чего ещё, но совсем недолго.

Когда всё закончилось, стало не очень здорово. Откуда-то налетела ноющая тоска. Меланхолия, отчаяние, ощущение беспомощности, апатии, вины, злости – всё разом. Захотелось остаться одной, зарыться с головой под одеяло и плакать. оттого, что поступила необдуманно, поспешно и глупо.

Возможно, так случилось от неожиданности и страха неизвестности, которые догнали позже, когда было поздно чего-то менять.

Оля незаметно заснула, что-то бормотала во сне, просила не подходить, не трогать. Минут через двадцать она проснулась, забыв про тоску и уныние, начала приставать к Витьке.

Новоявленные любовники не ведали покоя до самого утра, вновь и вновь покоряли вершины блаженства, падали в изнеможении и приступали к новому штурму.

Оленька оказалась особой любознательной и ненасытной. Витька физически не мог удовлетворить свою маленькую женщину в нужном объёме и ритме. Ей нужно было ещё и ещё, а ему необходимо рано вставать, идти на работу или учёбу.

Несмотря на ежедневное переутомление, Витька летал на крыльях. Сначала у них была медовая неделя, потом месяц. Оленька незаметно превратилась в настоящую женщину.

В ней зрело и приобретало грандиозные размеры чувство собственника. Мой, больше ничей, постоянно повторяла она и этому приходилось верить. Оля исключила из близкого окружения всех подруг и Витькиных друзей, старалась контролировать своего мужчину поминутно и посекундно.

К ней вернулась прежняя уверенность. Теперь Оля знала, что старалась не зря. Витька мог стать идеальным мужем. Единственное, что теперь её угнетало, это цепкие мысли о залётных хищницах, для которых её мужчина мог стать желанной добычей.

Говорят, мужчины, когда страстно влюблены, излучают сгустки энергии и феромоны, гормоны любви, на которые словно мотыльки на пламя свечи слетаются охмелевшие от романтических запахов подружки.

Оля старательно разжигала влюблённость и страсть, приучала Витьку к эротическим деликатесам, знания о которых черпала в институтской библиотеке, старалась утомить его сексом до предела, чтобы исключить желание лакомиться на стороне.

Это был её пунктик. Оля маниакально сомневалась в Витькиной верности.

– Вдруг какая-нибудь нахалка поймает сигналы вожделе-ния, поманит неизведанными, оттого притягательными прелестями, которые могут показаться соблазнительнее, чем её собственные.

Оленька начала контролировать Витькины передвижения, действия, беседы и встречи, каждый шаг.

Поначалу он принимал настойчивые надзорные старания с улыбкой, считал такие действия свидетельством большой любви. Позже ревность стала утомлять и раздражать.

Все эти выворачивания карманов на предмет улики, проверка памяти телефона, обнюхивания, едкие замечания по поводу встреч, разговоров и просто случайно брошенного взгляда на проходящую мимо девушку, навязчивые попытки найти несуществующий повод подозревать, казались бредом умалишённого.

У него и в мыслях не было чего-то подобного.

– Ты маньяк, настоящий сексуальный извращенец, – злобно кричала любимая, – мало тебе меня, раздеваешь взглядом каждую встречную.

– Успокойся, Оленька. Никто, кроме тебя, мне не нужен. Я по жизни однолюб, в отца. Даже если бы у меня появились левые мысли, не хватило бы сил на осуществление подобных желаний. Всю энергию и любовь я отдаю тебе. Ты мою любовь до доньшка выпиваешь. Разве кто-то ещё способен выдержать твой неугомонный темперамент? Подозрения напрасны, беспочвенны. Как же мы будем вместе жить, если не способны друг другу верить? Я ведь тебя люблю.

– Это не мешает тебе заглядываться на красоток. А силёнок у твоего слоника хватит на всех. Мне ли этого не знать. Не морочь мне голову, выбрось из головы обладательниц

фривольных выпуклостей, иначе не знаю, что с тобой сделаю, – Олечка начинала истерично лить слёзы, которые Виктор заботливо слизывал, пытаясь успокоить.

Невыносимая мука, когда женщина плачет

Обычно, такие стычки заканчивались примирением в постели, серией страстных акробатических этюдов. Конфликт подобным образом удавалось исчерпать, но неприятное ощущение выпадало в осадок и наслаивалось на предыдущие серии приступов ревности.

Так они прожили весь первый курс и часть второго, пока по случайности девочка не забеременела.

Радости Виктора не было предела. Он уже мысленно готовился к свадьбе, потихоньку откладывая по копейке деньги на торжество. Чтобы не расстраивать и не злить любимую, Витька совсем перестал с кем-либо общаться, чтобы не вызывать у невесты чувство ревности.

Зачем расстраивать женщину, которая вынашивает драгоценный плод?

Жених покупал для любимой экзотические фрукты, деликатесы, не считаясь с ценой, вынашивал планы семейного благополучия.

Увы, им не суждено сбыться.

Кто знает, что и как повлияло на поведение Оленьки, только она не говоря ни слова, тайком от будущего отца сделала аборт.

Операция избавления от новой жизни не заняла много времени. Вечером невеста была как обычно дома, встретила Виктора готовым ужином, мурлыкала, ластилась. В её планы пока не входило разоблачение.

– Придёт время – узнает. Не ему рожать, значит, и решать не ему. Я не готова стать матерью, не хочу превращаться из прелестницы в бабу. В конце концов, ничего страшного не произошло.

Жених был счастлив при виде улыбающейся невесты, предвкушал, как посадит Оленьку на колени, как ласково погладит животик, где прячется мальчик или девочка, которую он любит и ждёт. Он предполагал, что темой разговора, сегодня, завтра и всегда будет прелестное дитя.

Хорошее настроение невесты было недолгим. Её взбесили Витькины расспросы, назойливые попытки погладить живот, пустой и болезненный. Увести разговор в сторону, сме-

нить тему. Не удавалось.

Оленьку посетило раздражение. Она кричала, топала ногами, злобно сыпала оскорблениями, вспоминала давно забытые скандалы, обвиняла Витьку в прелюбодеянии и эгоизме. Как последний и очень действенный аргумент невеста открыла слёзный шлюз.

Витька пытался шутить, балагурил, но встретив пронзительный, воинственно настроенный взгляд всё тех же, страстно любимых в половину лица чёрных глаз, в которых пропали вдруг глубина и очарование, зато чётким контуром отпечатались непонятная боль и нечто ещё...

– Что случилось, родная?

– Ничего особенного, отстань!

– Так откуда драматическое выражение лица, немотивированная злость? У тебя есть претензии? Что я сделал не так, в чём провинился?

– Нет-нет. Всё в порядке. Паршивое настроение, только и всего.

– Отчего в твоих глазах лёд и ужас?

– Потому, что исправить уже ничего невозможно.

– Разве у нас что-то не так? Что именно требует исправления? У беременных бывает беспричинная, спонтанная перемена настроения, я понимаю, что вас теперь двое, что это непросто. Не молчи, успокой меня. Отчего я так волнуюсь? Мне тоже захотелось плакать. Почему? Это касается нас, наших отношений, что-то случилось с твоими родными, что?

– Я сделала аборт.

– Нет, только не это! Ты пошутила, Оленька? Скажи! Ведь это не только твой, но и мой ребёнок. Почему, зачем? Ты лжёшь! Я тебе не верю! Не могу поверить. Как же так? А Я?

– Я не готова к материнству, испугалась последствий. Мне девятнадцать лет, всего девятнадцать. Что дальше, что? Пелёнки, ползунки, бессонные ночи, нищета? А жить когда? Я ещё даже не любила...

– Что ты такое говоришь! А я, а мы, разве это не любовь? Ты подумала, как мы будем жить после такого предательства? Предположим, чисто гипотетически, условно, теперь можно что угодно предполагать, что мы сумеем преодолеть этот конфликт, это безжалостное убийство.

Что дальше, как я могу тебе верить, на что мне рассчитывать, если в таком важном вопросе, как жизнь родного человечка ты приняла единоличное решение, словно мясник. Ведь теперь я знаю, что ребёнок для тебя, обыкновенный кусок мяса.

Да, моё суждение жестоко. Убеди меня в обратном, если я не прав. Для безжалостного, садистского решения действительно была причина? Да не молчи же ты!

– Прости, если сможешь. Я думала, что сумею тебя полюбить.

– Хочешь сказать...

– Я поняла, что случившееся с нами – физиология, гормональный бунт, взрыв эмоций, вызванных химией. Всё настолько банально. И вообще, не хочу и не могу постоянно страдать от ревности.

Рано или поздно тебя уведут, я это чувствую, знаю. Тебе нужна другая жена. Уравновешенная, не ревнивая, романтическая, нежная... не знаю какая, но это точно не я.

Я от тебя устала. Ты предсказуем, с тобой скучно. Я сразу

тебя просчитала, ещё тогда, на экзаменах. Хотела использовать, только это оказалось не просто. Обманывая тебя, я вынуждена играть в ту же игру. Долго, до бесконечности, вечно... А вечность, для нас, людей, никак не может длиться дольше одной единственной жизни.

Не желаю истратить её на такой пустяк, как скучный, однообразный секс с одним и тем же мужиком. Может быть я и ревную-то оттого что сама хочу поиметь всех без исключения интересных кобелей.

Попробовать всё, что возможно, даже то, чего нельзя, не оглядываясь на детей, на мужа. Мне нужна свобода, ничем не ограниченная самостоятельность. Извини. Это моя жизнь и только я вольна ей распоряжаться.

– Может быть ты и права. Кто знает. Жизнь покажет, кто прав, кто виноват. Убийство моего ребёнка простить не смогу. Омерзительное состояние. Поверить не могу: люблю и ненавижу одновременно. Ты тут наговорила про меня гадостей, а ведь сама не веришь в то, что предъявляешь.

Я не ангел, в каждом из нас намешано чёрного и белого, но сейчас ты превзошла сама себя. Как жить с этим будешь? Пройдёт время, убитый тобой человек покоя не даст, днями и ночами мерещиться будет. Вот кто тебе предъявит. Ма-

ло не покажется.

Не знаю, когда ты изменилась, когда стала беспощадным циником. Ведь полюбил я совсем другую женщину. Ты – не она.

Замечательную девушку, свою Оленьку всю жизнь буду помнить. Нашу странную любовь в съёмной комнате, застенчивость, переживания, мечты о любви и близости. Мы даже не понимали, что любовь задолго до первого поцелуя поселилась и жила в нас.

Первый в твоей и моей жизни секс. Та Оленька была божественно прекрасна. Очень жаль, что ты оказалась не настолько романтичной, чтобы понять – мы созданы для любви, друг для друга.

А ребёнок... наша Алёнушка... я буду помнить убитый тобой плод именно так...

Давай выпьем что ли. Поминки, всё же... Двойные поминки. Сегодня мы хороним не рождённое дитя и убитую любовь.

Не хочешь? Я выпью. Пусть земля будет ей пухом!

Витькины глаза до краёв наполнились слезами. Он в последний раз обнял свою Оленьку, точнее её жалкую тень, прижал к груди.

Сердце молчало.

– Что ты решила? Кто уходит, кто останется? Останется ни с чем. Впрочем, это теперь не имеет значения.

Любовь с испытательным сроком

Жизнь У Антона Шемякина отчего-то никак не желала выстраиваться в стройную логическую цепочку. Последний год она походила на изуродованную странным образом картинку, нисколько не похожую на тот сценарий, который Антон Сергеевич тщательно выстраивал и редактировал с юных лет.

Ему казалось, что твёрдо знает, чего именно хочет, каких целей в каком порядке собирается достигать. Для этого было достаточно сильное желание жить интересно, уверенно, дерзко, к тому же вдохновляли и окрыляли головокружительные перспективы, неизменно удачное стечение обстоятельств, отменное здоровье и прекрасная муза, романтические отношения с которой были катализатором всего остального.

Так и было, пока рука судьбы не дрогнула нечаянно, обронив и беспорядочно смешав уже уложенные в красивую рамку детали почти готового полотна, изображавшего счастливую жизнь с дивным продолжением, и заготовленные заранее пазлы, каждому из которых было определено своё уютное гнёздышко.

Увы, роковые события, к которым Антон не был готов, увели вектор судьбы далеко в сторону, словно магнитная аномалия, подчиняющая себе стрелку компаса.

Прежние удачи и будущие достижения были безжалостно брошены в миксер обстоятельств, который перемешал и взбил их в густую массу. Капли негатива окрасили жизнь в безрадостный грязно-серый цвет, породив в усталость, уныние, апатию и скуку.

С тех пор как лучший друг увёл прямо из-под венца невесту, девушку, с которой Антон успешно выстраивал отношения больше двух лет, испорченную картинку в первоизданном виде восстановить не удавалось.

Впрочем, вновь почувствовать вкус жизни не было ни желания, ни сил.

Кануло в Лету то злополучное лето, не оставив иных воспоминаний, кроме немного смущённого лица, опущенных глаз и тонких пальцев невесты с красивым маникюром, нервно теребящих кружева подвенечного платья, затем монотонной чередой одинаковых дней без событий пролетели дождливая осень и бесснежно-слякотная зима.

Даже весеннее цветение, солнечный свет и вернувшееся

тепло не радовали.

Марина до последней минуты скрывала своё решение, хотя приняла его задолго до торжественного дня. Антон так и не понял, для чего ей понадобилось столь экстравагантно расстаться, превращая сцену банального объяснения в зрелищное шоу.

Можно было спокойно, не ломая комедию, не превращая расставание в фарс, выяснить отношения. Суть осталась бы та же, но один на один пережить предательство было бы легче.

Любовь – территория свободы. Она похожа на порхание прекрасной бабочки. Стоит только к ней прикоснуться, как с невесомых крыльев облетает перламутровая пыльца, лишая возможности продолжить полёт.

Гости с раскрытыми от удивления ртами старались не смотреть на жениха и невесту, чувствуя неловкость, неуверенно топтались, переглядывались, однако с интересом ожидали развязку и шептались, закрывая ладонями рты, чтобы невозможно было прочесть их мнение по губам..

Антону тогда казалось, что это был спланированный заговор, что над ним насмеются.

Ампутированные любимой крылья Антон так и не отрасли вновь: считал себя неудачником, решил, что всё интересное в жизни уже произошло и дальнейшие усилия бессмысленны.

Однообразно-унылые утомительные будни изнуляли пустотой. Нелепость беспомощного существования, лишённого радости движения, наводила на тревожные мысли, от которых пришлось отгородиться одиночеством.

Друзья и добрые знакомые один за другим покинули его скучное общество, застыла на месте некогда успешная карьера. Антон перестал осязать, видеть и чувствовать.

На улице и на работе он видел безрадостные лица угрюмых, озабоченных невзгодами и неразрешимыми проблемами людей, которым ни до кого не было дела.

Женщины и мужчины скандалили, спорили, агрессивно сливали друг на друга негативные эмоции, попадали в неприятные и драматические ситуации, подстраивали друг другу каверзы.

Отцы и матери ругали, наказывали детей, которые страдали и плакали. Взрослые дети изнуляли родителей непокор-

ностью, упрямством и ленью.

Люди вокруг мучились депрессиями, аллергиями, бессонницей, похмельем, болезнями. Эти состояния составляли суть их жизни. Никто никого не хотел понимать.

С работы домой, из дома на работу. Там и там Антона ждала размытая реальность в виде густого тумана, в котором восприятие действительности ограничено зыбкими неясными контурами предметов без объёма и цвета, где нечем было дышать.

Его раздражало всё и все.

Прошлая жизнь изредка всплывала в памяти фрагментами, как нечто недостижимое, словно счастливые годы жизни были галлюцинацией, фантомом. Обрывочные сюжеты вызвали приступы агрессии. Он уничтожил фотографии и письма, выбросил вещи, напоминающие о Марине, спрятал в чулан зеркала.

Антон пробовал горстями глотать таблетки от депрессии, повесил на окна тяжёлые тёмно-коричневые шторы, чтобы отгородиться от внешнего мира, почти не включал свет, глушил тоску алкоголем.

Если бы для выживания не было нужды работать, зарабатывать, он отказался бы от профессии.

Почувствовать вновь вкус жизни не получалось. Да он и не стремился что-то менять.

Лишь недавно внутри что-то неясно шевельнулось, вернуло робкое желание оглянуться по сторонам, вспомнить, что он живой.

Это случилось, когда в отдел, которым Антон заведовал, пришла новая сотрудница, Жанна Игоревна Постникова.

Женщина бесила его жизнерадостностью, избытком энергии, самостоятельностью, настойчивостью, профессиональной уверенностью. Антон относил эти качества к желанию выделиться, что сильно раздражало.

Жанна ярко одевалась, назойливо лезла на глаза, задавала слишком много вопросов, причём постоянно улыбалась и бесцеремонно стреляла глазками. Она явно его клеила.

Антону Жанна Игоревна казалась излишне самоуверенной выскочкой и беспринципной карьеристкой, которая метит на его место. Страх, что женщина может разрушить остатки стабильности в его безрадостной жизни вынудил ре-

шиться на затяжной конфликт.

Мужчина скрупулёзно выискивал недостатки в её работе, приписывал саботаж, нарушение субординации и дисциплины, цеплялся по любому поводу и даже просто так, чтобы унижить, указать место в иерархии отдела.

Жанна Игоревна безропотно терпела придирки, покорно исправляла огрехи, со всем соглашалась, улыбалась и никогда не отводила взгляд.

У неё был низкий грудной голос, тёмный цвет глаз, густые брови, объёмные шелковистые волосы, приятное смуглое лицо и стройная девичья фигура, скрывающая истинный возраст.

Жанна Игоревна выглядела подростком.

Если бы Антон не знал из личного дела, что женщине тридцать пять лет, ни за что бы в это не поверил.

Её слегка портил неумеренный макияж, обилие побрякушек и резкий запах парфюма, иначе она вполне могла бы ему понравиться.

Антон обратил на неё внимание как на женщину, заслу-

живающую внимания, случайно, вопреки желанию и воле.

У генерального директора был юбилей. Пришлось принять в торжестве участие.

Он сел в дальний конец стола, потихоньку напивался, стараясь не обращать ни на кого внимания, чтобы немного позднее под шумок незаметно исчезнуть.

Суетливо-хмельная обстановка напрягала, хотя никто не мешал скучать. Тамада частил с тостами, развлекал гостей играми с эротическим подтекстом, зажигательными танцевальными ритмами, а Антон мечтал о тишине и покое.

Когда объявили белый танец, Жанна Игоревна стала настойчиво его приглашать. Отказаться не вышло, хотя Антон пытался применить обычную агрессивную тактику: некрасиво пошутил и бесцеремонно высказался, что думает о ней, неуместной попытке флирта и приличиях.

Едкий сарказм не возымел действия. Жанна Игоревна улыбнулась и ответила с той же долей ехидства.

– Опасаетесь за целомудренность? Клянусь, приставать, драться и насиловать не буду, разве что соблазню, но шансов как я понимаю, весьма мало. Вы боитесь лично меня или во-

обще всех женщин?

– Я с подчинёнными, тем более пьяными, не танцую и не развлекаюсь. Пригласите кого-нибудь другого, кому ваши манеры и формы покажутся соблазнительными. От вас, Жанна Игоревна, одни проблемы и неприятности. Ещё в постель меня пригласите.

– Вы меня недооцениваете, предпочитаю не совершать необдуманных действий. Постель, это не повод для знакомства, подобную тактику выбирают те, кому нечего больше предложить. И танец не просто развлечение, скорее серьёзный диалог. Рабочий день, между прочим, закончился. Имидж руководителя нисколько не пострадает.

– Мне не до танцев. Беседовать будем на работе.

– И всё-таки я настаиваю. Джентльмен не имеет права отказывать даме, когда она приглашает на белый танец.

– Хорошо, если отдавлю ногу, не обессудьте.

Жанна Игоревна уверенно поставила в удобную для себя позицию руки Антона и легко закружила его по залу.

Когда-то он любил романтический язык танца, какое-то

время даже занимался в студии. С Мариной они часто посещали танцевальные вечеринки. Это было в прошлом, которое невозможно вернуть.

Оказалось, ноги ничего не забыли. Антон удивительно быстро освоился с ритмом и ролью ведомого, даже забылся на время, ощутив возбуждающую теплоту и упругость кожи.

Чувственное прикосновение к гибкому стану, невольно возбуждающая воображение экскурсия грудной клетки партнёрши, близость разгорячённого танцем стройного тела, её зачарованный, в какой-то мере гипнотический взгляд, пикантно-бесстыдный запах, влажная припухлость соблазнительно изогнутых губ, оживление и радость на лице освежили в памяти ощущение восторга.

Антон утонул в глубине серых глаз, опьянел от давно забытого ощущения эйфории. Вокруг мелькали разноцветные пятна, голова приятно шла кругом.

Внезапно Жанна ойкнула, покраснела, замедлила движение и остановилась. В мимике и жестах мелькнула застенчивая неуверенность.

– Извините, Антон Сергеевич, вы можете мне помочь? У меня неприятность.

– Похоже, вы заранее продумали тактику соблазнения, – неожиданно грубо оборвал он Жанну, – постарайтесь справиться без меня. Не хватало ещё вляпаться с вами в пикантную историю. Увольте!

– Покрой платья не позволяет обойтись без посторонней помощи.

– Причём здесь ваше платье? Ищете повод для скандала? Пожалуй, пора отправляться домой. Слишком шумно и вообще... мне ещё рано в психушку. Чувствовал подвох, но не мог предположить, что вы извращенка.

– Предпочитаете бросить меня в щекотливой ситуации? Можно подумать я предлагаю публичный секс. Что с вами не так?

– Я уже достаточно пострадал от женского коварства. С меня хватит. Попросите помощь у Светланы Витальевны или Антонины Юрьевны. Они не откажут.

– Но что они могут подумать? – Жанна наклонилась к его уху и зашептала, – у меня расстегнулся бюстгальтер. Женщины могут предположить, что вы намеренно это сделали.

– Что вы себе позволяете! Тараканы в вашей голове настолько изобретательны?

Жанна Игоревна приложила палец к его губам, – не привлекайте внимание. За раздевалкой в фойе есть тихий уголок.

– Надеетесь, что буду копаться в вашем исподнем? Бред какой-то.

– Тогда проводите домой, не могу же я танцевать с болтающимся лифчиком. Это смешно и неприлично. Неужели так сложно защёлкнуть застёжку?

– Как вы себе представляете подобную процедуру? Вообразите, что у меня лопнули трусы, а я прошу отойти в сторонку и заштопать. Как вам такая перспектива?

– С трусами проще: снял и выбросил. Расстегнёте молнию на спине, и... вы что, боитесь до меня дотронуться? Предложи я это кому другому, подозреваю, не услышала бы вопросов. Ну же, смелей. И продолжим танцевать.

– Закройтесь в кабинке дамской комнаты и не морочьте голову. Между прочим моя мама снимала бюстгальтер через рукава.

– И куда я его дену? Ни карманов, ни сумочки нет. Вещь дорогая, импортная. Ладно, уговорили, снимайте пиджак, прикройте.

Процедура извлечения пикантной детали женского туалета прошла безболезненно и быстро. Жанна повернулась, чмокнула Антона в щёку и вложила кружевную конструкцию в его руку.

Мужчина опешил, отпрянул, словно получил ощутимый ожог.

– С меня довольно! Вы несносны. Я не фетишист. Втянули в авантюру, теперь издеваетесь.

– О-ё-ёй! Какая цаца, скажите на милость. Он не отравленный. Положите в карман и забудьте. Ничего страшного не происходит. У вас никогда не было женщины?

– Какое это имеет значение? Женщины – вселенское зло.

– Вас обидели? У меня тоже есть повод злиться на мужчин, не нужно только обобщать.

– Можно подумать, вы не слышали историю моего позора.

Невеста ушла к другому, устроила гнусный спектакль, публичную порку, практически кастрацию. Представляете, каково мне!

– Сплетнями не интересуюсь, жалеть и вытирать сопли не собираюсь. Меня тоже бросили. Между прочим, на последнем месяце беременности. Это не повод перестать жить и верить людям. Если не прекратите плакать, завтра поменяю бюстик на слюнявчик. Соберитесь, Антон Игоревич. Не хочется верить, что ваш случай безнадежный.

– Пытаетесь унижить? Мне плевать. Не собираюсь мериться размерами предательства. Мы разные.

– Это не мешает нам продолжить танцевать. Только не надо так откровенно глазеть на мою грудь. Натуральная она, не силикон.

Танцевали увлечённо, постепенно сокращая расстояние.

Когда упругая грудь Жанны Игоревны нечаянно коснулась Антона, ноздри уловили запах её разгорячённого тела, а руки почувствовали податливый трепет мышц корпуса, его насквозь пронзила волна блаженства, чего мужчина никак не ожидал.

Зачарованный, пьяный от возбуждения и близости, Антон поцеловал женщину в шею. Жанна ощутимо напряглась.

– Оттаяли? Отрадно. На этом извольте откланяться. Обещала ведь, что не буду совращать.

– Простите, Жанна, сам не знаю, как такое случилось. Нервы.

– Ещё скажите, что не хотели, что сожалеете. Я пойму, я сильная. Обиженный мужчина, это загадка. Ранимое сердце, тяжёлое детство, деревянные игрушки и всё такое. Не верю в случайности и совпадения, Антон Сергеевич, не обманывайте себя и меня. Поцелуй, это прикосновение к душе. Мне бы не хотелось...

– Я не готов для серьёзного разговора, для отношений. Вы правы, я хотел вас поцеловать. И сейчас очень хочу, но не буду. Боюсь разочаровать, ошибиться. Кто обжётся на молоке, будет дуть и на холодную воду.

– Давайте уже провожаться.

Антон расстроился, когда подошли к подъезду Жанны Игоревны. Он давно не чувствовал потребности разговаривать, общаться.

– Видите, на третьем этаже окна светятся? Дочь не ляжет спать, пока не вернусь.

– А меня никто не ждёт.

– Так ведь и вы никого не ждёте. Прощайте. Спасибо за прекрасный вечер.

– Это вам, вам спасибо.

Антон отошёл от подъезда под тень дерева, прислонился к стволу и смотрел на её окна. Кровь с шумом, отдающимся в висках, носилась по артериям и венам. Таким же маршрутом следовали пузырящиеся, не дающие возможности сосредоточиться, мысли, всплывающие в сознании гроздьями.

Они распускались и исчезали, оставляя после себя стекающее мутными каплями чувство тревоги, возбуждаемое необоснованными мучительными сомнениями, стоит ли, сбивали дыхание, провоцировали на решительные поступки, удивляли, восхищали, смущали.

Антон вполне мог остановить суетливую сумятицу из ненужных мыслей, стоило лишь признаться самому себе, хочет ли он это делать.

Что будет, если Жанна, это очередная иллюзия, фантом, если она и он, оба выдают желаемое за действительное, если проскочившая между ними искорка подобна Огням святого Эльма, которые давали мистическую надежду на спасение морякам во время грозы.

Ложные мечты, ожидание чуда, всё это может испариться, исчезнуть и тогда...

Какие силы будоражат сознание, призывая действовать: самовнушение, болезненные фантазии воспалённого ожиданием чуда мозга, тайное послание из глубин психики, осторожная подсказка параллельного мира, первобытный инстинкт, рефлекс на химический раздражитель?

Свет в окне погас, чего нельзя было сказать про эмоции. Память настойчиво возвращала волшебные ощущения, которыми наслаждались в процессе танца.

Антон вновь и вновь переживал многократно усиленные волнением тактильные ощущения, головокружение, эйфорию, волшебный вкус поцелуя, опьянение запахами, наслаждение от звучания голоса.

В этот момент мужчина вспомнил о предмете, который

лежал в кармане, долго сопротивлялся желанию дотронуться, разглядеть. Любопытство распирало, овладевало сознанием. Сопротивляться дольше не было сил.

– Раз, два, три, – считал он ступеньки, перескакивая через несколько сразу.

Бюстгальтер в кармане будоражил воображение. Он хранил интимные запахи, помнил тепло прикосновения к её нежной коже.

Антону было невероятно стыдно и в то же время удивительно приятно сознавать, что частичка Жанны находится рядом.

Он уснул с бюстгальтером, зажатым в кулак, всю ночь бредил свиданием, сочинял сценарий разговора, представлял детали встречи. Проснулся Антон, едва забрезжил рассвет.

Мысли за ночь видоизменились, но так и не приобрели чётких контуров. Он хотел, чтобы Жанна стала роднее, ближе и тут же сомневался, нужно ли себя обнадёживать, бежал одновременно туда и обратно, склоняясь к тому, что нельзя торопиться, нужно думать, думать и думать.

Антон отпарил костюм и пару рубашек, снимал и вновь

надевал. Руки дрожали, мышцы живота сделались каменными. Он уговаривал себя поторопиться, следом ругал, приводил тысячи аргументов за и против.

В семь часов утра мужчина сидел на ступеньках второго этажа в её подъезде, вздрагивал от каждого шороха, репетировал слова, мимику и движения, десятки раз прислонял ухо к заветной двери.

Антон трепетал от восторга и страха, обливался попеременно холодным и горячим потом, задерживал дыхание, чтобы хоть немного успокоиться. Напряжённый позвоночник гудел от неопределённости ожидания, ослабевшие ноги вибрировали, зубы выдавали барабанную дробь.

Ждать не было сил.

Около восьми Антон решительно позвонил в дверь.

И убежал, как нашкодивший мальчишка. Он слышал, как Жанна открыла дверь, но не мог сдвинуться с места.

Чтобы окончательно решиться, понадобилось больше десяти минут.

Жанна Игоревна открыла сразу, как только Антон нажал

на кнопку звонка, словно ждала, была уверена, что это именно он.

– Доброе утро, Жанна Игоревна! Вот, – протянул он комочек ажурной ткани, – вы забыли. Я уже приходил, вы крепко спали.

– А, это... Я уж подумала, что напугала вас. Впервые встречаю настолько эмоционального мужчину. Нельзя так бурно реагировать на безобидные, в общем-то, ситуации. Доведёте себя до инсульта, что тогда? Боже, да у вас мешки под глазами. Совсем не спали? Проходите на кухню, я сейчас, только умоюсь. Чай будете?

Жанна Игоревна выглядела обворожительно, хотя не вполне проснулась, об этом свидетельствовала лёгкая припухлость под глазами. Без макияжа она казалась старшеклассницей, о чём, заикаясь, сообщил гость.

Уютная, домашняя, Жанна стояла предельно близко, едва не касалась его грудью.

Проводив на кухню женщина закрылась в ванной.

Чайник громко кипел, но Антон не решился хозяйничать. Попытки сосредоточиться одна за другой терпели фиаско.

Увидев просто, по-домашнему одетую, в замечательном настроении Жанну Игоревну, подошедшую к столу, гость не раздумывая, сам не ожидая от себя такой прыти, протянул руки, обхватил ягодичы, притянул к себе и зарылся лицом на животе.

Несколько минут неподвижной тишины и блаженства, встречный взгляд, руки в руках.

– Можно? – Неуверенно спросил Антон.

– Да, уж! Я должна воспринимать данную ситуацию как признание в любви? Ты всегда так себя ведёшь или это результат сильного стресса?

– Да!

– Ещё интереснее. Разрешаешь самостоятельно выбрать любой ответ из неназванного списка, согласен на всё? А гарантии: не испугаешься, не исчезнешь? Антон, я понимаю твоё неменяемое состояние, но много о чём хочу спросить, прежде чем на что-то серьёзное решусь. Отмолчаться не получится.

– Я люблю тебя! Будь моей женой.

– Заявление принято. Давай тогда поговорим о любви. Как ты себе её представляешь? Для тебя любовь, это развлечения и секс или что-то иное? Как насчёт ответственности, взаимодействия, романтических чувств?

– Серьёзно, очень серьёзно представляю суть семейных отношений. Жить после ремонта и свадьбы будем у меня, там места больше. Эту квартиру сдадим.

– У меня дочь подросток. Она может испугаться чужого мужчину.

– Я умею ладить с детьми.

– Допустим. Тебе захочется иметь своих детей. В моём возрасте затягивать с этим нельзя, а притираться особенно некогда. Вдруг ничего не получится? Дети ведь ни в чём не виноваты.

– Соглашусь на любые условия. У нас есть время освоиться, испытать чувства и определиться с ответственностью.

– Пробный вариант с испытательным сроком?

– Нет, бессрочная любовь.

– Не могла подумать, что решишься на такой ответственный шаг.

– Я тоже не мог. Как насчёт поцелуя?

Как просто стать счастливым Часть 1

Савелий Степанович, холостяк с солидным стажем, как обычно был приглашён на день рождения лучшего, точнее единственного друга, Эдика Кретова.

Эдик собрался праздновать круглую дату – сорок лет. Говорят, что такой юбилей лучше не справлять, чревато серьёзными проблемами со здоровьем. Понятно, что это суеверие, но имениннику виднее.

У Севки, так его для краткости называл друг, весьма сложный характер: он невообразимый педант, аккуратист и чистюля. Щепетильность в вопросах порядка принимает у него формы фобии.

Стоит в доме чего-то на миллиметр сдвинуть в сторону, тут же налетает ураган Катрина, уничтожающий на своём пути любые отношения, тем более, если нарушитель порядка женщина.

Со слабым полом у Савелия всё сложно. Если у него нет подружки – страдает, мечтая о любви, но стоит только позна-

комиться, как начинается истерика по поводу того, что все проблемы от баб, что они не умеют себя вести.

Эдику в его доме дозволено почти всё. Он свой в доску: не предаст, не продаст, поэтому имеет преференции и льготы. Так бывает, когда люди притираются настолько плотно, что баланс сдержек и противовесов застывает, словно приклеенный.

Пережив очередную пылкую любовь, начинавшуюся как обычно с возбуждающего флирта, медовых речей и кокетливых прикосновений, Севка позднее вспоминал о ней с негодованием.

Отношения стремительно ветшали сразу после первого секса, когда очередная пассия надевала утром на голое тело его любимую рубашку и начинала небрежно хозяйничать на кухне, давая тем самым понять, что из охотника он превратился в дичь.

Несмотря на холостяцкие закидоны и комплексы Сева любил полакомиться спелой ароматной мякотью соблазнительного женского тела, желательно без намёков и обязательств.

Благосклонности понравившейся дамы Сева готов был настойчиво добиваться месяцами, лишь бы оказаться победи-

телем.

Он знал толк в чувственных ритуалах соблазнения: цветисто говорил, ловко подстраиваясь под настроение дамы, умел удивить, заинтриговать, увлечь, красиво ухаживал.

Любовная связь обычно имела взрывной характер на пределе эмоций, но заканчивалась быстро, ввиду несовместимости личных привычек в быту и нарушения очередной любимой норм и правил установленного Севкой домашнего уклада.

Привычки и предпочтения Сева намеренно не озвучивал, ожидая встретить ту единственную, которая сольётся с ним в духовном и физическом экстазе и сама поймёт, что к чему.

Иногда Савелий Степанович подумывал, что неплохо было бы попробовать гостевую форму брака, но позже приходил к выводу: если женщина не имеет развитого чутья, вкуса, чувства такта, проницательности, не умеет подстраиваться под обстоятельства и чувствовать духовные потребности партнёра, ей не сложно будет убить отношения даже за несколько минут.

Для того чтобы отрепетировать феерический танец любви, насладиться щедростью ласк, насладиться нежностью и

страстью, достаточно ночи.

Даже лишний час способен испортить позитивное впечатление от хорошенькой женщины и её божественного тела. Пусть лучше аромат пьянящих ощущений останется в тёплых воспоминаниях, волнующим послевкусием напоминая о волшебной встрече с прелестницей.

Претенденток на роль любимой он выбирал придирчиво и требовательно. Любил девушек стройных, фигуристых, с гитарообразными очертаниями стана, крутыми бёдрами, упругим бюстом и чувственными оленьими глазами.

Подобные прелестницы вызывали у него безотчётное желание сыграть на изысканном интимном инструменте, извлечь из него чарующие мелодии и ритмы сладострастия.

Сева доверял своему отменному вкусу: если женщина будила воображение и фантазии, внутри начинало вибрировать, трепетать и гудеть, наполняя мир внутри и снаружи красочными волнующими переживаниями.

Любовь в гостинице Сева не признавал. Всё необходимое должно находиться под рукой.

Дотрагиваться до оголённых душевных струн, вызывать

тонкие вибрации души и плоти Савелий научился основательно, виртуозно.

Уже через несколько минут уединённых интимных встреч женщины чувственно стонали, полностью подчинившись любвеобильному маэстро, требовали ускорения темпа с адажио до аллегро, но Сева не позволял диктовать автору интерпретацию исполняемой пьесы.

Медленными плавными поглаживаниями, едва касаясь губами и пальцами чувствительных зон воспалённой желанием кожи, исследовал он тело женщины на наличие активных эрогенных зон.

Вскоре тело забавницы начинало сладко ныть, её бёдра плавно расходились в стороны, призывно раскрывая самую интимную из женских тайн, приглашая принять участие в азартной игре с удивительными правилами.

Комнату наполняли пьянящие ароматы весеннего луга, терпкие порывы пряного степного ветра, сладковатые запахи перезревших фруктов.

Время останавливалось, затекало в глаза горько-солёными каплями. Таинственным образом исчезали звуки, кроме гулких раскатов сердечных ритмов, отдающихся в каждой

клеточке сосредоточенного на энергичном поступательном движении тела.

Окружающая пикантную сцену экспозиция расплывалась, плавно раскачивалась, таяла, голова и мысли парили в невесомости, как бы со стороны наблюдая за тем, как появлялся, пульсировал и вновь исчезал в глубине готового извергнуться кратера некий удивительный предмет, заполняющий гулкую липкую пустоту внутри женского тела.

Мужчина ускорял темп, взволнованно теребил набухшие виноградины сосков...

В этот момент на лестничной площадке что-то загремело, разорвав почти реальную картину пламенной страсти.

Савелий с удовольствием смаковал воспоминания о последней встрече с прекрасной шалуньей, с которой обменялся избытком чувств.

– Хороша была прелестница! Жаль, что так нелепо закончилось то пламенное randevu.

У неё было загорелое упругое тело, хрупкое, почти невесомое внешне, но с сильными, развитыми мышцами. Умопомрачительный, пикантный вкус её нежной кожи и густого

нутряного сока Савелий до сих пор ощущал на языке.

Сладостное блаженное состояние растекалось по телу до кончиков пальцев, поглощало все мысли, кроме страстного желания обладать. Ради повторения волшебных мгновений Сева готов был пойти на всё, даже жениться если нужно.

Напоследок шалунья выгнулась, запрокинула голову, с силой сдавила ногами его корпус, содрогнулась в конвульсии, забилась в экстазе. Если бы ей достало сил, мечтать и грезить было бы уже некому.

По счастью этого не случилось.

– Боже, это было нечто! Какая женщина. Я готов боготворить, поклоняться, умолять...

С тех пор у него не было женщины. Сева не мог забыть Эмму, так звали великолепную нимфу. Лучшей претендентки в жёны Сева и представить не мог.

– Вот только...

Женщина тогда безбожно испачкала губной помадой и тушью для ресниц любимое полотенце, пролила на льняную скатерть кофе, оставила в мусорной корзине омерзительно-

го вида салфетки, пропитанные непонятно чем, может быть, даже...

– Язык не поворачивается произнести вслух то, что Эмма ими протирала.

– Зачем, какого чёрта она напялила на грязные тела лучшую рубашку, которую я привёз из Италии! Умывалась в ней, оставила следы от капель. Придётся теперь нести в химчистку. Вдобавок перепутала местами шампуни и кремы, забыла навернуть колпачок на зубную пасту.

Севу передёрнуло, – она сидела передо мной в непристойной позе, вульгарно раздвинув ноги, нагло оголила промежность, словно женщина лёгкого поведения, Даже не подумала застегнуть пуговицы на рубашке. Интересно посмотреть на её реакцию, если бы я щеголял перед ней в семейных трусах с эрегированным членом.

Тонкие чувства, окрылявшие его ночью, истаяли тогда, как прошлогодний снег. Его колотило от бестактности Эммы, от её оскорбительного поведения.

– Как можно жить с такой женщиной? Использованные трусы она засунула под подушку, уходя, оставила на воротнике белоснежной рубашки оттиск накрашенных губ, забы-

ла на вешалке зонт.

Несколько дней Сева тихо ненавидел Эмму, потом соскучился, снова захотел увидеть, начал мечтать и грезить о её нежном податливом теле, готов был простить те неблагоприятные действия, лишь бы встретиться вновь.

– Эмма прекрасная женщина: чувствительная, обаятельная, остроумная, милая. В постели ей нет равных. Но как быть с несносными привычками, которые невозможно исправить, потому, что она уже сформировалась и выросла. Её поздно воспитывать!

Чем больше Сева обо всём этом думал, тем сильнее негодовал и раздражался.

Но представляя, как нежно раздвигает языком её влажные губы, как обхватывает спелые бёдра и налитые груди, как с наслаждением вдыхает терпкий аромат интимного пространства, моментально все проблемы начинали казаться незначительными, надуманными, смешными.

Сева закрывал глаза, явственно чувствовал на языке изысканный вкус возбуждённого лона, представлял, как медленно входит в неё, как тает и растворяется внутри, обретая от слияния волшебную силу, до последней капли отдавая

нерастраченную энергию.

Больше он Эмме не звонил.

– Почему женщины прекрасны в любви, очаровательны и чувственны в постели, но совсем не умеют себя вести в повседневной жизни, – задавал себе Сева один и тот же, неразрешимый вопрос.

– Так хочется душевной, эмоциональной и физической близости, взаимопонимания, комфорта... На проверку каждая имеет целый список изъянов: кричащих, невыносимых, фатальных, делающих совместную жизнь невозможной в принципе.

Наверно потому они и не замужем. Настоящий мужчина не способен вынести их вульгарные привычки.

Сева не мог позволить кому-либо, пусть даже самой прекрасной женщине, разрушить с трудом налаженный быт. Его жена должна быть идеальной во всём.

– Неужели мне так и не посчастливится найти свою половинку? Может быть завтра, в гостях у Эдика я встречу свою единственную?

Жена Эдика, Рита, интересная, весёлая, коммуникабельная женщина. У неё много друзей и подруг. Чаще всего Сева знакомился с удивительными дамами именно там.

– Какая она будет, моя избранница?

Сева размечтался, даже утомил себя воспоминаниями, фантазиями и мечтами, отчего заснул в кресле у телевизора, чего прежде никогда не случалось.

Ночью ему снилась она, женщина-мечта, настоящее совершенство.

Досмотреть сон до конца не позволил будильник, вырвавший из объёмной цветной картинки в серую обыденность.

До похода в гости оставалось много времени, слишком много...

Возбуждённое ожидание снова поглотило его.

– Мне непременно нужна женщина, любимая женщина. Чёрт с ними, привычками, предпочтениями и манерами. Я готов создавать семью, готов уступать, договариваться, терпеть. Будь что будет. Сегодня или никогда.

– Если мне кто-то по-настоящему понравится, как Эмма, например, завтра же позову замуж. Пусть творит, что угодно, пусть выносит мозг, лишь бы любила. Даже если сожжёт уютным рубашку или разрежет на ленточки любимый костюм, не скажу ни слова.

Представляете, какой романтический бред может затуманить сознание изголодавшемуся по любви мужчине воспалённое желанием воображение!

В предвкушении решительного шага Сева решил пригубить стаканчик вина, которое согрело внутренности и дополнительно раскрасило придуманный мир.

Стаканчик крепкого вишнёвого ликёра и две стопки коньяка приблизили мечту, сделали её осязаемой, почти реальной.

Пьян Сева не был, лишь повеселел, но состояние эйфории от принятого решения окрасило грядущее, сделало необыкновенно счастливым. Он грезил наяву, это было прекрасно.

Кстати, женщина-видение была похожа на Эмму.

Как просто стать счастливым

Часть 2

Сева был окрылён вдохновением, твёрдо настроился на победу и удачу. Глаз моментально выделил девушку, в которую не влюбиться было невозможно.

Она была не одна, со спутником, странным типом с бегающими глазками и нервным поведением.

Мужчина вёл себя странно, если не сказать больше – нагло: небрежно хлопал по ягодицам, не стесняясь, лез под подол, грубо прижимал, не обращая внимания на раздражение и сопротивление подруги, лез с поцелуями.

Девушка молча, но весьма активно пыталась уклониться, даже хотела уйти.

Назревал конфликт.

Сева готов был заступиться за женщину, даже почувствовал укол ревности, но не мог понять статус неприятного спутника. Если это муж или жених, можно нарваться на неприятности.

Портить Эдику праздник желания не было. Сева попытался переключить внимание на других женщин, но они не вызвали интереса и симпатии.

Мужчина загрустил, понимая, что вечер безнадёжно испорчен, что сегодня не его день. Мечта уплывала к назойливому типу. Понятно, что быть вдохновительницей, музой, спутницей жизни девушка не может.

– Печально, обидно, досадно... но ладно! Никто не запретит любоваться ей. Если удастся, приглашу на танец. Хотя бы так.

Спустя несколько тостов дружок нервно пересел к соседке, сходу облапил её за талию. Девушка засмеялась, не показывая раздражения и недовольства. Напротив, начала кокетничать, хохотать и стрелять глазками.

Возможно, именно эта девушка и была причиной размолвки. Через несколько минут они топтались в обнимку, изображая медленный танец. Партнёр правой рукой с силой притягивал к себе девицу за ягодицу, другой пятернёй небрежно мял её грудь и целовал в шею.

Сева удовлетворённо крикнул, потирая руки. Его устраи-

вал такой расклад.

Алёну, так звали девушку, на которую Сева положил глаз, красавицей назвать было невозможно. Несмотря на это только она могла сделать его счастливым. Сева это чувствовал.

Среднестатистическое, не очень выразительное, даже несколько ассиметричное лицо обладало некими загадочными свойствами: от него невозможно было оторвать взгляд.

Алёна совсем не походила на Эмму, скорее была полной противоположностью, но Сева с удовольствием звал бы её тем прекрасным именем. Впрочем, Алёна нисколько не хуже.

На избраннице была изумительно аккуратная, необычного, невесомого, летящего покроя одежда, в сочетании с причёской создающая эффект нахохлившегося воробышка.

Она была печальна, не пила и не ела.

Точёная фигурка девушки, рельефно выступающие округлости, подчёркнутые кружевными декоративными элементами платья, были открыты заинтересованному взгляду прозрачной воздушной тканью.

Шикарная грудь, крутые бёдра, осиная талия, глубочайшие серые глаза, чувственные губы, почти полное отсутствие косметики, пушистые волосы, рассыпанные по плечам...

Рассматривать Алёну внимательно Сева стеснялся. Ему было достаточно общего впечатления.

– Кто ей этот парень? Обидно, если муж.

Печать раздражения во взгляде не скрывала её доброго и покладистого нрава. Тёмные глаза впечатляли, завораживали.

Сева представился, попросил разрешения присесть рядом. Девушка равнодушно пожала плечами, ничего не ответила, но глазами показала на стул рядом с собой.

– Можно я налью вам вина?

– Лучше водки. Не могу расслабиться.

– Да, я заметил, вы поссорились с тем мужчиной, который бесцеремонно тискает партнёршу по танцам. Меня зовут Савелий, можно Сева.

– Он никогда не был моим. Знаете, у него скверный ха-

рактер, как у голодной бродячей кошки: гуляет сам по себе, берёт что хочет, кусается и царапается, если не получает желаемое.

– Мне тоже так показалось. Не завидую той девушке.

– Они друг друга стоят. Видимо её интересует только секс. Кажется, уже договорились. Как ему это удаётся? Мне порой кажется, что он коллекционирует дурочек: очаровывает уверенной наглостью, нисколько не скрывая похоть, моментально добивается близости и теряет интерес, как только получает доступ к телу. Еле от него отделалась.

– Это было похоже на семейный конфликт. Кажется, странный персонаж удивился, что ему отказали. Вы знакомы? Как он мотивировал свои притязания?

– В маленьких городках все друг друга знают. Ему нужен свежий концентрированный адреналин. Не поверите, но единственный комплимент в свой адрес звучал приблизительно так, – я вас с удовольствием отымею. Да! Наверно считает себя неотразимым, а приглашение в постель девушка обязана воспринимать как медаль или орден.

– Он вас сильно обидел? Хотите, я с ним разберусь?

– Нет, не хочу. Неприятно ощущать себя мухой в пати-не. Мне его искренне жаль. Человек без чувств и эмоций. Радар, улавливающий радость, орган, испытывающий удовольствие и мозг вместились у этого примитивного человека в одном единственном приспособлении. Только им он умеет действовать и думать, только для него живёт. Странно.– Примитивным особям легко живётся: не нужно переживать, страдать, любить, ненавидеть. Минимум потребностей и желаний. Можно сегодня составить вам пару?

– С места в карьер намекаете на близость? Впрочем, это понятно. Борьба за внимание самки насыщает воздух феромонами, вызывая у самцов находящихся поблизости неконтролируемый приступ похоти. Вы выделили меня сразу, сходу предположили, что у меня течка, значит можно особенно не церемониться: снял трусы и произвёл необходимый для оплодотворения ритуал.

– Вы цинично откровенны, намеренно грубы, не пытаетесь понравиться. Я тоже выгляжу примитивным искателем приключений? Ваши действия похожи на отрететированную методику психологической кастрации. Я тоже знаком с основами биологии. Вашими действиями руководит обида, негодование, желание обособиться. Неудача в любви?

– Хотите сказать, что вы иной, что впечатляющие детали

моего брэнного тела вас не взволновали, не породили похотливые мысли? Как думаете, почему я вам не верю? Всё банально просто. Прежде чем подойти ко мне, вы тщательно оценили параметры моего тела, раздели, примерили по частям и выставили четвёрку по пятибалльной шкале.

– Заинтриговали. Вы читаете мысли?

– Слюнотечения и эрекции не заметила, а похоть... Вы ей пропитаны насквозь. У меня обострённая интуиция и тонкое обоняние. Могу поспорить на что угодно – ваш дружок наготове, ждёт сигнал к началу штурма.

Вы совсем не шестикрылый серафим. Скажу больше, вы тоже искатель приключений, правда, склонны к эстетике отношений. Вы влюбляющийся, чувствительный, эмоциональный, сентиментальный, добрый, но неспособный к серьёзным отношениям человек. В вас слишком много сомнений и комплексов, не позволяющих доверять и уступать.

– Положим, вы правы. Я действительно избегаю привязанности, нахожу для этого миллион поводов. Разве это что-то меняет? Я холост. Мне до ужаса хочется настоящей близости. Не секса, хотя страстно его люблю, единства. Полного слияния душ и тел.

– Это лирика, слова, фимиам, желание понравиться. Это не меняет главного: вашими действиями движет похоть.

– На вашу откровенность отвечаю взаимно доверительно. Вы мне действительно понравились, единственная на этом празднике. Не скрываю – рассматривал, оценивал, мысленно примерил кольцо невесты. Теперь вовсе очарован. Вы мне верите?

– Я никому не верю, пока не обнаружу для этого основание. Продолжайте.

– Предлагаю выпить на брудершафт. Не буду пытаться внушить, что влюблён. Это не так. Если познакомившись чуть ближе, у нас не возникнет отвращения, думаю, для этого нет предпосылок, обещаю быть предельно откровенным. Хочу понравиться.

– Не могу сказать, что вы мне неприятны. Только не понимаю, Сева... Кстати, согласна перейти на ты. На моём теле сейчас сохранились отпечатки пальцев другого мужчины, с которым я была в очень близких отношениях. Неужели этот факт не раздражает, не трогает? Должна появиться ревность, раздражение, чувство брезгливости. Ведь он побывал и там. Мне, например, самой противно. Чувствую себя использованной. Преступная наивность, неспособность вовремя за-

метить. Что влюблённость прошла, а любовь не появилась. Это на меня похоже, увлеклась. Ничего нельзя принимать на веру.

– Извини, Алёна, я правильно назвал имя? Мы познакомились всего несколько минут назад, разве я могу требовать от тебя, или ты от меня, обнуления всего того, что происходило до? Правда, это нелепо? Давай всё-таки выпьем на бру-дершафт. Если позволишь, я тебя поцелую. Пробная попытка определить совместимость. У меня тоже были подружки, влюблялся. Полюбить пока не вышло, но очень хочется. Почему не тебя?

– Ты настойчив. Ход мыслей меня устраивает. Ладно, давай попробуем друг другу понравиться, только не здесь. Выйдем на балкон, поговорим без свидетелей. У меня много вопросов, готов ответить на них откровенно? Ты куришь?

– Нет. Не люблю табачный выхлоп.

– Годится, я тоже не курю. Начни ты, но не пытайся врать, я почувствую.

– Посмотри мне в глаза. Я тебе хоть чуточку интересен?

– Откуда мне знать? Я раздражена, обижена, хотела за-

быться, тут ты со своей похотью.

– погоди, нет нужды начинать диалог сначала. Похоть не причём. Поцелуемся?

Сева приблизил к девушке лицо, не отрывая взгляда, вдохнул естественный аромат её тела. Запах показался родным, до боли знакомым.

В нём был привкус знойной полуденной свежести цветущей лесной поляны, тенистой летней прохлады, ощущение уютного очага родного дома, свежей выпечки, сладкого материнского молока, счастливого детства.

Сева закрыл глаза, явственно почувствовав странное состояние, словно идёт через ущелье по натянутому как струна канату, но абсолютно не переживает, что будет дальше.

Доверчиво раскрытые для поцелуя губы девушки Сева отыскал, не открывая глаз.

Его затрясло. Прежде ничего подобного мужчина не испытывал. Он был счастлив, не отдавая себе отчёта, что могло быть особенного у ощущения обыкновенного поцелуя.

Безучастная вначале, Алёна вдруг прижалась теснее, об-

хватила руками его голову и беззвучно заплакала.

Они убежали, не прощаясь с именинником, долго гуляли по кромке реки. Ярko светила полная Луна. Вопросы и разговоры закончились.

Предельная близость согревала почти до утра. Они сидели, тесно обнявшись, ни на минуту не расцепляя рук, увлечённо целовались, потом отправились к Севке домой, долго пили горячий чай с конфетами и печеньем, не раздеваясь, улеглись под общее одеяло.

На столе осталась стоять немытая посуда, тарелки со сладостями. Севу этот беспорядок нисколько не бесил.

Ему было невыносимо радостно оттого, что рядом находится женщина, которая ему нужна.

Севка ужасно хотел дотрагиваться до аппетитной девичьей груди, гладить нежный животик, запустить руку под резинку трусов, но готов был ждать сколько угодно, не уступая сиюминутным желаниям, пока Алёна сама этого не захочет.

Сева не мог заснуть, переживал, анализировал, снова и снова представлял, с каким удовольствием и любовью приготовит утром завтрак, как разбудит Алёнушку, признается

в любви, предложит выйти за него замуж.

Савелий мысленно распланировал перестановку мебели, освободил шкафы и полки для вещей невесты, перекроил бюджет под общие нужды, наметил, что требует обновления и ремонта.

Ему было безразлично, что лежат они на новом комплекте белья в мягкой одежде. Что в комнате царит непривычный беспорядок.

Женщина, которую Сева обнимал, ощущалась родной, жизненно необходимой частью новой жизни.

Пусть теперь Алёна определяет и обустроивает дом под себя.

Севка готов согласиться с любыми переменами, перестройками и инициативами любимого человечка, если она этого захочет. Он беспредельно рад слышать размеренное дыхание, гулкое биение сердца, чувствовать тепло, исходящее от доверившейся ему женщины.

– Как же просто быть счастливым. Нужно только взять и захотеть.

Луна тихо заглядывала в окно, посылая на Землю мерцающий свет. На Севкином плече уютно, тихонечко посапывая, устроилась прелестная девушка, похожая на задиристого воробышка, самая красивая, самая желанная на свете.

Непослушный локон девичьей причёски щекотал Севкин нос. Можно было отстраниться, отодвинуть игривый завиток в сторону, но эта прядь была частью Алёны, к которой нужно привыкнуть.

Он боялся потревожить, разбудить любимую. Хотя рука давно затекла и гудела.

С каждой минутой Алёна казалась привлекательнее, роднее и ближе, хотя внешне ничего не менялось, кроме восприятия реальности, которая казалась волшебной сказкой, которую страшно было спугнуть.

Мечтая и грезя, Севка счастливо проживал с воображаемой женой день за днём, не понимая, что давно спит, что сон и явь слились в сознании в единое целое.

Мужчина и женщина поменялись ролями. Теперь Алёна с интересом разглядывала озарённое счастьем лицо любимого, представляла и переживала грядущие события, примеряла фату и свадебное платье.

Девушка была спокойна, нисколько не сомневалась, что смотрит на мужа, вспоминала подробности знакомства, странный диалог, позволивший узнать друг друга и решивший судьбу.

Застенчивый романтик Часть 1

Любовь! Любовь, любовь!!!

Эйфория, яркие эмоции, удивительное возбуждение, желание жить и действовать, распирающая изнутри радость, избыток энергии: откуда всё это появляется, ведь только что не было.

Мы страдаем от бессонницы, теряем аппетит, нервничаем, переживаем, ликуем, едва не взлетаем. Что ещё любопытнее – мы готовы совершать странные поступки, делать милые глупости, одна мысль о которых прежде заставила бы нас усомниться в своей нормальности.

На то и любовь.

Многим ли дано встретиться с настоящим чувством? Чаще просто загораемся как тонюсенькая спичка: сверкнём внезапной вспышкой с трескотнёй и вонючим дымом, выгорим дотла за мгновение и отлетаем в сторону обгорелым огрызком.

Не успели полюбить, уже разлюбили.

Не любовь это вовсе – так, влюблённость. Словно принял для поднятия тонуса горсть таблеток, купленных в соседней аптеке, проглотил и колотишься в экстазе, созерцая на ментальном экране некий романтический сюжет, разжигающий страсти, пока химия торкает.

Чем не наркомания?

Она и есть. Только что привыкания не вызывает.

Принцип действия иной. Больного, которому постоянно требуется новая влюблённость, можно было бы посочувствовать, если бы такая игра касалась только его. Так нет же, он походя разбивает сердца и калечит судьбы.

Дозу чувств и эмоций приходится раз за разом наращивать в тщетной попытке повторить тот незабвенный, самый первый улётный кайф, когда действительно влюбился, только ума не хватило это понять.

Увы, без истинной любви настоящее блаженство недостижимо, хоть со всеми разом переспи.

Оттого и приходится энтузиасту-исследователю периодически менять партнёров. Какая уж там любовь? Страсть, вожделение, похоть: бездарная игра на скрипке чужих эмоций.

Следом бесцветная пустота, раздражение, скука, перерастающая в ненависть и цинизм.

Петькина взрослая жизнь, точнее её телесная часть, завладевшая с того момента всем существом юноши, началась рано – где-то в районе четырнадцати лет.

Мечты и думы о неведомой, но желанной тайне, скрытой под одеждой у девочек, подчинили его сознание единственной цели много раньше.

Обращать внимание на женщин, точнее девочек, но старше себя возрастом, он начал лет с десяти. Тогда уже его волновали спелые груди и попки старшеклассниц.

Особенный интерес вызывало созерцание девочек в спортивном зале, где облегающая одежда позволяла внимательно, не торопясь рассмотреть интересующие детали.

Ещё его страстью была речка за домом, куда в тёплый сезон приходили купаться и загорать горожанки. Петька был великолепный ныряльщик: хорошо видел под водой с открытыми глазами, мог не дышать по несколько минут, преодолевая за это время значительное расстояние.

Обычно он прятался в камышах, откуда незаметно под-

ныривал под заигравшихся девчонок. Иногда просто трогал промеж ног, при удаче умудрялся стаскивать с них плавки или верх купальника.

Иногда ему удавалось наблюдать, как взрослые фигуристые тётки в кустах ивняка купаются голышом. За этим зрелищем можно было наблюдать долго. Дамы обычно плескались не торопясь: с любовью оглаживали округлые животики, объёмные груди, смело раздвигали ноги, подмывая самую сладкую подробность, дополняя это удовольствие скабрёзными шутками.

Несмотря на страсть к порочным занятиям он был простодушным и искренним мальчиком. Например, запросто мог сказать своему деду, – видишь, идёт девочка? Вон та, с двумя бантиками. Её Инга зовут. Правда, красивая? Я её так люблю.

– Ты что, Петушок, она же совсем старая для тебя. Ей поди лет семнадцать. В мамки тебе годится.

– Сердцу не прикажешь, – отвечал внук, – знаешь, как оно колотится, когда на эту Ингу смотрю, особенно в спортзале, если она без платья.

– Вот дурачок! Рано тебе на девчонок заглядываться. В

платье, без платя... Учись сынок и всё у тебя со временем будет. Девочки красивые сами тебя отыщут, когда созреешь. Сперва подрасти нужно. Всему своё время.

– Ничего-то ты дедушка не понимаешь. Пока я вырасту, какой-нибудь гадёныш из старшего класса женится на ней, а мне тогда что делать? Может быть, сказать, что она самая лучшая, в любви признаться?

– Ну, это ты, внук, загнул. В любви. Надо же! Она взрослая. Посмеётся над тобой да и только.

– Пусть только попробует. Подрасту – отомщу. Сам разлюблю и другим полюбить не дам.

– Уж ты разлюби поскорей. Прямо сейчас начинай бросать это безнадёжное занятие, так-то лучше будет. С одноклассницами дружи. С ними много во что поиграть можно. В салочки к примеру.

– Вот ещё. Свиристелки они все. У них даже титек нет.

Дед добродушно смеялся, гладил его по головке, прижимал к груди. Такие разговоры пробуждали у него романтические воспоминания о первой любви, о прогулках и несмелых поцелуях.

Позднее деду было не до смеха: Петька буквально преследовал одну особенно понравившуюся девочку: наблюдал тайком во дворе дома и в школе, забирался в темноте по лестнице к окну её комнаты, дождавшись момента, когда девочка раздевается.

Шила в мешке не утаишь. Слежка была раскрыта. Родители ученицы жаловались учителям, те вызывали родителей.

Петька не сдавался, атаковал девочку записками, каждое утро рисовал под её окнами сердце и писал “Петя плюс Вика = Любовь”.

Именно так, с большой буквы.

Влюблённость иссякла, когда Петька обнаружил Вику, целующуюся с одноклассником, Генкой Чайниковым.

Отомстил парню жестоко, кроваво, дважды.

Первый раз выстрелил бульжником из рогатки в голову. Кровь из раны незадачливого кавалера хлестала фонтаном, заливая глаз, в который снаряд не угодил чудом.

Этого Петьке показалось мало.

В следующий раз он набил футбольный мяч щёбёнкой, рассчитал траекторию движения Генки из школы домой и выставил этот капкан на тропинке.

Мальчишка сломал ногу, точнее ступню, раздробив мелкие плюсневые кости, с разбега ударив по мячу с разбега.

Петьке было плевать, что жертва страдает напрасно. Мальчишка представления не имел, отчего с ним происходят такие несчастья.

Генка ещё долго дружил с девочкой, пока не закончил учиться в школе. К тому времени, на самом деле гораздо раньше, Петька её разлюбил. Зато втюрился сразу в двух фигуристых подружек-хохотушек.

Влюблённый Петька бегал за девчонками, они спасались от него.

В это время в его сознании и произошёл поворот, как обычно по чистой случайности.

Как-то вечером, а жил он в частном доме, но в черте города, увидел у соседки, двадцатидвухлетней разведёнки Веры Кривонос, картинку в окне, которая потрясла его до глубины

души, до кончиков пальцев, даже больше.

Молодица раздевалась, не догадываясь, что стала предметом нескромного любопытства.

Петька долго, со вкусом, испытывая немислимое удовольствие от возбуждения, наблюдал, как Верка снимала с себя вещи, бесстыдно оглаживая округлые бёдра, спелые тыковки грудей, плоский животик.

Освещение в комнате было хорошее, зрение у Петьки и того лучше. Подробности было видно как на большом экране в кинотеатре.

Мальчишка подобрался ближе к окну, заморожено наблюдая с близкого расстояния за сказочным представлением.

Это было нечто. Бессовестно оголённая Вера крутилась у большого зеркала: пританцовывала нагишом, высоко задирала ноги, откровенно открывала интимные зоны, изображала возбуждение и похоть.

Тогда он в этих деталях не разбирался. Просто наблюдал.

Петька и прежде не раз видел любопытные тайны, что скрываются под платьями, но то, чего удалось подсмотреть у

Веры, убило наповал: у неё было потрясающе соблазнительное тело, которое женщина продемонстрировала в подробностях.

С тех пор мальчишка днём и ночью мечтал ещё и ещё раз увидеть нагую прелестницу. Каждый день он прокрадывался под заветные окна, затаившись просиживал до того момента, когда в окнах погаснет свет.

Увидеть чувственный танец удавалось редко.

Как-то само собой вышло, что успокаивая орган, раньше других реагирующий на женские особенности телосложения охотничьей стойкой, пытаясь успокоить его, чтобы не мешал мечтать, Петька научился некой таинственной процедуре, которая увлекла мальчишку с головой.

Секретными манипуляциями он стал заниматься ежедневно, думая о Верке и её сокрушительных деталях, вызывающих стойкую реакцию на столь мощный раздражитель.

Как-то раз соседка, неумело поправляя развалившийся забор, несколько раз вместо гвоздя нанесла удар по пальцам. Петька вызвался помочь. Вера загадочно улыбнулась и пригласила на чай с пирожным.

Пили долго, переглядываясь. Потом Петька побежал до ветра.

Вернувшись, мальчишка решительно обнял Веру за шею и бесстрашно засунул руку в вырез кофточки, ожидая и боясь скорой расправы.

Её не последовало.

Женщина напряглась, покраснела, но вырваться не стала.

С того дня Вера стала смотреть на него иначе, узрев, хоть и маленького, но мужчину.

С ухажёрами женщина была осторожна: ухаживания без обязательств пресекала на корню, а замуж, увы, никто не звал. По этой причине записные ходоки её не донимали.

Вдовой Вера стала неожиданно. Муж, шикарный широкоплечий красавец, спортсмен, подхватил какое-то экзотическое лихо, превратился за несколько месяцев в скелет, и скоропостижно скончался, оставив её и дочь практически без средств.

Вера долго не решалась на страшный шаг: маялась по но-

чам от вполне понятного желания быть с женщиной, старалась загнать его вглубь. Яркие видения, воспоминания о ласковых Петькиных прикосновениях возбуждали, дразнили, в итоге приносили опустошение и усталость.

Однако страстное неудовлетворённое желание пересилило страх.

Петька как-то сознался ей в грехе ежедневного подглядывания, озвучил волшебную мечту, облегчая начало неприятного диалога.

Мальчишка поведал, истекая слюной, о том, что видел через окно в возбуждающих подробностях, преданно заглядывал в глаза. Слушательница не на шутку распалилась, но вида старалась не подавать.

Закончив исповедь, Петька привалился к ней, захныкал, словно просил прощения, на самом деле пробовал желанные округлости на ощупь.

Вера приласкала мальчишку, сняла верхнюю часть одежды, прижала к горячей огнём груди. Возбуждение не позволяло дышать полной грудью, мысли путались.

Боязно!

На том и остановилась, хотя ночью ругала себя за нерешительность, когда мучилась от эротических видений, едва простыню от перевозбуждения не порвала.

Петька торжествовал, предвкушая продолжение, живо представлял его в неуёмных фантазиях.

Петька оказался ласковым, сообразительным, неутомимым, по-мужски сильным. Вера было планы на счастливую жизнь начала строить, но Петька не дал им сбыться, изменил направление мечты.

То, что уже испробовал с Верой, очень нравилось, но хотелось большего. Организм требовал новизны и разнообразия, обогащал фантазии уже накопленным опытом. Теперь ему любопытно стало отведать любовь старшеклассницы.

Такая оказия подоспела на Новый год. Был школьный карнавал с музыкой и танцами. Как водится, контрабандой на вечеринку протащили спиртное. Мальчишки пили водку, налитую в горячее какао, с пирожными. Со стороны это выглядело безобидно.

Петька тайком налил алкоголь и соседке по столу, Кире Сафиной, девочке чуть старше себя. Намеренно он это сде-

лал или то была не вполне удачная шутка – девчужке этой дозы вполне хватило, чтобы опьянеть.

Её изрядно развезло. Пётр вызвался Кирочку проводить.

Девочка боялась показаться в таком виде родителям. Решили выгуливать опьянение, пока подруга не придёт в норму.

Довольно быстро ребята замёрзли, но неприличное состояние никак подружку не отпускало. Пришлось вести девчонку к себе домой. В комнате брата, ключи от неё лежали под притолокой, никого не было, уехал с женой в гости.

Что случилось позднее рассказывать нет нужды, так понятно.

Верочка неплохо обучила оболтуса основам секса, но не сказала главного: что необходимо предохраняться от беременности. В принципе Петька не способен был привязать одно событие к другому. В его представлении дети попадали в женщин как-то иначе.

Конфуз случился. Кирочке надуло животик, что она долго и тщательно скрывала, боясь развязки. Родители у девочки были строгие, скорые на руку – выпороли от души, не пожа-

лели родное дитя для её же пользы, чтобы впредь nepовaдно было заниматься несанкционированной любовью.

Девочка устроила Петьке скандал, обещала посадить, но её родители решили иначе, не захотели огласки, потому дело спустили на тормозах, разыграв представление с заболеванием. Увезли в другой город, тайно сделали аборт, чтобы не испортить будущее.

Петька снова стал бегать к Вере, чему та немало обрадовалась, хотя боялась, пуще прежнего, что их связь может быть раскрыта. Парень-то несовершеннолетний.

Мальчик мужал, приобретал эротические навыки, научился быстро добиваться от девочек взаимности, что получалось отменно.

Красивой наружностью Петька не отличался: невысокий росточком, уши как у Чебурашки, рыжие волосы, конопухи во всю рожу. Правда, плечи широченные и ручищи-лопаты.

Зато он умел чувственным взглядом забираться оппонентке прямо под черепную коробку, вызывая невольную симпатию. И ещё голос: задушевный, мелодичный, убаюкивающий. Как примется Петька ласковые слова в ушко шептать – ни одна подружка устоять не в силах.

Петька не искал красавиц, усвоил, что они холодны и неприступны, имел уже соответствующий опыт. Его устраивали девочки простые, без особенных амбиций, которым в радость внимание и ласки, которые чувственно реагируют на комплименты.

Таких подружек убедить в любви было не сложно. Да и времени даром терять не приходилось. День-два и она твоя.

Слава умелого ходока пришла к нему благодаря легкодоступным девицам, передающим из уст в уста небылицы о Петькиных могучих способностях. Спустя небольшой срок он уже имел возможность выбирать из нескольких претенденток.

В любовных игрищах юноша действительно был неутомим, но всерьёз ни с кем не связывался: как только девчонка надоедала – сразу давал отставку, причём умудрялся завершать амурные приключения тихо, без скандалов и склок, с возможностью возвратиться при необходимости.

Учиться Петьке было неинтересно, хотя знания давались легко. После восьмого класса он ушёл в профтехучилище постигать профессию сварщика.

Обстановка в училище была не особенно серьёзной. С преподавателей спрашивали за успеваемость, учащиеся этим бессовестно пользовались, напропалую пропуская занятия. Лишь к практическим занятиям относились с уважением.

Судьба круто изменилась. Когда школьный друг, учившийся в это время в военном авиационном училище, имеющий способность всё романтизировать, убедил Петра, что нет в жизни ничего интереснее полётов и гарнизонной жизни военного лётчика. Обещал помочь с поступлением.

Петька оказался человеком ведомым, согласился почти без колебаний. Прошёл медкомиссию, подал заявление и поступил.

Застенчивый романтик Часть 2

Пять лет казарменной жизни с железной дисциплиной дались ему нелегко после лихой молодости. Нечастые увольнения, редкие знакомства и встречи с девушками. Расслабиться удавалось лишь во время отпуска. Тогда он пускался во все тяжкие.

На родину Петр приезжал в щегольской курсантской одежде, которая добавляла облику значимость, привлекательность и мужественность.

Первым делом он отправлялся с визитом к Верке и лишь когда насыщался сексом досыта, начинал романтические похождения, покоряя очарованных доблестным видом бывшего воина школьниц, которые летели к нему за любовью охотно, словно мотыльки на огонь.

Много девичьих сердец разбил он за краткие моменты отпусков, но нисколько по этому поводу не переживал.

Письма от очарованных им девочек в училище приходили ежедневно пачками. Петька и не думал на них отвечать, хотя иногда на него что-то ностальгическое находило. Тогда он покупал стопку открыток и отсылал сразу всем с одним и тем

же текстом – “Люблю! Целую!”

Эротические грёзы преследовали Петьку повсюду, даже во время полётов, причиняя немалые страдания. Однако это не помешало ему получить звание лейтенанта.

Служить направили в Киргизию, откуда полк истребительной авиации совершал ежедневные боевые вылеты в Афганистан. Несмотря на то, что пилоты постоянно рисковали жизнью, девушек, желающих любви военных лётчиков оказалось больше чем достаточно.

Петька чуть не каждую неделю выбирал себе новую невесту.

Выглядел он браво: неожиданно подрос, раздался ещё шире в плечах, отрастил заливчатские усики, полюбил щеголять в военной форме, которая была бесподобно хороша. К тому же он получал приличное денежное довольствие плюс боевые надбавки за каждый вылет, что позволяло не экономить на любимом увлечении.

Шикануть он любил, особенно вначале знакомства. Новых подружек, рассчитывающих на серьёзные отношения, обычно ослеплял щедростью: заваливал цветами, подарками, водил по ресторанам, не жалея средств.

Когда в полку начались серьёзные боевые потери он и все с катушек слетел, меняя девчонок чуть не ежедневно. Вдруг сегодня в последний раз?

Пётр привычно вышел за проходную и увидел поодаль, лётчики называли это место выставкой, скромную девицу, потупившую взгляд, которая застенчиво мяла в руке цветастый платок.

На этом пяточке девчонки стояли с единственной целью – отхватить в мужья бравого лейтенанта, который со временем, возможно, станет полковником или генералом.

Здесь практиковались товарно-денежные отношения. Проиграть или выиграть могли оба. Девушка продавала свою юность и привлекательность, иногда непорочность, а юноша – туманное, но в случае удачи обеспеченное будущее. О том, что лётчики ежедневно рискуют жизнью, девчата по молодости не особенно задумывались.

Девчонка, на которую он обратил внимание, это было видно невооружённым взглядом, явно деревенская. Наверно это и привлекло Петра в первую очередь. С деревенскими проще договориться.

Он сразу принял охотничью стойку, почуяв лёгкую, но весьма привлекательную добычу.

Искательницу приключений видно за версту. Привыкшие к мужской ласке кокетки ведут себя раскованно, глаз не прячут, эта одета незатейливо. Ведёт себя скромно.

Серенькое платьице ниже колен, платок на плечах, простенькие туфельки без каблука, непритязательная сумочка, больше похожая на хозяйственную принадлежность, нежели на предмет женской галантереи.

Волосы девушки собраны в хвост, затянутый тонкой белой лентой. Ногти подстрижены под корень. На лице с приятной природной свежестью нет даже следа макияжа.

Как такая простушка могла оказаться на ярмарке офицерских невест, которая нисколько не гарантировала серьёзных отношений? Сюда чаще приходят шумно и весело провести вечер за чужой счёт.

Замужество – лишь случайный бонус, который не так просто заслужить. Для этого нужно очень постараться. Большинство пилотов – молодые ребята. Связывать свою жизнь цепями и узами семейных отношений, лишаясь возможности разнообразить сексуальное меню – это не для них.

Вон сколько претенденток. Отказывают редко.

Пётр пригляделся к девушке, прикинул вероятность блиц-крига. Свои шансы определил как довольно высокие и подошёл.

– Зовут-то тебя как, прелестница?

– Илонка.

– Надо же. У тебя и имя такое же прелестное, как личико.

Девушка зарделась, посмотрела на Петра, склонив голову набок, нервно облизнула губы. Их влажный блеск и чётко очерченные контуры вызвали у опытного обольстителя обострённый сексуальный аппетит.

– Девочка-то, ого-го! Совратить такую недотрогу дорогого стоит. Это тебе не записная развратница, у которой тот же спортивный интерес, что и у охотника.

Такую скромницу ещё завоёвывать нужно. Но стоит ли тратить драгоценное время. Судьба боевого пилота – лотерея.

– Может быть ну её?

Во внутреннем кармане у Петра лежит записная книжечка, а в ней десятки телефонов безотказных, как автомат Калашникова, проверенных временем девиц, знающих своё дело.

Однако в голове что-то неслышно щёлкнуло, заставляя продолжить знакомство. Чем зацепила его эта серая пичуга, он сам не понял, но настойчивость проявил.

– Скучаешь?

– Нет, жду.

– Не меня ли ожидаешь, прелестница? Я сегодня один как перст. Готов составить компанию. Вместе веселее.

– Не думаю.

– Тогда скажи, о чём думаешь.

– О том, что у меня здесь встреча назначена с парнем из нашей деревни, а его нет и нет.

– Он лётчик? В нашей эскадрилье летает?

– Да. Мы с ним договаривались. Обещал с квартирой помочь, на работу устроить. Я ведь к нему приехала. Летом в отпуске был, звал замуж.

– Фамилию лётчика помнишь?

– Ефимов. Максим Ефимов.

– Да, девочка, дела. Как и сказать не знаю... Не придёт твой Максим. Совсем. Погиб геройски неделю назад.

– Врёшь!

– Пойдём, я тебя в штаб проведу. Обманывать, резона нет. Кто о таком шутит.

Девчущка разрыдалась взхлёб. Петька тоже расстроился, хотя смерть давно не вызывала у него сильных эмоций. Сопереживание, какого прежде никогда не испытывал, выключило сознание. Это было что-то новое, из области увлекательного неведомого.

Что происходило в ближайшие несколько минут, он не помнил. Очнулся, когда утонул в мягких податливых губах Илонки, испытав невиданную прежде сладость.

Когда девушка пришла в себя, с выражением ужаса на лице отпрянула, испугавшись произошедшего.

У Петра была арендована тайная квартира, куда он приводил подружек. Её сдавала внаём семья, переехавшая из города, в котором он родился и рос. Брели немного, никому больше не предлагали, потому, что Пётр пользовался ей постоянно и платил исправно.

Не хотелось парню терять такое удобное гнёздышко, но подругу погибшего друга он не мог оставить на улице. Здесь он откровенно кокетничал сам с собой: Илонку Пётр воспринимал несколько иначе, чем всех прежних девчонок.

Память о друге была лишь зацепкой. Дело в том, что внутри у него что-то перевернулось.

Почувствовав на губах вкус непорочной девственности, обмануть его было сложно, Петька потерял покой. Он не отдавал себе отчёт, в чём причина такой невиданной с его стороны щедрости и неожиданного сопереживания, действовал спонтанно, безотчётно, не в силах отвести глаз от случайной подружки.

Полк находился на военном положении. Расслабиться за

пределами части давали лишь тогда, когда боевую машину ставили на плановые технические работы или сразу после удачных боевых вылетов.

Потерянного даром дня было до страсти жалко, однако Петька, не задумываясь, повёл Илонку в снятую комнату, обуреваемый мутными, совсем неоднозначными мыслями, которые разрывали сознание на части.

Он мечтал об этой девочке, представляя то одно, то другое, не решаясь принять окончательное решение. Волнение, связанное с Илонкой, не унималось.

Петька понимал: нельзя лезть к невесте погибшего друга с непристойным предложением в первый же день.

– Видно будет. К таким девчонкам лучше вообще не приближаться. Не успеешь глазом моргнуть – захомутает.

Лицо Илоны не отличалось особенной красотой, оно было наивное, беспомощное, живое, подвижное, трогательное, привлекало неповторимостью, своеобразием. Её внешность не сливалась в мыслях в обыденные определения, которыми мужчина привык маркировать подружек. Она была исключением из всех знакомых правил.

Петьке хотелось смотреть и смотреть на паутинку светлых морщинок на загорелом деревенском лице, живущую своей жизнью мимику, отражающую каждое душевное движение.

Илона не умела скрывать эмоции и мысли. Серые с искринкой глаза отражали каждое движение души, цепляли искренностью и простодушием, примагничивали внимание, посылали неведомые сознанию импульсы, ускоряющие ток крови.

Девочка не имела возможности скрыть свои эмоции, которые переполняли всё её существо. Возможно, причиной одухотворённости и чувственности была новость о смерти жениха, но Петька заметил Илонку несколько раньше и пошёл именно потому, что заинтересовался чем-то особенным в облике.

Илона жила здесь и сейчас, реагировала на события и речь настолько чувственно, что умудрялась насыщать простые слова энергией сопричастности. Похоже, именно выразительные эмоции делали её внешность привлекательной.

Петькина чувственность была примитивной, грубой, полностью настроенной на процесс ускоренного завоевания женской благосклонности в постельном варианте. Лишь от секса он испытывал истинное наслаждение, только о нём мог

подолгу говорить и думать.

Способность неумоимо и изобретательно проникать внутрь девичьего цветка, испытывая наслаждение от мастерского владения грубой мужской силой, с юности была предметом его гордости.

Петька мог заставить любую женщину, с которой удавалось договориться, испытывать животные страсти, выразительно и ярко отражающиеся на её лице.

Он обязательно должен был сорвать аплодисменты в виде экстатического восторга и чувственного крика подружки, что заводило гораздо больше самого процесса. Довести женщину до точки кипения получалось у лейтенанта Кирпикова виртуозно.

Петька запросто брался на спор довести до экзальтации девчонок, которых другие офицеры считали безнадёжно фригидными, бился об заклад и неизменно выигрывал пари. Такие проделки были для него любимым развлечением.

Среди записных подруг местного гарнизона Петька пользовался неизменным успехом. Ему не отказывали, даже когда появлялся с пустыми карманами. Среди утешительниц свидание с лихим лейтенантом считалось везением.

Он никогда не выключал свет во время эротических сеансов, очень любил смотреть на переживания очередной любовницы, так же быстро забывая её, как и завоевывая.

Именно так он чувствовал. Акт любви был поединком, в котором он должен стать непременно победителем, господином.

Петька никогда не забывал, что перед ним всего лишь самка, которую нужно удовлетворить, чтобы потешить собственное гипертрофированное эго. Причём так, чтобы она умоляла его о похотливом желании с ним совокупиться, ещё и ещё раз испытать серию оргазмов, добывать которые он умел.

Женщины в его руках стонали и плакали. Напряжённые, сосредоточенные на физическом удовлетворении древних, как мир потребностей, они отдавались Петьке с благодарностью и желанием.

Выражение их налитых кровью лиц в процессе любовных забав застывало в трансе, отражающем страдания изнывающей, трепещущей в агонии страсти плоти, чрезмерно воодушевлённые внутренние акты. Финалом восторгались почти все подружки.

Петька привык иметь, употреблять женщин по единственно возможному с его точки зрения назначению, которое заключается в умелом возбуждении мужского эго.

Он ценил способность и потребность женщин подчиняться и подстраиваться, умение угадать сиюминутные желания мужчины, правильно и вовремя напрячь нужные мышцы там и так, как ему хочется, чтобы получить наивысшее наслаждение, которое заканчивалось одним извержением и сразу начиналось другим, пока оба не упадут в изнеможении.

Заниматься любимым делом Петька мог бесконечно. Его орудие всегда было в рабочем состоянии и не давало осечек.

Сейчас предмет его гордости застенчиво спрятался, не высывая головы, словно над ним провели таинственный мистический обряд, лишив владельца главного, что имело смысл в абсурдной жизни, не имеющей для боевого лётчика никакой ценности.

Что толку в земном существовании, если оно может закончиться в любую минуту, что и происходило во время боевых вылетов?

Ефим Максимов, несостоявшийся Илонкин жених, остан-

ки которого собрали на месте крушения кусками, уже разменял земной путь на Звезду Героя, если конечно её не захочет нацепить на грудь нуждающийся ещё в одной побрякушке генерал.

Пилоты легко, практически не задумываясь, отдают свои молодые жизни за денежные знаки, награды и звания.

Петька не желал думать о смерти. Он офицер, обязан выполнять приказ независимо от обстоятельств.

Сейчас он хотел видеть глубокие серые глаза, чётко очерченные влажные губы необычной формы, чувственную, но грустную мимику, вздымающуюся от дыхания тяжёлую грудь. Девушка притягивала его внимание, завладела чувствами и мыслями.

Илона страдала. Петька был впечатлён глубиной её чувств, пытался предугадать желания и мысли. Впервые в жизни он по-настоящему сопереживал.

Год боевых полётов остудил его сердце, поселив холодное равнодушие.

Петька помнил этого светловолосого высокого парня: сильного, спортивного, пластичного. Его всегда удивляла

способность Максимова запросто ходить на руках, время от времени подпрыгивая и балансируя всего на одной из них.

Ефим умел легко, непринужденно закручивать и перемещать тренированное гибкое тело в пространстве, словно для этого не требовалось усилий. Гимнастические способности парня потрясли. Всё перечеркнуло одно единственное слово – был.

Возможно, через несколько дней и про Петьку скажут так же. Именно поэтому нельзя терять ни минуты, даря девочкам себя, свою недюжинную сексуальную силу, получая от них соответствующие бонусы.

Пусть он запомнится хотя бы этим. Наверно способность дарить оргазмы тоже чего-нибудь стоит. Петька не собирался закапывать свой талант в землю. Он ещё не нагулялся, как следует.

Впереди ещё много любовных побед. Не беда, если некоторым из них повезёт забеременеть – пусть учатся предохраняться. Он же мужчина, значит, должен уметь делать детей. Даже обязан.

Несправедливо, когда после тебя ничего не останется.

Что с детьми будет дальше, не его проблемы. Петька никому никогда ничего не обещает, кроме наслаждения от секса. Между прочим, чаще всего не бесплатно.

Выпивка и закуска всегда за его счёт. На расходы Пётр денег не жалеет. Любит, чтобы приправа к главному блюду была острая и пикантная.

Раскрасневшийся от напряжённых размышлений Петька идёт рядом с Илонкой, тащит тяжёлый чемодан, искоса на неё посматривая, но не может решиться даже за руку взять. Что за беда? Никогда прежде не испытывал он подобных проблем.

Застенчивый романтик Часть 3

Девушка растерянно молчала, лихорадочно перебирая в уме возможные варианты развития событий, ей было не до разговоров. Жизнь снова и снова преподносит неприятные сюрпризы, круто меняя судьбу. Что ждёт завтра – неизвестно.

Уезжать домой, откуда убежала со скандалом, ужасно не хочется. В деревенском хозяйстве всегда рук не хватает, заняться есть чем, но вернуться, значит согласиться с безрадостной перспективой тяжёлого крестьянского труда, жить по чужим правилам.

Чего она там не видела: отца – горького пьяницу, постоянно распускающего руки, мать, в сорок пять лет превратившуюся в старуху, сестёр, пухнувших чуть не всю зиму от голода, огород пятьдесят соток и скотину, требующую кругло-суточно ухода?

Пропади она пропадом, такая прекрасная жизнь. Уж лучше на завод устроиться и жить в общежитии. Девчонки рассказывали, что там всё по расписанию и еды вдоволь.

Илона потому к Ефиму и поехала, что не может больше

жить хуже скотины. Ту хоть кормят вовремя и не бьют. Единственная надежда была вырваться из ада и что теперь?

– Допустим, устроит этот бравый офицерик с ушами как у Чебурашки на ночь, дальше-то что? Бегать в поисках работы в чужом городе, где большинство людей разговаривает на незнакомом языке?

Кто знает, что у них на уме. Да и у Петра этого, тоже. Вон как глазищами сверлит, раздеть взглядом норовит. Кто знает, что у него на уме. Там и до беды недалеко. С поцелуем и объятиями сразу полез, изображал сочувствие.

Нет, это не выход. Пусть, конечно, поможет. Переночевать-то нужно, а рано утром бежать без оглядки. Только куда? Вот ведь лихо, как прицепится – не отлепишь.

Просторный старый дом с большим фруктовым садом, обилие ярких цветов, прохладная тень, сладковатые экзотические запахи впечатлили, даже настроение улучшилось.

Чистота внутреннего пространства так отличались от беспорядка и неустроенности быта там, на родине, что Илонке захотелось хоть немножко, совсем чуточку пожить в такой роскоши.

Сад был наполнен таинственными, совсем неизвестными звуками. Откуда-то изнутри, постоянно меняя направление, появлялись и исчезали, то звон цикад, то пение неизвестных птиц. Иногда воздух взрывал страшноватый, режущий слух крик осла.

Пётр прошёл вглубь двора, который обвивали виноградные лозы и плетистые розы, усыпанные большущими бутонами, поставил чемодан возле низкого деревянного стола, снял туфли, попросил девочку сделать то же самое.

Его глаза больше не бегали. Мужчина улыбнулся и присел на ковёр возле столика, жестом приглашая Илону.

– Тебе здесь понравится. Хозяйева этого дома мои земляки, можно сказать друзья. Они русские, инженеры на текстильной фабрике. Приехали налаживать новое оборудование, обучать персонал, да так и остались.

Замечательные люди. Вот увидишь. Я у них комнату снимаю... Кхм-кхм. Отдыхаю иногда от спартанской обстановки казармы. А вот и Яночка идёт, дочка хозяев. Познакомься девочка, это Илона.

Она приехала к жениху... да, вот, а его как бы... кхм-кхм... сбили его... на днях сбили. Да! Ну вот, я и говорю,

это его невеста, значит, Илона зовут. Ехала на праздник, а вышло... Да! Она здесь пока поживёт, значит, да, пока поживёт, вот.

Яночка была одета в национальную одежду киргизов, включая непременные атрибуты, такие, как шаровары, цветастое платье до пят, платок и украшения на руках и шее.

– Не обращайтесь внимания, Илона. Так проще общаться с местным населением. Мы привыкли, нас давно принимают за своих. Вы пьёте зелёный чай или лучше чёрный?

– Если можно, холодную воду.

– Тогда компот или сок. Чай вы совсем не пьёте?

– Пью, только я целый день без воды. У меня наверно скоро кожа лопнет от жажды. Извините за беспокойство.

– Что же ты, невеста, такая стеснительная?

— Да я, собственно и не невеста совсем, мы даже не целовались ни разу. Ефим – парень из нашей деревни. Приезжал недавно на побывку, замуж позвал, я и сорвалась к нему. Договорились, что попробуем вместе жить, а там видно будет. Видно зря приехала.

У Петьки глаза заблестели от новости. Это же здорово. Никакая она не невеста, просто знакомая, значит, и переживать не о чем. С другой стороны – зачем связываться с девчонкой-недотрогой? Уговаривать замучаешься.

Нет у него ни сил, ни времени, ни желания обхаживать застенчивую девственницу.

Петька покрутил эту мысль в голове, смакуя потенциальные возможности, но тут же отбросил, как глупую и чересчур затратную идею.

– Что я, мальчик что ли? Безотказных прелестниц пруди пруди, только свистни – прибегут.

Яночка подала чай по восточному обычаю, на дастархане: пиалы, только что заваренный чайник, орехи, сухофрукты, сладости и национальную выпечку. Девушке принесла запотевший графин компота.

Так за Илоной никто не ухаживал. Она обречённо вздохнула: не про неё этот праздник жизни. Уезжать придётся, хотя пока всё устраивается чудесным образом.

– Подушку бы сейчас и поспать в тенёчке, – мечтательно

подумала девушка.

Словно подслушав желание, Яночка уже несла вышитые подушки и тонкую накидку, чтобы укрыться.

– Отдыхайте, не буду вам мешать. Ваша комната, Петя, как всегда открыта. Бельё свежее постелено. Покушаете, можете идти спать.

– Илона одна будет жить. Вы, пожалуйста, за ней присмотрите. Я имею в виду еду и всё прочее. У девочки такое горе.

Яночка как-то странно посмотрела на Петра, пожала плечами и улыбнулась.

– Для вас, Пётр Андреевич, что угодно. Вы же свой. Пусть хоть совсем переселяется, будем рады. Мы постараемся, чтобы гостье понравилось. Вы, Илоночка, не стесняйтесь, располагайтесь как дома. Родители придут с работы, я вас познакомлю.

Когда девушка прилегла, вожделение Петьку всё же посетило, но он его усмирил. Трудно было с непривычки обуздать взбрыкнувшее желание, но он справился.

Не успела девочка положить голову на подушку, как тут

же уснула. Пётр пытался её разбудить, шептал на ушко, что спать нужно в комнате, Илона лишь посапывала да носик морщила.

Долго наблюдал Петька за этим безобразием, пытаясь не думать о привычной страсти, перебирая в уме различные варианты развития событий.

Перед ним, доверчиво развалившись на топчане, лежала настоящая лесная нимфа: распаренная полуденным зноем, румяная, нежная.

Платьишко девушки слегка сбилось, оголив круглые колени, грудь аппетитной горкой вздымается ровным дыханием, аппетитные округлости притягивают взор, словно магнитом.

Кровь как назло устремилась в центр блаженства, разбудила дремавшее естество, отчего по телу побежала волна вожделения. Воля, которую он пытался сжать в кулак, подчиняться никак не желала, настойчиво требуя законную премию.

Ничего не поделаешь – многолетняя привычка. Очень уж хочется Петьке отведать райское яблочко из девственно благоухающего сада. Он даже руку до крови прикусил от беси-

лия.

Дудки, нет у него права рвать цветы из этой клумбы! Даже познакомиться, как следует, не успели. Не может Петька с Илоной поступить не по совести. Она особенная.

Вот такая нехорошая, понимаешь, непонятная история приключилась.

Неизвестно по какой причине, Петька даже мысли допустить не мог, чтобы обидеть Илону. Он пожалел, что грешил прежде, что не дождался женщину, с которой жизнь могла сложиться иначе.

Впервые Пётр подумал о том, что шуры-муры, любовь-морковь и яркие нежные чувства не пустой звук, что есть девушки, с которыми грубый секс связать невозможно, по отношению к Илоне похоть выглядит грязным извращением.

Нестерпимо захотелось дотронуться пальцем до её губ, вдохнуть запах разомлевшего тела, погладить разметавшиеся по подушке локоны.

Это он, Петька, и совсем не он. Кому расскажи, какая блажь вертится в голове, насмерть засмеют.

– Придётся теперь с опухшими причиндалами в казарму возвращаться. А если ночью на задание? Беда, братцы, – заскулил бравый лейтенант.

Чем дольше он на девчонку смотрел, тем сильнее заводился.

– Мотать отсюда нужно и как можно скорее, пока не натворил чего непотребного. Лихо-то как! Ладно, на проходной наверняка давалки ещё дежурят. По-быстрому в ближайшей гостинице перепихнуться и спать. Да уж, уснёшь тут, когда мысли только о ней. Вот ведь навязалась на мою грешную голову. Пройди мимо – человеком бы себя чувствовал.

Нельзя, никак нельзя боевому лётчику в любовь играть. И как поступить? Отнести по-тихому в комнату, зажать рот да вдуть?

Пусть потом сидит и ждёт, когда я с задания прилечу. Никуда не денется. У неё даже денег на обратную дорогу нет. Поживёт наложницей, полевой женой, там видно будет. Вот как по уму нужно бы сделать.

Пётр осторожно взял Илону на руки, благо она лёгкая, как

пушинка, невесомая, оглядываясь, отнёс в комнату.

Девочка даже не проснулась, лишь посапывала потешно да носик морщила: переволновалась бедолага, устала.

Петька возбуждился не в меру, принялся раздевать её дрожащими руками, накручивая неумёмное желание, от которого горело и сладко ныло внутри.

Под задранной до самого бюстгалтера тканью платья вибрировал в такт дыханию соблазнительный животик. Нежная упругая кожа, которую Петька начал исследовать губами и гладковыбритой щекой, пахла желанием и страстью.

Осторожно приподняв пальцами резинку трусиков, лейтенант заглянул в запретную зону, где кучерявилась причёска интимного рая, вход в который был практически свободен. Разве может эта пигалица оказать серьёзное сопротивление?

Медленно, словно тайком лезет в чей-то карман, Пётр приспустил трикотажную ткань, обнажившую треугольник вожделения, принялся к благоуханию непорочного интимного благовония, отчего у него закружилась голова, и вырвался стон влечения.

Илона повернулась набок, подтянула к животу колени, по-

чмокала губами и улыбнулась.

Пётр сходил с ума от подступившего к самому горлу желания, но решиться на большее не мог.

Укусив до крови ладонь, сжав до скрежета челюсти, чуть не перемолов в песок зубы мужчина убрал от желанного тела руки, подтянул трусики и одёрнул подол, не в силах восстановить сбившееся дыхание и унять биение сердца.

С досадой посмотрев на спящую, ничего не подозревающую девочку, он безжалостно врезал себе по скуле.

– Идиот. Она же девственница, она доверилась тебе. Так нельзя, нельзя!

Пётр взял бумагу, ручку, накарябал вибрирующей рукой несколько кривых строк, чтобы ждала. Разговор, мол, есть и вообще. Положил сверху записки несколько денежных купюр, чтобы хватило его дожидаться, и ушёл.

На выходе из комнаты вернулся, вытер со лба пот, перекрестился, хотя давно ни во что не верил, и поцеловал девочку в губы. Нежно, еле дотронулся, чтобы не почувствовала, не проснулась, но изысканный вкус успел почувствовать.

– Сладкая, желанная, – успокаивал и уговаривал Петька себя, – иди, иди уже скорее, не буди лихо. Торопись, пока силы есть не совершать непоправимое.

Петруха опрометью выбежал из дома, даже с хозяевами не попрощался, хотя видел Яночку краем глаза.

– Совсем чокнулся. Надо же, придурок какой. Девочка! Да и хрен бы с ним. Мало я девочек бабами сделал? Между прочим, не всегда по их желанию. Была бы ещё бы одна до кучи.

Для того их и рожают, чтобы нас ублажали. Бабы только ноги расставлять годятся, да и тому учить нужно. Какой от неё прок, от её целомудренности?

Из Илонки неплохая боевая подруга вышла бы. Любо-дорого. Может быть того, вернуться? Чего из себя мальчика-одуванчика строить? Сделал дело – гуляй смело. Бабы тащатся от тех, кто совратил.

Ладно, пусть пока дитём поживёт. Думать нужно, как дальше поступить. Окрутила зараза. Тьфу на неё! Сниму сейчас шмару посимпотнее: чтобы сиськи как резиновые мячики, талия осиная, задница как орех и пулемётной очередью до самых кишок расстреливать буду, пока дух не выпу-

щу. Пусть сука старается, пусть лечит советского офицера от любовного недуга. Идиот, ну, брат и идиот же ты!

Если одной тёлки не хватит, другую возьму. Мне не откажут. Это надо же, до чего деревенская дурочка braveго лейтенанта перед боевым вылетом довела? Куда годится? Нет, нужно сразу двух давалок брать. Пусть работают. Трясёт всего.

Если живой вернусь, оттрахаю эту Илону как последнюю, как...

Да нет же. Чего, правда, ****ей не хватает? Ну, одолею её, силу покажу, дальше что? А если руки на себя наложит срама спасаясь? Бабы – они же дуры набитые. Чуть что – изнасиловали, чести лишили. Тьфу! Радоваться нужно, что настоящий мужик грёбаной щелью не побрезговал, а они... Дуры!

Нет, Илона не такая. Она чистая, солнечная. От неё материнским молоком и спелыми фруктами пахнет. А не похотью, как от всех этих...

Господи, какого чёрта я за неё судьбу определяю. Разве нельзя по уму жить, чтобы всем хорошо было? Да она сама в меня втюрится, дурень, если с подходцем, ласково. Насильно

потом не оторвёшь от настоящего секса. С моими-то эротическими способностями.

А вон и девки. Боже, какие же они в сравнении с Илонкой убогие. Да нахер они мне нужны? Я что, конь в охоте или свирепый кролик? Девчонка улыбаётся, доверилась, а я... Осёл ушастый. Самый настоящий осёл у которого мужское достоинство больше, чем мозг.

Хотя, вон та, Маринка, ничего вроде бабёшка, в теле, стараётся угодить, подмахивает. И эта, Леночка, тоже классно ноги задирает.

Чего это я вдруг копать начал? Девки как девки. Как батя говорил, – с лица воду не пить. Между ног у всех одинаково. Лишь бы в охоте были и здоровые.

Рассуждая, Петька резвым шагом направился к жрицам любви, вызвав в их рядах неожиданный переполох. Девочки начали оправляться, демонстративно вытащили расчёски и помаду, начали стрелять глазками, оглаживать бёдра и груди.

– Петруха, товарищ лейтенант, к нам подруливайте. На любой вкус девочки.

– Некогда мне с вами, – неожиданно даже для себя заявил

Петька, – ночью боевой вылет, выспаться нужно.

– Как знаете, лейтенант Полуянов. Завтра для вас может не случиться.

– Ты что сейчас шалава сказала? Зашибу суку! Красотка, бля! Зубы сперва вставь. Сиськи до пупа висят, ноги кривые, рожа страшная, а туда же...

– Ты чего, Петь! Вчера нравилась, всю ночь не слезал, в любви признавался.

– На безрыбье и рак рыба. Мы же воблу под пиво хвалим, вот и я... того... И вообще, взяли моду, офицера обсуждать, мать вашу! Справки у вас есть о состоянии здоровья? Развели тут бордель! Шалавы. Чтоб больше вас здесь не видел!

– Какая муха тебя укусила? Мы же тебе почти родными стали. Можно сказать, боевые подруги. В огонь и в воду, как декабристки. Я у вас, Петенька, каждый прищик на жопе изучила.

– Декабристки хреновы, задаром сиську ущипнуть не дадите.

– Девки, да он влюбился, зуб даю. Витька Трошин, сколь-

ко нас пользовал, а как жениться решил, мы все для него разом оказались ****ями. На свадьбу-то позовешь?

– Да пошли вы! У вас каждый день свадьба, да не одна.

– Ну, девки, что я вам говорила? Иди уже, девственник хренов, свистульку не забудь продезинфицировать, а то сделаешь невесте свадебный подарочек. Она очень обрадуется.

– Цыц, свиристелки!

Петька шёл и злился. На себя, на девок, на Илонку, будь она неладна.

– Ну чего у неё такого, чего у других девчонок нет? Всё на тех же местах. Ни одной лишней детали, ничего выдающегося, кроме целки, да и та под вопросом. Чем она меня загарпунила? Чем, спрашиваю? Гипноз, приворот?

Ага! Вот прямо специально охотилась, делать ей больше нечего. Всю Киргизию пешком обошла, а на меня глаз положила.

Держи карман шире. Сам за ней набегаешься.

А с чего, собственно, бегать за ней? Эка цаца!. Нет, Пет-

руха, с этой игрой надо заканчивать. Может сразу в дурку сдать? Только туда мне и дорога. Девка-то так себе, второй сорт: ни кожи, ни рожи. Одни глаза...

Зато, какие глаза! Чудо из чудес. Глядит – словно губами ласкает. От одного взгляда всё нахрен встаёт. На неё только смотреть и можно. Чертовщина право-слово.

Сладкая, зараза, желанная. Но девки на проходной дешевле обойдутся. Зачем я их только послал?

Ну и хрен с ними. Больно мне эти мокрощёлки нужны. Многостаночницы. Сегодня здесь, завтра – там. Лечись потом.

Илоночка. Имя-то, какое. Как колокольчик. Звучит, переливается. И-ло-ноч-ка...

Ночка, бля! Ага, без сна да с больными яйцами, а утром в бой. Башка дурная, хрен болит, руки как у алкаша трясутся. Моджахеды трах-бах из зенитки и в куски. Она что ли мои останки оплакивать будет? Больно ей надо.

С чего бы ей страдать? Я для неё кто? Она меня знать не знает. Разок поцеловал и размяк? Так она том факте ни сном, ни духом. Ромео! Побереги себя, брат, для других по-

бед. Летай, Петруха, во славу Родины, пока летается. И трахай всё, что шевелится. Жизнь коротка.

Широко расставляя ноги, с идиотским выражением на лице Петька побрёл в казарму. Заснуть не удалось. Даже ужинать не стал – аппетит испарился.

Мозги постепенно превращались в кисель, проворачивая каждую мысль всё с большим усилием. Зверёк между ног ни на мгновение не давал покоя. Пришлось посреди ночи идти под холодный душ, чтобы успокоить любовный зуд.

Продрогший, измученный и злой Петька снова попытался заснуть. В этот момент включили свет и объявили боевую тревогу.

Как назло, когда уже отбомбился, на развороте борт зацепило снарядом. Реакции на опасную пробоину не последовало, в голове вместо обычно чётких мыслей и автоматически выполняемого алгоритма действий, в пустоте плавала мутная жижа безразличия.

Нужно бы катапультироваться, но Петька о таком варианте спасения просто забыл. Попытался планировать, кое-как встал на крыло, пошёл на медленное снижение. Что и как происходило дальше, убей – не помнит. Грубо, едва избежав

взрыва сел на пузо, почти удачно.

Машину приземлилась на минном поле, на территории, контролируемой нашими войсками. Позже за проявленную доблесть, за героизм и спасение боевой машины ему присвоили внеочередное звание, вручили орден.

Всю дорогу до базы в мозгу вертелась единственная мысль, – хоть бы Илонка дождалась.

Облик девочки стоял перед глазами.

– Какой же я идиот. Яркие девки с проходной в подмётки ей не годятся. Просто Илонкина красота не каждому видна. Я рассмотрел.

На его счастье, дуракам всегда везёт, не получил парень ни одного серьёзного повреждения.

В казарме Петька проспал до самого обеда. Проснувшись, отпросился в увольнение и отправился к Илонке.

Бежал всю дорогу, не замечая окружающего, с одной единственной мыслью, – если бы не эта милая девочка, меня бы уже не было. Я ведь почему машину посадил? Про Илону думал, ни о чём больше мыслить не мог.

Илонка с Яной сидели в саду.

Девушка вскочила и иноходью понеслась к Петьке. Немного не добежав встала как вкопанная, опустила глаза в пол.

– Здравствуйте, Петя!

– Илонка, миленькая, как же я рад тебя видеть. Выходи за меня замуж.

– Без любви? Мы же ничего друг о друге не знаем. Не знакомились, не гуляли, в любви не клялись. Так не бывает. Это неправильно.

– Скажи, что я, по-твоему, сейчас делаю?

– Не могу я за тебя замуж.

– Это ещё почему?

– Потому, что я тебе не верю.

– Когда же я успел тебя обмануть, что-то не припомню.

– Обниматься без спроса лез, раздевал тайком, целовал в губы. Мало, да!

– Ты же спала, откуда такие подробности знаешь?

– У меня сердце замирало, до того страшно было, что ты со мной можешь сделать

– Я тебя тоже жуть как боялся.

– Мне так не показалось, хозяйничал под одеждой уверенно. Почём зря тебя ругала. Как же ты додумался замуж меня позвать? Теперь уже не страшно?

– Я бы так не сказал.

– Ты же боевой офицер, лётчик. Смелее Петя, не думала, что мужчина может быть застенчивым романтиком. Чем же я тебе понравилась?

– Всем, Илоночка. Ты самая... Я тебя... Короче... Я вино принесу или как?

– Слова не мальчика, но мужа. И все про любовь. Или я ошиблась?

– Нет, то есть да... Конечно про любовь. А ты?

– Что я?

– Ты меня любишь, Илона?

– А ты меня, Петя, любишь?

– Ну, если замуж зову... могла бы сама догадаться, что люблю.

– Честно, откровенно, чувственно. Ты мне, Петенька, сразу приглянулся, особенно эти замечательные уши.

Петька засмутился, раскрасил свои выдающиеся локаторы малиновым цветом и потупил взор, словно красна-девица на выданье.

– Полюбил я тебя, Илонка, сам не знаю за что. Всю жизнь мне перевернула, зараза такая.

– Оригинальное, изысканное, нежное признание. Я тоже не знаю, за что ты меня полюбил. Наверно потому, что я красивая?

– Ну да! Красивая.

– Нежная, добрая, скромная, милая, так?

– Вот именно. Короче договорились. Целоваться уже можно?

– А давай поцелуемся. Давно пора. Нерешительный ты Петенька, слишком скромный. С таким характером можно до старости бобылём остаться. Я согласна.

– Правда! Илонка, радость моя, я всю жизнь тебя искал. Сам себе не верю.

– Я о семье и свадьбе всю жизнь мечтала. Не обманешь?

– Провалиться мне на этом месте, если... Илонка. Моя Илонка!

– Ну, уж нет, Петенька, пока ещё не твоя.

– Не понял. Ты же сказала, что согласна стать моей женой.

– Моя фамилия Кирпикова, а твоя – Полуянов. Торопись, милый Петенька. Нам с тобой ещё познакомиться нужно.

Всё могло быть иначе Часть 1

Как оставить без ответа

Фразу, брошенную залпом:

"Ты пошла бы на край света,

Если б я тебя позвал бы?!"

Как же объяснить, мой милый,

Чтобы не смотрел нахмурясь?

Я туда уже ходила -

Постояла и вернулась.

Елена Исаева

Ласковое, но холодное осеннее солнце создавало странную иллюзию тепла, заставляло щуриться, подставлять лицо приятно щекочущим кожу лучикам, хотя температура на улице была совсем не комфортная, и одеться пришлось в довольно тёплые вещи.

Ещё вчера, не переставая, моросил промозглый дождь, навешающий тоску и грусть, которую даже хорошая погода и бутылка вина не сумела окончательно развеять.

Коротенькую осеннюю аномалию отчего-то называют бабье лето, намекая на то, что радость и блаженство состояния хрупкие и быстротечные.

Задумываться над тем, почему женское счастье такое непродолжительное совсем не хотелось, но уныние и меланхолия прочно поселились где-то внутри тела, навешая сентиментальные мысли, выдавливающие слезу.

Под настроение, словно провидение умеет читать мысли, подвернулся сборник стихов с таким же настроением. Девушка прочитала несколько строк.

“Утомлённые мысли бестелесно упали в прах минувшей печали...” вещала поэтесса, усиливая щемящий душу эффект, отчего солёная капелька стекла по щеке прямо на книжный лист.

Марина закрыла книжку, залпом выпила бокал вина, нервно швырнула его в стену и зарыдала.

Находиться в замкнутом пространстве квартиры стало совсем невыносимо, нечем стало дышать.

Девушка умылась, на скорую руку привела в относительный порядок лицо, выбежала на улицу, и направилась по волглой, разъезжающейся лесной дорожке, лишь бы двигаться.

Марина Леонидовна, ей всего-то двадцать три года, но положение и статус вынуждают представляться именно так, изо всех сил пыталась развеять туман не совсем приятных воспоминаний. Увы, тщетно.

Ей становилось всё хуже и хуже.

Выглядела девушка довольно странно: полностью расстёгнутое дорогое пальто, болтающееся до самой земли вечернее платье с грязным уже подолом, модельные туфли, на которые налипли килограммы глины.

На стройной шее болтается шикарное кольцо с бриллиантами, на тонких запястьях массивные, ажурной выделки браслеты, усыпанные драгоценными камнями в несколько рядов, в руках дизайнерская кожаная сумочка, из которой торчало горлышко от винной бутылки.

Её лицо было похоже на маску печального мима с нарисованными разноцветными слезами, которые размазаны вместе с краской.

Марина Леонидовна еле волочила шикарные ножки в прозрачных колготках телесного цвета, которые мужу привезли то ли из Лондона, то ли из Парижа, с пудовыми гирями из дорожной грязи.

Ей всё равно куда идти. Жизнь, ещё сегодня ночью казавшаяся раем, открыла внезапно потайную дверь, показав изнанку высокого социального статуса.

Средь шумного бала, когда веселье было в самом разгаре, когда музыка и танцы развернули душевные струны, подарили ощущение эйфории, когда жизнь фонтанировала лучшими проявлениями, когда всё складывалось лучше некуда...

Да-да, на самом пике блаженства, от избытка впечатлений, чувств и усталости Марине Леонидовне захотелось несколько минут тишины.

Счастья стало так много, что она не могла с ним справиться. Несколько минут, всего несколько минут посидеть с закрытыми глазами, переварить избыточные эмоции, плещу-

щие через край, этого достаточно.

Мариночка, женщина впечатлительная.

Жила себе, жила обыкновенная девушка, не хуже и не лучше других: симпатичная, невесомая, нежная, как и все представительницы её поколения, вступившие в пору чувственности.

Разве можно не быть соблазнительной, обворожительной и кокетливо-привлекательной, когда тебе слегка за двадцать и созревшее тело требует романтических ощущений?

Любовь, во всяком случае, грёзы о ней, стучали в висках, излучая вокруг импульсы восторженного желания. В пору цветения любая жизнь благоухает и источает красоту, призывая наслаждаться.

Мариночка не была исключением из правил.

Ещё в школе между девочками все разговоры были в основном о мальчишках, о любви и свадьбах. Маленькие шалуньи загодя примеряли в мечтах подвенечные платья, учились флиртовать и предъявлять свои зреющие прелести.

Тогда ещё и смотреть-то было особенно не на что: плос-

кие грудки, узкие бёдра, тоненькие, как спички ножки с узловатыми коленками, сбитыми в кровь в процессе девичьих игр, обгрызенные ногти.

Ну и что? Зато совсем скоро им будут завидовать те, кто на несколько лет младше.

Мариночка превратилась из серой утки в белую лебедь немного раньше, чем одноклассницы. Спелые округлости появились в четырнадцать, а в пятнадцать, чтобы её провожать и поднести портфель, нужно было занимать очередь.

Королевой она не была, но привлекательность и свежесть делали своё дело, обеспечивая девочке бесперебойно обойму поклонников. Ей было из чего выбирать, и она это делала как истинная принцесса, не обращая внимания на всех подряд.

Мариночка искала своего, лучшего, и он не замедлил появиться. Правда, немного позднее, когда ей исполнилось двадцать. Она сохранила для него целомудренность и свежесть.

Антон Фёдорович ухаживал талантливо, красиво, блистал умом и галантностью, был нежен и добр.

Как в такого кавалера не влюбиться?

Конфетно-букетный период растянулся почти на год. Марина не спешила с выбором, не подгоняла романтические чувства. Она хотела разобраться в себе и любимом.

Тогда он был просто Антошенька: милый забавный паренёк с горящим взором и душой поэта. Ему легко удавалось всё, начиная от учёбы и заканчивая танцами.

Двигался мальчишка виртуозно, водя Мариночку по танцевальной площадке, словно делая предложение. Впрочем, так оно и было.

Но в любви Антон признался несколько позднее, когда расписались и сыграли свадьбу, видно считал этот факт очевидным.

Антон замечательно пел, аккомпанируя сам себе на гитаре, рисовал, сочинял стихи, пусть не вполне талантливые, но чувственные, с искрой. Его музой непременно была Мариночка. Он её боготворил, в буквальном смысле носил на руках, которые её хрупкое тельце прижимали к широкой груди.

В объятиях любимого девочка была уверена, что и парень от неё без ума, чувствовала себя защищённой и нужной. Это

было видно по всему.

Юноша млеял, дотрагиваясь до любимой, особенно, когда один за другим целовал миниатюрные пальчики с детскими ноготками.

Как чувственно он держал её ладони, сколько любви и нежности светилось в пронзительном взгляде.

От его присутствия Мариночка цепенела, дыхание её становилось горячим, сердечко заходило от трепета, лицо и шея покрывались румянцем, на лбу выступала испарина.

Но было и нечто ужасное – её трусики отчего-то становились мокрыми.

Из-за этого девочка считала себя безнравственной и распущенной. Разве можно так реагировать на друга? Он ведь ещё даже не жених. Как ни пыталась Мариночка отогнать видения, в которых милый обнимал её и целовал, совсем не ладони, стыдно сказать куда – в губы.

Сны и видения появлялись всё чаще, пробуждая небывалую чувственность. Мариночку накрывало пеленой блаженства, груди томительно ныли от предчувствия сладостных ощущений, сосочки буквально распирало, заставляя к ним

прикасаться.

Девочка просыпалась в поту, потрясённая переживаниями. Каждая клеточка тела стонала от удовольствия, эмоции переполняли, унося в некое подобие путешествий, но не в пространстве, а внутри своего тела, даря неведомые впечатления, которые хотелось повторять вновь и вновь.

Позже эти видения воплотились в реальность, только были гораздо ярче.

Первые месяцы совместной жизни буквально впечатались в память, как самые счастливые мгновения жизни. Их отношения были похожи на медленный танец, эмоции и переживания зашкаливали, заставляя сгорать заживо в огне страстей.

Что же они тогда вытворяли, уму непостижимо, но ей совсем не было стыдно. Напротив, каждое движение казалось чистым и непорочным, не смотря на то, что совершались по её мнению развратные действия, причем теми местами, которые даже упоминать считается неприличным, которые принято скрывать от постороннего глаза, даже не называть по возможности.

Какие глупости, разве можно считать пошлым то, что за-

ложено природой, как акт любви? И что теперь? Как жить с тем, что Марина увидела и почувствовала сегодня?

А увидела она те же самые действия и движения, но вульгарные, безнравственные, пошлые.

Праздновали юбилей какого-то местного чиновника довольно крупного ранга. Всё было красиво и пристойно. Марина Леонидовна немножко устала, у неё закружилась голова, гудели ноги от высоченных каблуков, к которым она никак не могла привыкнуть.

Все кабинеты на первом этаже были закрыты, в вестибюле и коридорах обнимались и разговаривали парочки.

Девушка, не задумываясь, пошла в кабинет мужа, который точно был открыт, ведь там они разделись.

То, что она увидела, не просто смутило или выбило из колеи, уничтожило, вывернуло мозг наизнанку.

Когда же это началось? Когда!

В слезах прибежав домой, Марина Леонидовна достала из бара бутылку вина, кажется французского, очень дорогого, из какой-то коллекции, отхлебнула. Кислятина. Крымские

вина ей нравились больше.

Впрочем, какая разница, чем напиться, чтобы потерять сознание и не помнить, что увидела?

Муж Марины Леонидовны – крупный чиновник в областном железнодорожном ведомстве. На вечеринках Марина не однажды слышала, как за глаза Антона Федоровича называли парашютистом. Говорили, что такие должности просто так не дают.

Собственно, какое это имеет значение? Просто её муж особенный. У него талант. Человек умеет ладить, умеет руководить. Он всё может и не абы как – лучше всех. Значит, должность досталась ему по праву.

Когда они поженились, Антон тогда только закончил учиться, его сразу поставили начальником участка. Он справился. Естественно, его начали продвигать. Кого же ещё?

Они уже тогда жили неплохо, в расходах особенно не стеснялись.

А однажды сияющий Антошка пришёл, подхватил Мариночку на руки, закружил, покрыл лицо и шею поцелуями. Его распирало от радости и гордости.

Ну и пусть. Он же не для себя одного старается.

– Мариночка, радость моя, с сегодняшнего дня ты Марина Леонидовна и никак иначе. Если кто-то посмеет обратиться к тебе без отчества, откажи ему от дома и задави презрением.

И меня не смей называть иначе, чем Антон Фёдорович, даже дома. Наедине тем более, чтобы не унижить меня нечаянно перед холопами. Я теперь ого-го как взлетел. Даже боюсь вслух произнести название должности.

Как мы с тобой заживём, любимая, тебе и присниться не может. Одеваться теперь будешь только в фирму, есть и пить одни деликатесы. Ты теперь по местной табели о рангах – графиня. В золоте и бриллиантах купаться будешь. Вот так!

Однако с того дня всё пошло совсем не так. Не пошло, а пошло, вульгарно.

Называли, правда, Марину по имени с отчеством, ручку целовали и заискивали, но это скорее бесило и расстраивало, чем радовало.

Долго не могла Марина Леонидовна привыкнуть к таким

церемониям, не по себе было.

Позже привыкла, приспособилась, хоть и не испытывала приятных чувств: надо так надо. Статус требует. Нельзя подводить мужа.

Не так много времени прошло, как Антон Фёдорович окончательно застолбил себе место на чиновничьем Олимпе, почувствовал, что ему теперь дозволено всё.

Приходит со службы важный, медлительный, надменный, начинает брюзжать и приказывать.

– Не прислоняйся, костюм помнёшь. Ты что, не мылась сегодня? Чего от тебя бабой воняет? Духи французские для чего тебе покупаю? Девочка должна цветами и фруктами пахнуть.

– Не сердись, Антон Фёдорович. Вспотела немного. Раньше тебе нравился аромат моего тела. Давай лучше покушаем. Я такой вкуснятины наготовила, пальчики оближешь.

– Без тебя накормили до отвала. Рестораны на что? Что за вид у тебя, как колхозница выглядишь.

– Мы же дома. Я делами домашними занималась, умая-

лась.

– Структурируй своё время, успевай, пока меня дома нет. Мужа должна во всеоружии встречать, принцессой выглядеть. И эротики, эротики побольше. Декольте там, туфельки на высоком каблуке, бельишко изящное, педикюр-маникюр, чтобы я сразу захотел в постели с тобой барахтаться.

– Я человек занятой, мне некогда с лирикой и романтикой рассусоливать. Живо под душ! Да скоренько, не томи. Побрызгайся чем-нибудь вкусным. Боже, такая красotka была, куда всё подевалось?

– Чего возишься, некогда мне, по-быстрому палку брошу и убегу. Ждут меня. Деловая встреча. Поешь без меня.

– И не куксись! Какого чёрта! Вот ещё моду взяла. Жена чиновника моего ранга должна быть готова, что муж работает круглосуточно и без выходных. Положение обязывает жертвовать собой.

– Да, вот прикупил колье с бриллиантами. Кучу денег отвалил. Через месяц серёжки к нему обещали привезти. Ну чего как коза вылупилась? Одна нога здесь – другая там. Живо!

– Антоша...

– Сколько раз говорить, Антон Федорович. Накажу. Завтра съездишь вот по этому адресу, примеришь шубку из соболя. За неё уплачено. Выберешь, чтобы сидела как влитая. Ты обязана имидж мой поддерживать. И поднимать. А сейчас вот эту штуку поднимешь. Как я сейчас тебя... Ух! Пошевеливайся! Некогда мне.

– Антон Фёдорович, может потом, когда придёшь, я не готова?

– Не капризничай. Сказано сейчас, значит сейчас. Чтобы через пять минут готова была.

Поначалу Марина плакала от такого обращения, потом свыклась, стала считать, что её неправильно воспитывали. Муж, мол, всему голова, он хозяин и этим всё сказано. А то, что много работает – что поделаешь, должность обязывает.

Дискомфорт Марина испытывала колоссальный, но терпела. Думала, что перебесится.

Она никак не могла в толк взять, куда подевалась любовь и что взамен неё получила? Чувства против достатка – такой размен её никак не устраивал.

От обладания дорогими шмотками Марина наслаждения не испытывает. Лучше бы вернуть чувства и отношение, как вначале было.

Время от времени её так накрывало, что хотелось покончить со всем разом, включая себя, радикально. Только не по-людски это.

Развод просила – не даёт.

Я, мол, коммунист. Развод на имидже может сказаться, да и должности могут лишить. Чиновник обязан быть безупречным, безукоризненно порядочным и семейным.

Всё могло быть иначе Часть 2

– Что там у него за деловые встречи по ночам? О чем и с кем они там до утра совещаются? Одним бы глазком взглянуть, минуточку послушать, – мучилась неосознанными сомнениями Марина. – А наряжается-то как. Новое бельё по несколько раз в день меняет, стиранное на работу не оденет.

– Дурной тон, коллеги и подчинённые не поймут, если одежда небезупречна, – объяснял муж.

– Непонятно. Кто у него трусы проверяет, или ему перед коллегами дефилировать приходится?

Вот и увидела сегодня невзначай одну из проверяющих эти самые трусы сотрудницу.

Вошла в кабинет на цыпочках, Антон Фёдорович не позволял дома так ходить, чтобы слышно было. Обучилась этому мастерству на свою голову.

Увидела и обомлела. Белая рубашка, галстук, а портки спущены.

Антон с силой пихал своего коня меж тоненьких ножек

в шикарных туфельках.

Марину Леонидовну чуть не стошнило.

Верила ведь она Антону. Как себе верила. А он...

Муж энергично, сноровисто, размеренно работал на ниве сексуального удовлетворения, никуда не торопясь, с большой амплитудой. Видимо представлял, что распекает или наказывает подчинённую на важном совещании. Марина это так поняла.

Ноги девицы болтало по вертикали. Антон рычал, девочка стонала.

Любовники видимо были на пределе, потому, что не замечали ничего. Невольно подумалось, что её время ушло, что она уже старуха.

– Руководитель, наставник. Молодое поколение обучает секретам профессии. Правда не руками водит, чем-то иным, но энергично, по партийному.

Видимо, исходя из предчувствий, она была готова увидеть нечто подобное. Шок прошёл довольно быстро.

Реакция на происходящее была спонтанная, но чёткая.

Марина Леонидовна подошла к голубкам на цыпочках, ласково, нежно положила мужу руку на плечо.

Антон Фёдорович вздрогнул от неожиданности, обернулся. Мокрая штука вывалилась из глубины вагины, принялась сморкаться. Похоже, предохраняться любовники не собирались.

– Неприлично, Антон Фёдорович, на такой должности да с насморком. Надеюсь, антибиотики не понадобятся.

Что Марине взбрело в голову – непонятно, да и не думала она так поступать, само вышло. Марина Леонидовна левой рукой с силой сдавила мошонку мужа, правой с размахом хлётко врезала по его лицу.

Удовлетворения не получила, но исполнила ещё один дубль для надёжности, затем отпустила мужское достоинство, брезгливо вытерла руку измазанную в сперме о промежность любовницы с раздвинутыми ножками.

Всё это время Антон Фёдорович стоял, корчась от боли, с открытым ртом и лихорадочно пытался вдохнуть.

Вела Марина Леонидовна себя по-царски, очень достойно, словно на приёме у короля: медленно, с уважением плюнула любимому в харю, затем церемонно откланялась, развернулась и, гордо подняв голову, медленно вышла из кабинета.

Истерика у неё началась позже, когда осознала, что всему конец, что только что размазала на чужом женском животе свою любовь, что прошлого уже не вернуть.

– А ведь Антон каждый вечер на совещания ходил. И в выходные. Сколько же баб он успел за это время оприходовать? А меня насилдовал по-быстрому. Вот такая любовь!

Марина Леонидовна допила вино прямо из горлышка, уселась в лужу и начала класть грязные блинчики на голову.

Только когда вся превратилась в комок грязи, опомнилась, осознала, что никуда от Антона уходить не собирается.

– Сам напросился. Впредь без отчества обойдётся. Не достоин. Это он на службе пан, а дома пусть теперь сам на цыпочках ходит. Относительно секса сама буду решать. Да, справку, справку нужно потребовать. И самой провериться не мешает.

– Имидж значит, статус? Будет тебе статус. Теперь тебе репутация дорого обойдётся. Завтра же лечиться начну, от стресса и сексуальной неудовлетворённости, и жить буду, как мне, а не ему нужно.

– Той профурсетке, что ножками дрыгала, лет семнадцать, не больше. Хотя, кто их, нынешних поймёт, ещё в школе науку соблазнения постигают. Да то их личное дело. Ах, Анотон Фёдорович, ай пройдоха, ай пошляк, ай кобель. Ну да ладно, клин клином вышибают. Найду и я себе отдых для души, покажу, что почём. Всё прощала, но такое...

– Имидж большому чиновнику портить не годится, себе дороже. Но своё фи покажу. Как аукнется – так и откликнется.

– Видно, для того, чтобы об меня ноги не вытирали, нужно стать настоящей стервой. Стану. И цену себе сама назначу. Большую цену. Хочу настоящего горячего секса, чтобы пар из ушей, но не мимоходом, а с чувством. Влюбиться хочу.

– Душа требует сатисфакции, отдохновения и праздника. Но сначала успокоиться нужно и себя надлежащим образом преподнести. Принцесса, говоришь?

Грязь в луже оказалась настоящая, жирная, прилипчивая.

Марина Леонидовна дошла до пруда, посмотрела на холодное солнышко, которое всё ещё светило, словно правда было лето, на свинцовую воду, и неспешно, с достоинством забралась в него прямо в одежде..

Мылась долго, словно с удовольствием. Видимо адреналин в крови притупил чувства. Продрогла до самых костей, но больше не плакала.

Антон Фёдорович был дома, неуверенно покашливал в своём кабинете.

Марина сбросила с себя мокрую одежду, осталась лишь в украшениях из золота, энергично намяла соски, чтобы эротично набухли, и в таком виде прошлёпала в кабинет.

– Там в коридоре грязь, прибереи, любимый. Шмотьё отнеси на помойку. Я пока погреюсь в ванной. Да, кофе мне сделай и денег на завтра оставь, да не жмись. Мне теперь много денег нужно будет.

– Это, Марина Леонидовна, я...

– Проехали. Плевать я хотела на твои похотливые подвиги. У нас с тобой, милый муженёк, новая жизнь начинается. А пока делай, что сказала. Два раза повторять не буду. Я всё

поняла, это ты по службе старался.

– Нам нужно поговорить.

– Не нужно. Если боишься развода – расслабься. Всё в порядке. Отныне у нас с тобой брак по расчёту. Насчёт секса – не скажу, не решила пока. Брезгую. Ты же мальчик большой, самостоятельный, а я понятливая. Быть у воды и не напиться – глупо. Дают – бери. Но сам понимаешь – за всё нужно платить.

– Извини, если нанесла травму твоему мужскому достоинству в прямом и переносном смысле. Спонтанная реакция на предательство. Не хотела опускаться до стычки с соперницей. У тебя ассистентки – девочки сладкие, молоденькие, быстро вылечат. Только впредь паспорт хотя бы спрашивай, посадят неровен час за соращение малолетних. Мне муж на свободе нужен.

– Значит...

– Ничего это не значит. Иди, выполняй. Замёрзла я. Коньяк у нас есть?

– Не знаю.

– Впредь чтобы знал. От вина меня пучит. Коньяк или виски.

– Извини...

– Да пошёл ты! Дон Жуан из Хаципетовки. Кофе не забудь сделать.

– Марин, одежда дорогая, новая.

– Для тебя теперь Марина Леонидовна. Ты меня что, на помойке нашёл? Где твоя коммунистическая сознательность? Долго ждать буду? Я уже в ванной.

Антон Фёдорович, как ни странно, стерпел. Недели две по вечерам сидел дома. Потом успокоился, опять начал совещания посещать. А Марина Леонидовна приступила к активному поиску подходящего персонажа для реализации операции «Возмездие».

Где отыскать настоящего героя, на которого можно положиться, ведь с ним возможно даже спать придётся?

Но сначала другой вопрос нужно решить. Куда бы вы положили нужную вещь, если не хотите, чтобы её обнаружили или украли? Конечно, на самое видное место. Там надёжнее

всего. А какое в областном городе самое видное место, о котором ничего предосудительного сказать невозможно?

Больница. Или медицинский центр. Там докторов молодых...

Самая хитрая хитрость – не хитрить. Положи бриллиант в воду, никому в голову не придёт там его искать – прозрачный.

Рисковать напрасно, нарываться на неприятности, Марина Леонидовна не хотела. Ни к чему. Зная характер мужа, заметив, что он начал забывать урок вежливости, девушка знала, что скоро Антон перейдёт в наступление.

Марина к такому повороту событий подготовилась, заранее отрепетировала диалоги и аргументы.

– Антон Фёдорович, что вы скажете о медицинском центре Министерства Путей Сообщения нашего города, есть там хорошие специалисты?

– Для тебя, дорогая, самых лучших найду.

– Вот и чудненько. Пришли-ка за мной машину завтра часам к девяти, пусть отвезут. Нужно специалистам показать-

ся.

– Что за недуг у тебя, солнышко?

– Несколько проблем. Разные: по женской части по причине твоей неверности, нервы у меня расшалились, диетолога опять же посетить нужно. Сам намекал, что постарела, обабилась. Пора собой заняться.

– Чего глупости вспоминать? Ты у меня самая красивая.

– Но-но, видела, на кого у тебя конь кашляет. Всю руку вожделением обтрухал.

– Всю жизнь вспоминать будешь?

– И буду. Пока все грехи не замолишь.

– Говори, чего тебе хочется.

– Чего хочу – у тебя нет.

– Из-под земли достану.

– Мертвеца что ли достанешь? Не хочу из-под земли.

– Пластическую операцию хочешь?

– Спасибо, пешком постою. Я себе такая нравлюсь. Завтра водителя мне. Пока всё.

Молодых докторов в клинике было достаточно, но Мари-не требовался холостой, чтобы как Сивка Бурка: встань передо мной, как лист перед травой. И поскакал.

Двоих претендентов отыскать удалось. Ходила к ним чуть не месяц как на работу: глазки строила, стройные ножки оголяла, декольте опускала чуть не до пупочка, французскими запахами совращала.

Клюнул.

Доктора звали Дмитрий Алексеевич, диетолог. На всех пациентов по пятнадцать минут тратил, а Мариночку по два часа ублажал.

Она дурочку включала, каждый раз норовила в обморок свалиться.

Как он девушку реанимировал, вам присниться не может.

Знаете такой способ: рот в рот? Вот им он и пользовался,

да так усердно: испарина на лбу, сбивчивое дыхание, дрожащие руки.

Кто захочет ценную пациентку, жену крупного чиновника терять.

Чтобы воздух изо рта даром не выходил, Дмитрий Алексеевич языком помогал.

На третий или четвёртый раз доктор кабинет на ключ изнутри закрыл, чтобы не беспокоили: не дай бог зайдут, испугают пациентку – никакая реанимация не поможет.

Процесс лечения с тех пор пошёл ускоренным темпом. Он Мариночке такую диету разработал – закачаешься. Утром секс и в обед секс

В обед с добавкой.

Это было что-то. Такое эффективное лечение прописывают только самым ценным клиентам. Девушка всего за месяц похудела на шесть килограммов. Это притом, что ела она что хотела, даже с добавкой.

Мариночка Леонидовна оказалась большая любительница сладкого. А как Димочка танцевал. Ну, просто, как Антон

Федорович в те волшебные времена, когда ещё не был крупным областным чиновником.

Обычно в тишине гостиничного номера доктор брал её за талию двумя руками, задерживал дыхание и впивался в губы. Мариночка по привычке изображала обморок: больно уж ей процесс реанимации по сердцу пришёлся.

Потом было божественное продолжение. Это уже в кровати. Доктор Димочка больной постельный режим прописал, как минимум часа на два. Правда, по выходным он редко работал, если только у Антона Фёдоровича срочное совещание было.

Марина Леонидовна доктора по телефону вызывала, лишь меры предосторожности просила принимать на всякий случай: белый халат, чемоданчик с красным крестиком, стетоскоп. Ни к чему светиться. Статус мужа не позволяет.

Здорово он тогда Мариночку вылечил, от всех болезней разом.

Хороший был доктор, виртуоз своего дела: только о пациентке и думал. День и ночь справлялся о её душевном и физическом здоровье.

Прибегал по первому зову и лекарство с собой прихватывал. Никаких сверхурочных не чурался.

Однажды даже на море в Феодосию приезжал процедуры проводить, где Марина с мужем отдыхала. И ведь не корысти ради – из любви к профессии, к врачебному долгу.

А Антон Фёдорович, бедолага, слишком ответственная у него должность, совсем здоровьем слаб стал: то печёнка зашвистит, то сосуды сожмёт спазмом, то дисфункция сердца, то давление скачет.

Ему бы такого доктора.

Но ничто не вечно: Дмитрий Алексеевич влюбился, женился, обзавелся наследниками и переехал в другой город, поближе к Столице.

Иногда Мариночка сядет на кухоньке, вытащит портрет своего спасителя и всплакнёт.

Вот ведь какие люди бывают: щедрые, бескорыстные, жертвенные.

Вспомнит его добром, разбередит чувственно память о са-

мом лучшим человеке в своей жизни, размякнет, растрогается.

Много с тех пор докторов брались Марину Леонидовну оздоравливать. Некоторым кое-что удавалось, фрагментарно, но так, чтобы всё разом вылечить, такого не встретила, хотя иногда очень усердно прописанные процедуры принимала.

Так она с мужем и живёт. Наверно любит его, потому и не бросила. А обида всплывает, бурлит, шевелится.

Она ведь в молодости Антону Фёдоровичу самое интимное отдала, самое дорогое, чем богата каждая девочка – любовь и целомудренность, а он над её доверчивостью так поглумился.

А ведь всё могло быть иначе.